РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2014. № 5 (65)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу http://elibrary.ru (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся изданий и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "**Ulrich's Periodicals Directory**"

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@szipa.ru, uk@szags.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014
© Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014
© Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2014
© Все права защищены

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — председатель совета, главный редактор;

Гуторов В. А. — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных Академий государственной службы (Москва)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета (Латвия);

Хань Лихуа — профессор, директор Института Конфуция при Российском гуманитарном университете (Москва), профессор Института международной экономики Университета международного бизнеса и экономики (Пекин, Китай);

Апостолов Марио — региональный советник отдела торговли и устойчивого землепользования ЕЭК ООН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Косов Ю. В. — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург), заместитель главного редактора;

Акопов С. В. — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Васецкий А. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кириллов А. Л. — доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Китин Е. А. — кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Клюев А. В. — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Князев Е. Ю. — начальник управления научной работы Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Курзенев В. А. — доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Лезеан Э. — PhD, доктор философии по политическим наукам (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Пятигорск);

Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук (Москва);

Софьина В. Н. — доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Старовойтов А. А. — доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Стрельников В. В. — доктор биологических наук, профессор (Краснодар);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург)

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

7 **ВОЛЬМАН Х.**
Публичные услуги — между муниципальным и частным сектором: «возвращение коммун»?

19 **ПРОСКУРЯКОВ М. Р.**
Дискурс социальных медиа как сфера государственной коммуникации

25 **ВОЛОДИНА Л. В., КОСТРИЦКАЯ Т. Б.**
«Мягкая» сила как инструмент управления репутацией страны

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

31 **ЦАЦУЛИН А. Н., ЯКОВЛЕВ М. А.**
Основа регионального медико-фармацевтического кластера — инновационная активность

43 **ЖВИРБЛИС Ю. А.**
Компоненты изменения численности населения в Российской Федерации

49 **ДЕСЯТНИЧЕНКО Д. Ю.**
Институциональные проблемы и дискуссионные вопросы инновационной модернизации экономики регионов РФ

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

60 **КОСОВ Ю. В., ХАЛИН В. Г., ФОКИНА В. В.**
Созвездие талантов — ключевой фактор формирования университетов мирового класса: российский и зарубежный опыт

73 **ЕМЕЛЬЯНОВ С. М.**
Корпоративная социальная ответственность в стратегии современной компании: методологические подходы

86 **ЦИНЧЕНКО Г. М.**
Семейная социализация и воспитание

100 **БУТАКОВА Н. А.**
Договор о транспортно-экспедиционной деятельности в структуре мультимодальных отношений

105 **АЛЕКСАНДРОВА С. П.**
Реализация Конвентом обещаний, данных Карлом II в Бредской декларации

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

113 **ЧИМАРОВ С. Ю.**
Обер-священник армии и флота России П. А. Моджугинский: страницы истории армейского и флотского духовенства (13.11.1826–3.09.1827)

A LINEA

118 **КАТЦОВА М. А.**
Прибалтика или Скандинавия?
К проблеме внешнеполитической ориентации Финляндии в 1920-е гг.

125 **СОВЕТНИКОВА О. В.**
На пути от «франкофонии» к «Франкофонии»

133 **КАШИРСКАЯ А. В.**
Становление дальневосточной приграничной политики России

139 **СУББОТИН П. А.**
Кадровая политика как одна из основ рекрутирования политической элиты

148 **КОРОЛЕВА А. В.**
Внешнеторговая деятельность Северо-Западного федерального округа со странами региона Балтийского моря

153 **ПШЕНИЧНИКОВ Р. С.**
Методика прогнозирования мобилизации венчурного капитала

POLICY AND LAWFUL STATE

7 **WOLLMANN H.**
Public Services — between the Municipal and Private Sector: "Return of Communes"?

19 **PROSKURYAKOV M. R.**
Discourse of Social Media as Sphere of the State Communication

25 **VOLODINA L. V., KOSTRITSKAYA T. B.**
«Soft» Power as an Instrument of Reputation Management of the Country

POWER AND ECONOMY

31 **TSATSULIN A. N., YACKOVLEV M. A.**
The Basis of the Regional Medical Pharmaceutical Cluster — the Innovative Activity

43 **ZHVIRBLIS Yu. A.**
Components of Population Change in the Russian Federation

49 **DESYATNICHENKO D. Yu.**
Institutional Problems and Discussion Questions Innovative Modernization of the Economy of Regions of the Russian Federation

SOCIETY AND REFORMS

60 **KOSOV Yu. V., HALIN V. G., FOKINA V. V.**
Constellation of Talents — a Key Factor of Formation of Universities of a World Class: Russian and Foreign Experience

73 **EMELYANOV S. M.**
Corporate Social Responsibility in Strategy of the Modern Company: Methodological Approaches

86 **TSINCHENKO G. M.**
Family Socialization and Upbringing

100 **BUTAKOVA N. A.**
The Contract on Forwarding Activity in Structure of the Multimodal Relations

105 **ALEKSANDROVA S. P.**
The Convent's Realization the Promises Which Was Give by Charles II in the Declaration of Breda

HISTORY AND CULTURE

113 **CHIMAROV S. YU.**
The Russian Army and Navy Ober-priest P. A. Modzhuginsky: the Pages Ofhistory of the Army and Navy Clergy (13.11.1826—3.09.1827)

A LINEA

118 **KATTSOVA M. A.**
Baltic Countries or Scandinavia? On the Problem of Foreign Policy Orientation of Finland in the Period of 1920s

125 **SOVETNIKOVA O. V.**
On the way from «francophony» to «Francophony»

133 **KASHIRSKAYA A. V.**
Formation of Far East Border Policy of Russia

139 **SUBBOTIN P. A.**
Personnel Policy as one of the Foundations of Recruitment of the Political Elite

148 **KOROLEVA A. V.**
Foreign Trade of the North-West Federal District with the Countries of the Baltic Sea Region

153 **PSHENICHNIKOV R. S.**
Methodology of Forecasting of Mobilization of the Venture Capital

Вольман Х.

Публичные услуги — между муниципальным и частным сектором: «возвращение коммун»?

Хельмут Вольман

Доктор права, профессор, ведущий западный специалист в области административного управления, реформ публичного сектора, местного самоуправления, разработки и исследования метода оценивания программ и политики. На протяжении долгого времени преподавал на факультете социальных наук Университета им. Гумбольдта (Берлин, Германия).
В настоящее время проводит многочисленные лекции, участвует в рабочих и исследовательских группах в различных странах мира, работает в международных организациях, ориентированных на исследование и развитие публичной политики и управления.

РЕФЕРАТ

Проблема выбора конкретных форм предоставления услуг населению муниципального образования и осуществляющих этот процесс организаций сохраняет свою актуальность начиная с XIX столетия и до настоящего времени. Подход к решению данной проблемы менялся неоднократно: первые ростки «муниципального социализма» были в дальнейшем поддержаны развитием социального государства, принявшего на себя основной груз ответственности за обеспечение качества жизни. Главной являлась при этом политическая рациональность, исходившая из идей равенства и социальной справедливости. Во второй половине прошлого столетия на смену политической рациональности приходит рациональность экономическая, потребовавшая активной приватизации различных типов услуг для снижения затрат бюджетов всех уровней на субсидирование многих процессов по жизнеобеспечению территорий. Реформы такого типа осуществлялись в основном консервативными политическими силами: наиболее радикально в Великобритании при правительстве М. Тэтчер.

В настоящее время наблюдается интенсивное движение в противоположном направлении, т. е. рекоммунализация процесса предоставления важнейших услуг по жизнеобеспечению и поддержанию качества жизни на уровне, соответствующем параметрам, закрепленным законодательством конкретной страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

услуги, жизнеобеспечение, муниципальный социализм, социальное государство, политическая рациональность, экономическая рациональность, рекоммунализация

Wollmann H.

Public Services — between the Municipal and Private Sector: “Return of Communes”?

Hellmut Wollmann

Doctor of Law, Professor, the leading western expert in administrative management, reforms of public sector, local government, development and research of a method of estimation of programs and policy. Throughout long time he was the Professor of the Faculty of Social Sciences of Humboldt University of Berlin (Germany).
Now gives numerous lectures, participates in working and research groups worldwide, works in the international organizations focused on research and development of public policy and management

ABSTRACT

Since the 19th century and till now the problem of choice between different forms of services for the citizens and of the organizations giving the services on optimal level of life quality does not lose its actuality. The approach to solving the problem has changed many times: the first steps of the “municipal socialism” have been promoted by the welfare state, which was fully responsible for a life quality to the utmost. The main role played during the time the political rationality including ideas of equality and social justice. But in the second half of the 20th century the economic rationality won the leading place and many services have been privatized to cut the expenses of budgets on different level for subsidizing them. Such reforms were carried out mostly by conservative governments, the most radical ones in Great Britain by M. Thatcher.

At present the recommunalization of services in the communities is relatively intensive. It means the municipalities are turning round and taking back the municipal organizations and the responsibility for a life quality of their citizens.

KEYWORDS
services, life quality, municipal socialism, welfare state, political rationality, economic rationality, recommunalization

1. Введение. Постановка проблемы

В статье речь идет о публичных услугах, которые предоставляются под различными наименованиями в большинстве стран[1], а в терминологии ЕС определяются как «услуги, представляющие общественный экономический интерес» [36], охватывают энергоснабжение, водоснабжение, отведение стоков, обращение с отходами, а также общественный транспорт.

В самом общем виде в истории предоставления этих услуг различными учредителями (органами и организациями) могут быть выделены несколько фаз.

В XIX в. первоначально преобладала ответственность муниципалитетов, которые являлись и непосредственными исполнителями, а также обеспечивали процесс финансово (существовала даже тенденция к своеобразному муниципальному социализму). В связи с широким развертыванием национального социального государства за этим последовало доминирование публичного сектора (а в нем муниципальных организаций). С 1980-х гг. решающим стало участие частного сектора путем передачи (аутсорсинга) ему как внешнему исполнителю услуг для предоставления потребителю или материальной приватизации.

В последнее время наметилась новая тенденция: предоставление публичных услуг снова во все большей степени осуществляется муниципалитетами и их предприятиями, что, выражаясь образно, «качнуло маятник» в противоположную сторону. Муниципалитеты переживают возвращение своей исторической роли социально-политического актора, действующего в интересах местного сообщества.

Данная статья призвана продемонстрировать это развитие на примере таких стран, как Германия, Франция, Великобритания и Италия, и прежде всего исследовать вопрос о том, в каких сферах деятельности, в каком объеме и по каким причинам наблюдается ремуниципализация и как может быть подтверждено наличие подобного процесса.

2. Концептуальные рамки

Рассматриваемое развитие может анализироваться на основе двух противоположных институциональных логик.

2.1. Организационные логики

Во-первых, с точки зрения того, кто может выступать в качестве учредителя в процессе предоставления публичных услуг, можно выделить три различных варианта: [12, 19, с. 166 и далее, включая примечания].

- *Публичный (государственный / муниципальный) учредитель.* В данном варианте необходимо также различать, кто является непосредственным исполнителем, т. е. исполняет функции и предоставляет услуги. Это могут делать государство/муниципалитет и их персонал непосредственно (через свои внутренние организационные структуры) или предприятия, которые хотя и находятся в публичной (государственной/муниципальной) собственности, но функционируют (с оперативной и, как правило, финансовой точки зрения) самостоятельно. В последнем

[1] В Германии — Daseinsvorsorge (системы жизнеобеспечения), в Великобритании — public utilities (публичные сети), во Франции — services publics (публичные услуги), в Италии — servizi pubblici (публичные услуги).

случае речь идет о формальной (организационной) приватизации, которую в международной дискуссии часто называют корпоратизацией [12].

- *Исполнение задач внешними исполнителями*. Им исполнение задач передается договором (как правило, на ограниченный срок, по типу концессии). В качестве исполнителей выступают частные организации, а также некоммерческие организации (третий сектор). Этот институциональный вариант определяется как функциональная приватизация (с учетом французского опыта — приватизация во французском стиле)[1].
- *Частные учредители/исполнители*. Имеется в виду смена формы собственности: предприятие передается от публичного (государственного/муниципального) собственника частному. В данном случае речь идет о материальной приватизации. В случае частичной смены формы собственности и одновременного существования государственной/муниципальной и частной собственности возникают предприятия смешанного типа. К ним относят также именуемые по англо-саксонской традиции и образцу публично-частные партнерства (ПЧП).

В данном контексте под ремуниципализацией подразумевается как возврат задач, переданных в рамках функциональной приватизации (аутсорсинга) муниципалитетам, так и приобретение муниципалитетами ранее проданных в ходе материальной приватизации предприятий и частей предприятий для предоставления публичных услуг (эти и иные варианты представлены [20; 21].

2.2. Логики действия

Во-вторых, в отношении вариантов осуществления описываемого процесса могут быть выделены два варианта рациональности.

Экономическая рациональность концентрируется на эффективности затрат и получении прибыли (максимизации), в связи с чем существует тенденция игнорирования социальных, экологических и прочих затрат (их экстернализация). С точки зрения идеальных типов экономическая рациональность является ведущим принципом деятельности коммерческих организаций (как правило, монофункциональных), нацеленных на производство/предоставление определенной услуги на рынке частного капитала (в принципе, безграничном).

Политическая рациональность наоборот нацелена на достижение широкого спектра социальных, экологических и иных целей в определенных случаях, с учетом экономических результатов. Политическая рациональность свойственна (с точки зрения идеального типа) политически организованным территориальным корпорациям, чьи демократически избранные представительные органы (парламенты, представительные органы муниципалитетов) имеют политический мандат для принятия решений о содержании и процессе предоставления публичных услуг в соответствии с «общественным интересом» и «общим благом». На местном уровне избираемые представительные органы обязаны (в соответствии с законом) руководствоваться при принятии важнейших решений политической рациональностью, основанной на «общем благе» местного сообщества.

3. Фазы эволюции организационных логик и логик деятельности в предоставлении публичных услуг

В рамках дискутируемого здесь вопроса можно выделить несколько фаз эволюции, которые имеют значительные сходства и параллели независимо от страны или конкретного сектора [24; 10, с. 660; 36; 37; 25; также 26, с. 270 и далее].

[1] Цит. по: [9, с. 208].

3.1. Ранние этапы деятельности муниципалитетов (муниципальный социализм)

С момента начала развития капитализма, вызвавшего интенсивную индустриализацию и урбанизацию, перед быстро растущими городами с самого начала встала задача способствовать обеспечению безопасности и жизнедеятельности местного населения и экономики путем строительства водопроводов, канализации и энергетических предприятий. Раньше всего это развитие началось в Великобритании, где города, в первую очередь Бирмингем, начали активно включаться в предоставление услуг. Это движение, сопровождавшееся требованиями фабианцев о проведении социальных реформ, получило название «муниципальный социализм» [17].

В Германии города также начали достаточно рано играть немалую роль в предоставлении публичных услуг [31, с. 30 и далее]. Именно в Германии муниципалитеты начали создавать первые, эмбриональные формы и содержательные элементы «локальной социальной государственности», здесь также велись дискуссии о муниципальном социализме (в позитивном ключе сторонниками социальных реформ и полемически представителями консерваторов) [23; 26, с. 275, примечания]. Так, в 1908 г. муниципалитеты Германии с населением более 50 тыс. жителей управляли 93% предприятий водоснабжения, 86% предприятий газоснабжения, 74% электростанций и 41% трамвайных парков.

С учетом того что это постоянно увеличивавшееся в объеме предоставление услуг было тесно переплетено с формированием политической воли муниципалитетов и их представительных органов, можно с уверенностью говорить о решающей роли политической рациональности, отражавшейся в учете местных потребностей, не в последнюю очередь социальных.

3.2. Преобладание публичного сектора в развитом (национальном) социальном государстве

Развитие современного социального государства, наиболее интенсивно происходившее после Второй мировой войны и достигшее пика в 1970-е гг., определялось социал-демократическим убеждением в том, что публичный (государственный/муниципальный) сектор и его персонал наилучшим образом способны осуществлять предоставление расширяющегося спектра публичных услуг и реализовывать цели социального государства. Это убеждение и соответствовавшая ему стратегия привели к национализации энергетического сектора (в 1945 г. — в Великобритании, в 1946 г. — во Франции, в 1962 г. — в Италии) и водоснабжения (в 1946 г. — в Великобритании). Эта тенденция также нашла отражение во все более усиливавшемся участии муниципалитетов и их предприятий в предоставлении услуг. Последнее в особенности относилось к Германии, где муниципалитеты через свои многофункциональные — так называемые городские предприятия — играли ведущую роль во всех системах жизнеобеспечения. Оно включало также энергетический сектор (электричество и газ), где муниципалитеты утвердились наряду с региональными операторами и операторами, действовавшими одновременно в нескольких регионах [32].

Обслуживая свои «локальные рынки», муниципалитеты и их предприятия стремились к формированию так называемых закрытых рынков, что стало причиной обвинения их в монополизации [27]. Одновременно развитие в этом направлении позволяло муниципалитетам и их избираемым представительным органам руководствоваться при предоставлении публичных услуг общественными потребностями, т. е. политической рациональностью, а также стимулировало их к подобным действиям.

3.3. Продвижение частного сектора с начала 1980-х гг.

С конца 1970-х гг. неоспоримость концептуальных политических и институциональных преимуществ публичного (государственного/муниципального) сектора в процессе представления услуг населению была поколеблена, прежде всего, двумя сдвигами в сфере публичной политики и двумя противоположными мнениями в теоретических дискуссиях, а затем вытеснена концептуально-идеологически и фактически идеей приоритетности частного сектора.

С одной стороны, давление оказывалось неолиберальными изменениями в политике, которую проводило с 1979 г. в Великобритании консервативное правительство во главе с Маргарет Тэтчер [11, с. 34], оказавшее сильное влияние как первопроходец на другие европейские страны. Концептуально и идеологически этот процесс коренился в убеждении и основанном на нем требовании преодолеть примат публичного сектора и присущую ему неэффективность государства и бюрократии путем внедрения противоположной модели ограниченного только наиболее приоритетными функциями «стройного» государства (lean state), а также передачи остальных услуг частному сектору с включением их в рыночную конкуренцию.

С другой стороны, подобное развитие стимулировалось Европейским союзом, который исходя из постулата и цели создания «единого рынка товаров, услуг, капитала и персонала» во всей Европе и особенно в секторе публичных услуг (услуги общей экономической значимости) стремился разрушить существовавшие локальные рынки и монопольные организации путем использования конкурсных процедур, а также либерализации рынков и дерегулирования в отдельных специфических сферах деятельности [6, с. 19 и далее].

Под напором этих политических и концептуально-идеологических соображений в организационной логике предоставления публичных услуг произошел существенный сдвиг от публичного (государственного/муниципального) к частному сектору путем проведения функциональной (аутсорсинга) и материальной приватизации. Одновременно ведущую роль начала играть характерная для частного сектора экономическая рациональность.

Подробности изменений в политике и администрировании, вызванных неолиберальной политикой и моделью «нового публичного менеджмента» (НПМ), следует рассматривать здесь только в той степени, в которой они способны показать исходные условия и служить объяснением того, в каких странах, в каких конкретно секторах предоставления услуг и по каким причинам в настоящее время наблюдается ремуниципализация — движение в противоположном направлении по сравнению с предшествующей фазой развития (детали данного процесса см.: [34], а также авторов, проводящих анализ отдельных политических сфер, в [36]).

4. Рекоммунализация?

Эта проблема будет в дальнейшем рассматриваться на примерах таких секторов, как энергетика, водоснабжение и обращение с отходами в варианте их развития в Великобритании, ФРГ, Франции и Италии.

4.1. Энергетика

Роль муниципального сектора в энергетике повышается по мере того, как в политике национальных государств и ЕС усиливается влияние возобновляемых видов энергии и энергосберегающих технологий.

В начале нового тысячелетия Европейской комиссией была представлена «Зеленая книга» об «устойчивом, конкурентоспособном и гарантированном энергоснабжении», что вызвало интенсивную дискуссию о наличии у ЕС собственной энерге-

тической политики. После катастрофы на атомной электростанции Фукусима 3 марта 2011 г. еще более настоятельной стала необходимость прекращения производства ядерной энергии. Наиболее ярким примером является Германия, где Федеральное правительство, совершив драматический поворот в политике, приняло решение полностью отказаться от атомной энергии, которая по-прежнему составляет 25% всей вырабатываемой энергии в стране, к 2020 г. При этом необходимо напомнить, что в Италии после аварии на атомной электростанции в Чернобыле 26 мая 1986 г. в результате референдума, который прошел в ноябре 1987 г. (и результаты которого были подтверждены референдумом 13 июня 2011 г.), атомная энергия перестала использоваться.

После того как в Великобритании в 1946 г. путем полной ликвидации ответственности муниципалитетов за энергоснабжение оно было национализировано, в 1990 г. в данной сфере консервативным правительством была проведена полная материальная приватизация. Среди частных предприятий, принявших на себя эту функцию, значительную роль играли иностранные энергетические гиганты (французская EdF, испанская Iberdrola, германские RWE и E.on) [11, с. 51]. Роль муниципалитетов была ограничена периферийными функциями, например централизованного горячего водоснабжения [35, с. 175].

Тем не менее за последние годы муниципалитеты Великобритании усилили свое участие в энергетической политике. Толчком к этому послужил «Закон о местном самоуправлении» 2000 г., который открыл муниципалитетам (графствам и городам с самоуправлением) расширяющие традиционную теорию ultra vires (деятельность, превышающая права и выходящая за рамки полномочий), полномочия и задачи «*заботиться об экономическом, социальном и экологическом благополучии*» своих граждан [33, с. 33]. Стремясь к достижению цели своей энергетической политики: повысить долю возобновляемых видов энергии в общем потреблении до 15% к 2020 г., сформированное в мае 2010 г. коалиционное консервативно-либеральное правительство настойчиво потребовало от муниципалитетов внести свой вклад в достижение этой цели за счет собственной активности в сфере энергетической политики[1]. К этому моменту ряд органов местного самоуправления уже начал реализовывать собственные муниципальные проекты, в первую очередь направленные на когенерацию (одновременное производство электрической и тепловой энергии) и развитие центрального отопления [16][2]. Тем не менее в энергетической политике органы местного самоуправления пока принимают слабое участие, а 65% не принимают участия вообще.

Во Франции, как и раньше, на энергетическом рынке господствует гигант Electricité de France (EdF), который возник как государственное предприятие в 1946 г. в результате огосударствления всего энергетического сектора. Правда, в 2004 г. EdF превратилась в акционерное общество, зарегистрированное на бирже (формальная приватизация), однако 80% акций находятся до сих пор в собственности государства [5, с. 140].

230 муниципальных энергетических предприятий, которые были исключены из огосударствления в 1946 г., до последнего времени играли по сравнению с на-

---

[1] 28 августа 2010 г. Крис Хьюн, министр по вопросам энергетики и изменения климата, обратился ко всем муниципалитетам с официальным письмом, в котором, в частности, было сказано, что «догматическое упование Уайтхолла на “большую энергетику” слишком долго препятствовало зеленой революции в энергетике и было препятствием в развитии потенциала МСУ» (URL: http://www.decc.gov.uk/publications/basket.aspx?FilePath=News%2f376-unlocking-local-power-huhne-letter.pdf&filetype=4 basket).

[2] См.: League Table (организация муниципалитетов): муниципалитеты, развивающие активность в энергетическом секторе: [Электронный ресурс]. URL: http://www.aeat.com/cms/assets/MediaRelease/2011-press-releases/Microgeneration-Index-Press-Release-11th-March-2011.pdf.

циональным и международным чемпионом — EdF — скорее маргинальную роль. При этом с 1980-х гг. муниципалитеты расширили свое участие в энергетической политике и усилили свой потенциал в этой сфере, начав более интенсивно применять каскады для получения энергии, а также когенерацию и энергию ветра [35, с. 181]. Правда, до сих пор национальное законодательство ограничивает деятельность муниципальных предприятий только обслуживанием территории их собственных муниципалитетов [2, с. 40].

При избранном 6 мая 2012 г. президенте-социалисте Франсуа Олланде и избранном в июне парламентском большинстве социалистов, как было обещано в предвыборной программе, будет остановлена одна из 48 (старейшая) атомных электростанций Франции. Однако в целом господство атомной энергетики остается прежним. Таким образом, вряд ли можно ожидать, что ориентированная на возобновляемую энергию роль муниципалитетов в энергетической политике значительно усилится при новом правительстве.

В Италии в 1962 г. при огосударствлении энергетического сектора был создан гигант ENEL, но достаточно многочисленные муниципальные энергетические предприятия не были включены в этот процесс [35, с. 182]. Когда в 1990-е гг. ENEL был формально приватизирован и превратился в зарегистрированное на бирже акционерное общество, а затем путем продажи пакетов акций институциональным и частным вкладчикам был материально приватизирован (доля государства были доведена до 20%), муниципальные энергетические предприятия смогли выйти на итальянский энергетический рынок и даже укрепить на нем свои позиции. Например, энергетические предприятия Милана и Бреции объединились в 2008 г. в компанию A2A, зарегистрированную на бирже. В целом A2A и другие небольшие энергетические компании производят до 14% всей электроэнергии в Италии [1, с. 52]. В связи с тем что в Италии запрещено производство атомной энергии (как уже говорилось ранее, решение было принято референдумом 1986 г. после аварии в Чернобыле и подтверждено референдумом в 2011 г.), все большую роль играют муниципальные гидроэнергетические предприятия.

В энергетическом секторе Германии проводимая ЕС либерализация рынков в начале 1990-х гг. привела в определенном смысле к парадоксальному эффекту: влияние на рынке четырех гигантов (RWE, E.on, EnBW и Vattenfall) за счет их слияния еще более усилилось, в то время как доля на рынке городских предприятий сократилась и в оборот вошло выражение «смерть городских предприятий» [35].

В дальнейшем в ходе 1990-х гг. эта страница истории по ряду причин была перевернута.

С одной стороны, городские предприятия научились закрепляться в новой конкурентной среде за счет того, что их персонал приобрел способность действовать в предпринимательском ключе, а также они укрепили свою организационную основу, например за счет того, что учредителем городского предприятия стали одновременно несколько муниципалитетов (межмуниципальное сотрудничество).

С другой стороны, муниципалитеты вновь осознали экономический и финансовый потенциал своих городских предприятий, не в последнюю очередь благодаря тому что получили возможность за счет доходов от деятельности энергетического сектора перекрестно финансировать дефициты убыточных отраслей муниципального хозяйства, например городского общественного транспорта.

Кроме того, опыт, традиционно имевшийся у муниципалитетов и их городских предприятий в использовании энергосберегающих технологий (когенерация) и получении возобновляемых видов энергии, становился тем привлекательнее, чем большее внимание уделялось альтернативной энергетической политике на федеральном уровне в ЕС [7].

И наконец, муниципалитеты и их городские предприятия оказались в центре внимания ЕС (и федеральных властей Германии) в связи с тем, что была развернута политика по усилению конкуренции в энергетическом секторе, нацеленная на организационное и функциональное «разделение» энергетических гигантов и ориентированная на муниципалитеты и их городские предприятия как реальных акторов оживления конкуренции на региональном и местном уровнях [35].

Все вышеперечисленные факторы совпали в той фазе развития, когда сроки большой части концессионных соглашений, на основании которых энергетические компании использовали локальные сети передачи электроэнергии, истекали[1], а муниципалитеты получили возможность провести переговоры для заключения новых соглашений или вновь принять эти сети в управление (при условии осуществления определенных компенсационных выплат прежним инвесторам). Растущее стремление муниципалитетов перевести в ведение муниципалитета, рекоммунализировать энергетический сектор отчетливо видно по количеству вновь созданных городских предприятий (с 2010 г. — порядка 40 предприятий. Список см.: [20; 30]).

Одним из самых ярких примеров недавнего времени является покупка консорциумом из 100 городских предприятий за сумму в 3 млрд евро компании Thüga AG, дочернего предприятия компании E.on. В настоящее время новая организационная структура обслуживает 6% всего энергетического рынка. Другим, часто упоминаемым примером является город Бергкамен (Schäfer 2008, подробности и другие примеры см.: Kuhlmann/Wollmann 2013: с.194 и далее, 2014).

В 2010 г. 700 городских предприятий из 1372 (с 241 535 занятыми, которые составляют десятую часть всех занятых в муниципальном секторе (ср.: [30, с. 9]) работали в энергетическом секторе, из них — одна треть в производстве электроэнергии. 84% производства электроэнергии на муниципальном уровне приходится на когенерацию и 16% — на возобновляемые виды энергии [30].

4.2. Водоснабжение

В сфере водоснабжения вопрос о том, кто должен и может быть учредителем предприятия, в последнее время сильно политизировался, так как в политических дискуссиях «вода» во все большей мере рассматривается как «общественное благо», что накладывает политический запрет на приватизацию в данном секторе.

В Великобритании после 1945 г. — почти одновременно с огосударствлением энергетического сектора — водоснабжение было из традиционных муниципальных полномочий переведено в ведение государственных (региональных) органов управления (региональные управления водоснабжения), однако в 1989 г. консервативное правительство Маргарет Тэтчер провело полную материальную приватизацию, передав данную функцию в Англии и Уэльсе частным инвесторам (детали см: [11, с. 52 и далее]. В Шотландии и Северной Ирландии оно осталось в публичном управлении.

Хотя резкое повышение тарифов на воду и высокие прибыли компаний, осуществлявших водоснабжение, часто подвергались серьезной критике[2], политически значимая дискуссия о возможности ренационализации или ремуниципализации пока не имела места.

Во Франции водоснабжение достаточно давно осуществляется в организационной форме, при которой муниципалитеты в варианте функциональной приватизации остаются собственниками сетей, но передают процесс водоснабжения на основе

---

[1] Между 2000 и 2001 гг. истек срок порядка 3000 из заключенных ранее 20 000 концессионных соглашений. См.: [22, с. 6].

[2] Тарифы на воду повысились с 1990-го по 2000 г. на 46%, а оперативные прибыли — на 142% (см.: [14]).

ограниченных сроком концессионных соглашений внешним производителям услуг (детали см.: [9, с. 206 и далее]. Эта практика, уходящая корнями в XIX в. и имеющая своей основой недостаточные оперативные возможности типичных для Франции многочисленных мелких и мельчайших коммун, способствовала формированию в сфере водоснабжения трех крупных групп (grands groupes: Veolia, Suez, SAUR), которые снабжают в настоящее время водой 70% французских домохозяйств [8, с. 134]. Формально отдельные коммуны имеют право провести новые переговоры по истечении срока концессионного соглашения, однако они оказываются при этом перед лицом превосходящей рыночной силы и в своего рода «плену» у крупных концернов, оперирующих на национальной и международной арене; кроме того, эти многофункциональные предприятия чаще всего предоставляют в одном пакете услуги по водоснабжению, удалению стоков и твердых бытовых отходов (О «плене регулирования» пишет К. Варен [28]). В 1980-е гг. функциональная приватизация водоснабжения была даже продолжена: например, в Гренобле и Париже, где традиционно муниципалитеты сами выполняли эту функцию, вновь избранное в 1987 и 1989 гг. консервативное большинство в советах и мэры делегировали эти полномочия grands groupes [13].

С конца 1990-х гг. по ряду причин начался процесс рекоммунализации водоснабжения. Во-первых, он был вызван желанием отменить приватизацию 1980-х гг., которая была осуществлена в ходе коррупционных действий мэра и других муниципальных акторов (это было впоследствии доказано и признано судом, например, в Гренобле, см.: [13][1]). Во-вторых, лавинообразное повышение тарифов поставило под вопрос экономические преимущества приватизации, в то время как муниципалитеты открыли для себя достоинства предприятий, учредителями которых являются они сами, в ряде случаев совместно. Когда должности бургомистров и большинство в советах были завоеваны левыми, они постарались отменить приватизацию, проведенную ранее правыми, и использовали для рекоммунализации водоснабжения истечение срока концессионных соглашений. Яркими примерами этого являются политические решения, принятые муниципалитетами Гренобля и Парижа (соответственно, в 1999 и 2000 гг.). В итоге доля населения, которое снабжается водой собственно муниципальными предприятиями, выросла с 18% в 1970 г. до 28% в 2008 г. [8, с. 134].

Правда, как оказалось, рекоммунализация водоснабжения тормозится необходимостью выплаты муниципалитетами компенсаций частным компаниям, осуществлявшим до этого водоснабжение, а также недостатком персонала, необходимого для принятия в управление предприятий водоснабжения [8, с. 136].

В Италии водоснабжение традиционно осуществлялось многочисленными небольшими муниципальными предприятиями. С 1990-х гг. реорганизация водоснабжения по закону Галли 1994 г. и внедрение элементов конкуренции привели к тому (детали см.: [9, с. 203 и далее], что частные компании в сфере водоснабжения, в первую очередь французские участники grands groupes, начали играть ведущую роль. В период правления консервативного правительства Берлускони декрет Рончи 2009 г. был нацелен на то, чтобы подготовить законодательную основу для широкой приватизации водоснабжения. Однако этому развитию была поставлена преграда национальным референдумом 11 июня 2011 г., который подавляющим большинством отклонил приватизацию водоснабжения. Предшествовавшая референдуму политическая кампания, проводившаяся в основном Итальянским форумом движения в защиту воды (Forum Italiano die Movimenti per l'Acqua) — широкого, в основном левого движения, в состав которого входят 150 муниципалитетов и множество других по-

[1] В Гренобле мэр был обвинен в коррупции и получил тюремный срок. Соответствующий договор был аннулирован. См.: [13].

литических группировок[1], свидетельствует об интенсивной политизации проблемы водоснабжения как в национальном, так и в международном масштабе.

Несмотря на то что в Германии муниципальные предприятия всегда доминировали в сфере водоснабжения, вплоть до последнего времени частные компании, не в последнюю очередь такие отраслевые гиганты, как Veolia и Suez, RWE и E.on, значительно продвинулись в данной сфере за счет того, что стали акционерами-миноритариями в городских предприятиях или полностью приобрели предприятия, как это произошло в Штутгарте. Однако и в Германии в последние годы наблюдается движение в противоположном направлении, при котором муниципалитеты используют истечение срока концессионных соглашений как возможность провести новые переговоры и вернуть ранее проданные доли в муниципальных предприятиях. Так, в Штутгарте, где в 2002 г. предприятия водоснабжения были проданы (EnBW), муниципальный совет принял 17 июня 2010 г. решение, что в 2013 г., после истечения срока концессионного соглашения, они должны быть возвращены городу (подробности см.: [21][2]). В Берлине, где предприятия водоснабжения были приватизированы в 1999 г. путем приобретения Veolia и RWE совместно 49,9% акций, правительство земли — после долгих споров — приняло решение к 1 января 2012 г. выкупить акции RWE, доведя таким образом долю земли в сфере водоснабжения вновь до 75% (подробности см.: [20; 4, с. 20–26], о конкретном примере приватизации и рекоммунализации предприятий водоснабжения в Потсдаме см.: [4, с. 13 и далее с примечаниями]).

4.3. Другие сферы публичных услуг

В Великобритании неолиберальная политика избранного в 1979 г. правительства была нацелена на то, чтобы осуществить и в других сферах предоставления публичных услуг фундаментальный поворот в политике, сконцентрированный вокруг приватизации и рыночной конкуренции. Принятые в 1980 г. (и расширенные в 1988 г.) законы «Об обязательном проведении конкурсных процедур» (Compulsory Competitve Tendering — CCT) обязали муниципалитеты объявлять конкурсы по широкому спектру муниципальных функций (строительство и эксплуатация общественных зданий, строительство дорог, удаление отходов, содержание больниц и многие другие) и передавать эти функции на основе договоров, т. е. осуществлять функциональную приватизацию [33, с. 127]. Хотя следующее правительство лейбористов отменило это законодательство, аутсорсинг остался важнейшим признаком британской сферы публичных услуг.

При этом в последние годы муниципалитеты перешли к тому, чтобы вернуть себе переданные ранее на аутсорсинг функции (инсорсинг). В ходе недавнего опроса, проведенного Ассоциацией достижения совершенства публичных услуг (Association for Public Service Excellence (APSE)[3]), в 140 муниципалитетах Англии, Шотландии и Уэльса 60% заявили, что уже провели, готовят или планируют подобный возврат (инсорсинг). 20% признали, что никогда не передавали функции внешним исполнителям (аутсорсинг) [3, с. 11]. Возврат (инсорсинг) охватывает широкий спектр функций: «экологические услуги» (вывоз мусора и вторичная переработка отходов), «образовательные и социальные услуги» (социальные услуги для детей), «жилищные услуги и эксплуатация зданий» (список [3, с. 15 и далее]).

В Великобритании инсорсинг активно проявляется также в сфере общественного транспорта. В Лондоне в 2007 и 2010 гг. закончился срок функционирования

---

[1] http://www.fame2012.org/index.php?id=52.

[2] WasserInBürgerhand!: [Электронный ресурс]. URL: http://www.wasser-in-buergerhand.de/nachrichten/2010/stgt_fuer_rekommunalisierung_wasser.htm.

[3] APSE – общественно значимая организация, учрежденная 300 коммунами, среди функций которой также консультирование коммун по вопросам предоставления муниципальных услуг.

двух крупных частных консорциумов, оформленных как публично-частные партнерства, а переданные им функции по ремонту лондонского метро были возвращены муниципалитету [15 с дополнительными примерами].

Во Франции функциональная приватизация также широко распространена в сфере городского общественного транспорта. В ходе опроса, проведенного в 2004 г. в 37 крупных городах, участие частного сектора в предоставлении транспортных услуг было оценено в 85% [18, с. 153, с примечаниями]. В этой области также относительно недавно процесс рекоммунализации был инспирирован законом 2010 г., который создал для коммун правовые рамки по формированию совместных, находящихся на 100% в их собственности местных публичных обществ (sociétés publiques locales (SPL)). Сама конструкция СМП (стопроцентная муниципальная собственность и определение муниципалитетом целей деятельности) позволяет коммунам передавать свои функции, не подчиняясь требованиям ЕС к проведению конкурсных процедур [18]. Уже созданы 22 СМП с целью рекоммунализировать общественный транспорт после истечения сроков концессионных соглашений (примеры см.: [18]).

Обращение с отходами французские коммуны также в основном передали в прошлом частным компаниям, прежде всего двум крупным (многофункциональным) концернам — Veolia (экология) и Suez; только 13% предприятий в этой сфере остались в управлении коммун [18, с. 159]. В последнее время перемены намечаются и в этом секторе: города возвращают вывоз мусора в собственное управление, например, город Париж, не продливший в 2008 г. свой договор с компанией Veolia [Ibid.].

В Германии в последние годы также наблюдается активная рекоммунализация этого сектора [29; 21].

Продолжение в следующем номере

Литература/References

1. *AEEG (Autorita per l'Energia Elettrica ed il Gas, 2001): Annual Report on State of Services*.
2. *Allemand* R. *Les distribiteurs non-nationalisйs d'electricitй face a l'ouverture de la concurrence* // Annuaire 2007 des Collectivitйs Locales. CNRS. Paris, 2007. P. 31–42.
3. *APSE (Association for Public Service Excellence, 2011), UNISON insourcing update. The value of returning local authority services in-house in an era of budget constraints:* [Electronic resource]. URL: http://www.unison.org.uk/acrobat/20122.pdf.
4. *Bauer* H. *Von der Privatisierung zur Rekommunalisierung* // Bauer H., Bьchner Ch., Hajasch L. (Hg.) Rekommunalisierung öffentlicher Daseinsvorsorge. Potsdam, 2012. S. 11–31.
5. *Beckmann* J. *Die Entkernung des Service Public in Frankreich* // Bieling H.-J., Deckwirth Ch., Schmalz S. (Hrsg.) Liberalisierung und Privatisierung in Europa. Verlag Westfälisches Dampfboot, 2008. p. 125–151.
6. *Bieling* Hans-Jurgen., Deckwirth Ch. *Die Reorganisation der öffentlichen Infrastruktur in der Europäischen Union* // Bieling Hans-Ürgen, Deckwirth Ch., Schmalz S. (Hrsg.) Liberalisierung und Privatisierung in Europa. Verlag Westfälisches Dampfboot, 2008. P. 125–151.
7. *Bolay* S. *Einführung von Energiemanagement und erneuerbaren Energien. Untersuchung von Erfolgsfaktoren in deutschen Kommunen, Diss. Uni Potsdam, 2009.*
8. *Bordonneau* Marie-Agnus, Canneva G., Orange Gйrard, Gambier D. *Le changement de mode de gestion des services d'eau* // Droit et Gestion des Collectivitйs Territoriales, Annunaire 2010, Editions le Moniteur. Paris, 2010. S. 131–147.
9. *Citroni* G. *Neither state nor market: municipalities, corporations and municipal corporatization in water services: Germany, France and Italy compared* // Wollmann, Hellmut/ Marcou, Gйrard. (Hg.) The Provision of Public Services in Europe. Between State, Local Government and Market, Cheltenham, Northampton, 2010. S. 191–216.
10. *Clifton* J., Lanthier P., Schroeter H. *Regulating and deregulating the public utilities 1830–2010* // Business History. 2011. Jg. 53, H. 5. S. 659–672.
11. *Drews* K. *Großbritannien: «TINA» oder Paradigma einer gescheiterten Reorganisation?* // Bieling, Hans-Jurgen, Deckwirth Christina, Schmalz S. (Hg.) Liberalisierung und Privatisierung in Europa, 2008. S. 34–63.

12. *Grossi* G., Marcou G., Reichard Ch. *Comparative aspects of institutional variants for local public service provision* // Wollmann H., Marcou G. The Provision of Public Services in Europe. Between State, Local Government and Market. Cheltenham, Northampton, 2010. S. 217–239.
13. *Hall* D., Lobina E. *UK — water privatisation — a briefing*. London: PSIRU (Public Services International Research Unit) report, 2001.
14. *Hall* D., Lobina E. *Private to Public: International lessons of water remunicipalisation in Grenoble, France, 2001* (PIRSU — Public Services International Research Unit, www.psiru.org).
15. *Hall* D., Lobina E., Terhorst P. *Remunicipalization in Europe, unpublished paper presented to IPSA World Congress.* 2012.
16. *Kelly* S., Pollitt M. *The Local Dimension of Energy, 2011.* 29.07.2013: [Electronic resource]. URL: http://www.eprg.group.cam.ac.uk/wp-content/uploads/2011/01/EPRG11031.pdf.
17. *Kühl* U. (Hg.) *Munizipalsozialismus in Europa*. Paris, 2001.
18. *Kuhlmann* S. *Politik- und Verwaltungsreform in Kontinentaleuropa*. Baden-Baden, 2009.
19. *Kuhlmann* S., Wollmann H. *Verwaltung und Verwaltungsreform in Europa, Einführung in vergleichende Verwaltungswissenschaft*. Wiesbaden, 2013.
20. *Libbe* J. *Rekommunalisierung — empirische Belege und Einordnung in den ökonomischen und rechtlichen Bezugsrahmen, Verwaltung und Management.* 2012. Jg. 18, H. 1, S. 21–33.
21. *Libbe* J. *Rekommunalisierung in Deutschland — Eine empirische Bestandsaufnahme* // Matecki C., Schulten Th. (Hg.) 2012, Zurück zur öffentlichen Hand? Rekommunalisierung öffentlicher Dienstleistungen, Hamburg, 2013.
22. *Libbe* J., Hanke S., Verbüheln M. *Rekommunalisierujng. Eine Bestandsaufnahme* // Difu Papers August 2011.
23. *Lindemann* H. *Probleme des Munizipalsozialismus, Sozialistische Monatshefte, 1910*. S. 508–513.
24. *Millward* R. *Public and private enterprise in Europe: Energy, telecommunication and transport 1830–1990*, Cambdrige: Cambridge U Press, 2005.
25. *Röber* M. *Privatisierung ade? Rekommunalisierung öffentlicher Dienstleistungen im Lichte des Public Managements, Verwaltung und Management.* 2009. Jg. 15, H. 5, S. 227–240.
26. *Seckelmann* M. *Die historische Entwicklung kommunaler Aufgaben* // Der moderne Staat. Jg. 1. S. 267–284.
27. *Ude* Ch. *Stadtwerke — Eckpfeiler kommunaler Selbstverwaltung, Der Städtetag*, 2006. H. 3. S. 21–25.
28. *Varin* K. *Le service public de l'eau en France, 2010.* 29.07.2013: [Electronic resource]. URL: http://www.globenet.org/aitec/chantiers/sp/eau/SPeauFrance.html.
29. *Verbächeln* M. *Rückübertragung operativer Dienstleistungen durch Kommunen am Beispiel der Abfallwirtschaft*. Berlin (Difu-Paper), 2009.
30. *VKU 2010, Kompakt 2010, Kommunale Versorgungs- und Entsorgungsunternehmen in Zahlen.* 29.07.2013: [Electronic resource]. URL: http://www.vku.de/presse/publikationen/kompakt-2010.html.
31. *Von* Saldern A. *Rückblicke. Zur Geschichte der kommunalen Selbstverwaltung in Deutschland* // Wollmann H., Roth R. (Hg.) Kommunalpolitik. Politisches Handeln in den Gemeinden. Wiesbaden, 1999. S. 23–36.
32. *Wollmann* H. *Die traditionelle deutsche kommunale Selbstverwaltung — ein Auslaufmodell?* // Deutsche Zeitschrift für Kommunalwissenschaften. 2002. Jg. 2, H. 1. S. 24–51.
33. *Wollmann* H. *Reformen in Kommunalpolitik und -verwaltung England, Schweden, Frankreich und Deutschland im Vergleich*. Wiesbaden, 2008.
34. *Wollmann* H. *Provision of Public Services in European countries: from public/municipal to private and reverse?* // Comparative & Croatian Public Administration. 2011. Jg. 11, H. 4. S. 898–911. 29.07.2013: [Electronic resource]. URL: http://en.iju.hr/ccpa/ccpa/downloads_files/001-Wollmann.pdf.
35. *Wollmann* H., Baldersheim H., Citroni G., Marcou G., McEldowney J. *From public service to commodity: the demunicipalization (or remunicipalization?) of energy provision in Germany, Italy, France, the UK and Norway* // Wollmann H., Marcou G. (Hg.) The Provision of Public Services in Europe. Between State, Local Government and Market. Cheltenham, Northampton, 2010. S. 168–190.
36. *Wollmann* H., Marcou G. (Hg.) *The Provision of Public Services in Europe. Between State, Local Government and Market*. Cheltenham, Northampton, 2010.
37. *Wollmann* H., Marcou G. *Introduction* // Wollmann H., Marcou, G. (Hg.) The Provision of Public Services in Europe. Between State, Local Government and Market. Cheltenham, Northampton, 2010. S. 1–14.

Проскуряков М. Р.

Дискурс социальных медиа как сфера государственной коммуникации

Проскуряков Максим Русланович
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры филологии и журналистики
Доктор филологических наук
proskuriak@gmail.com

РЕФЕРАТ
Сайты социальных медиа представляют собой платформу, на которой производимый пользователем контент появляется через взаимодействие и сотрудничество в виртуальном пространстве, меняя иерархии и идеологии сообществ. Интерес к использованию электронных социальных технологий со стороны государства связан с тем, что социальные медиа позволяют обратиться к большому количеству людей одновременно и предоставляют платформу, которая обеспечивает двустороннюю коммуникацию. Взамен традиционной модели информирования, основанной на широком вещании, социальные медиа предлагают государственным организациям новую форму открытого информационного потока, который непрерывно обновляется и управляет поведением сотрудников, формирует убеждения и мнения. Однако пока не решены вопросы о юридических и этических основаниях и нормах поведения в новом социальном пространстве, и приемлемые формы электронного взаимодействия со служащими государственной организации, и более сильная роль коллективного голоса. Проблема определения политики использования социальных сетей является сегодня актуальной для любой государственной или негосударственной организации. Ясная и прозрачная политика применения социальных медиа поможет работодателю и служащему понять, где лежат границы между приемлемым и неприемлемым применением данных инструментов. Web-сайты государственных организаций, их печатные органы и деятельность PR-служб не являются более единственным каналом коммуникаций. Применение социальных технологий «тонизирует» государственную коммуникацию, дает новые практические решения в реализации властной коммуникации. Включение социальных технологий в орбиту деятельности государственной службы, несомненно, повлечет большую открытость власти, приведет к обсуждению многих тем, привлечет внимание к насущным проблемам властной коммуникации широкой общественности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
государственная организация, социальные медиа, коммуникация, информация, площадка государственной службы

Proskuryakov M. R.

Discourse of Social Media as Sphere of the State Communication

Proskuryakov Maxim Ruslanovich
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Philology and Journalism
Doctor of Science (Philology)
proskuriak@gmail.com

ABSTRACT
Sites of social media represent a platform on which the content made by the user appears through interaction and cooperation in virtual space, changing hierarchies and ideologies of communities. Interest to use of electronic social technologies from the state is connected with that social media allow addressing to a large number of people at the same time and providing a platform which provides bilateral communication. Instead of the traditional model of informing based on a wide broadcasting, social media offer the state organizations a new form of an open information stream

which is continuously updated and operates behavior of employees, forms belief and opinions. However issues of the legislative and ethical bases and standards of behavior in new social space, and acceptable forms of electronic interaction with employees of the state organization, and stronger role of a collective voice aren't resolved yet. The problem of definition of policy of use of social networks is today the actual for any state or non-government organization. The clear and transparent policy of application of social media will help the employer and the employee to understand where borders between acceptable and unacceptable use of these tools lie. Web sites of the state organizations, their publications and activity of PR services aren't more only channel of communications. Application of social technologies "tones up" the state communication, gives new practical decisions in realization of imperious communication. Inclusion of social technologies in an orbit of activity of public service, undoubtedly, will entail big openness of the power, will lead to discussion of many subjects, and will draw attention to pressing problems of imperious communication of the general public.

KEYWORDS
state organization, social media, communication, information, platform of public service

Социальные медиа — широкое понятие, используемое для описания последнего этапа развития Интернета и web-коммуникационных платформ, которые позволяют пользователям эффективно взаимодействовать во множестве различных форматов. У этой силы множество имен, она мобильна, активна и энергична, способна преодолевать любые политические и идеологические границы, языковые барьеры, возрастные и профессиональные различия. Пришедшая извне, чужая для России еще десятилетие назад, эта сила уже объединила в различных сообществах социальных сетей около трети россиян.

Группы в социальных медиа формируются на принципах добровольности вступления и выхода, независимости и неподотчетности власти и равенства всех участников, а также коллегиальности принимаемых решений. Однако в отличие от социальных сетей в государственной коммуникации невозможен такой интенсивный обмен информацией, результатом которого становятся постоянные инновации и модернизации коллективов.

В меняющемся мире государство и гражданское общество сталкиваются с новыми юридическими и этическими проблемами. Участники современной государственной коммуникации должны трезво оценивать эти новые реалии и находить силы, чтобы меняться и учиться. Социальные сети предлагают современные технологии эффективной организации коллективов. Сайты социальных медиа представляют собой платформу, на которой производимый пользователем контент появляется через взаимодействие и сотрудничество в виртуальном пространстве, меняя иерархии и идеологии сообществ.

Социальные медиа отвечают задачам, стоящим перед современной государственной коммуникацией. Вполне очевидно, что и для России, ее быстро растущего информационного общества идея создания государственных социальных медиа витает в воздухе.

Интерес к использованию электронных социальных технологий со стороны государства связан с тем, что социальные медиа позволяют обратиться к большому количеству людей одновременно и предоставляют платформу, которая обеспечивает двустороннюю коммуникацию. Другими важными свойствами социальных сетей являются доступность и простота использования, которые основаны на условной или малой стоимости распространения информации. Задачи информирования в социальных СМИ выполняются более оперативно, чем в традиционных; они позволяют мгновенно изменять контент, через комментарии пользователей. Вместе с тем однажды созданный контент чрезвычайно сложно удалить, поскольку возможны миллионы копий. Взамен традиционной модели информирования, основанной на широком ве-

щании, социальные медиа предлагают государственным организациям новую форму открытого информационного потока, который непрерывно обновляется и управляет поведением сотрудников, формирует убеждения и мнения.

Виртуальная реальность формулирует ряд вопросов, которые еще лишь предстоит осознать государственным организациям. Сюда входят и вопросы о юридических и этических основаниях и нормах поведения в новом социальном пространстве, и приемлемые формы электронного взаимодействия со служащими государственной организации, и более сильная роль коллективного голоса, и новые формы проведения переговоров.

Рост популярности социальных медиа ставит ряд вопросов и перед работодателем. Нужно ли ограничить доступ к социальным сетям на рабочем месте? Можно ли регулировать поведение сотрудников в социальных сетях за пределами работы? Какое поведение может повлечь дисциплинарное взыскание? В российской действительности мы можем наблюдать два типа поведения в социальных сетях, которые влекут отрицательные последствия со стороны работодателя. Первая недозволенная форма поведения предполагает размещение фотоматериалов или видео, демонстрирующих недостойные поступки, связанные с работой. Другая «наказуемая» форма поведения предполагает использование социальных медиа для публикации мнений, с которыми работодатели не согласны.

Переход к социальным медиа от более привычных форм коммуникации, как, например, электронная почта, также поднимает вопрос о возможной степени контроля общения внутри организации. Если письма, пересылаемые пользователями по электронной почте внутри организации, могут контролироваться службой безопасности, на том основании, что имеют отношение к рабочему пространству, то как быть с такими социальными медиа, как Facebook, «ВКонтакте», «Одноклассники»? Платформы социального общения размывают границы между работой и частной жизнью. В этом случае, работая с негативной информацией, организация вторгается в частную жизнь пользователя. Таким образом, проблема определения политики использования социальных сетей является сегодня актуальной для любой государственной или негосударственной организации.

Решение этой проблемы должно вылиться в политику применения социальных медиа. Вполне очевидно, что невозможно запретить полностью или ограничить технически использование этого информационного пространства, во всяком случае такие ограничения не будут эффективны. Ясная и прозрачная политика применения социальных медиа поможет работодателю и служащему понять, где лежат границы между приемлемым и неприемлемым применением данных инструментов. В этом случае государственные организации могут взять на себя выработку и обсуждение такой политики. Подобная работа предполагала бы объяснение служащим их обязанностей в отношении информационной политики организации. Защита их частной жизни, рассмотрение споров, возникающих между работодателем и сотрудником в ходе информационного взаимодействия. Таким образом, информационные права сотрудников и их защита являются совершенно новой областью деятельности для государственных организаций, которая позволит успешно интегрироваться в уже существующие сообщества.

Российские работодатели начали активно использовать инструменты социальных медиа для привлечения сотрудников. В многочисленных группах в социальных сетях мы можем наблюдать продвижение вакансий, проведение интервью и собеседований с сотрудниками. Европейские и американские государственные организации уже давно активно применяют такие виртуальные миры, как Second Life, для проведения переговоров, обучения персонала. Нет сомнения, что в недалеком будущем этот опыт будет перенесен и на российскую почву. Вместе с тем боль-

шинство российских работодателей на данный момент жестко запрещают использование социальных медиа на рабочем месте.

Другой значимой для государства возможностью становится организация взаимодействия значительных групп людей на удаленных рабочих местах. Социальные коммуникации позволяют обратиться индивидуально к каждому из сотрудников и, главное, — к молодежной аудитории в ее среде обитания.

Информационное пространство предоставляет площадки общения, которые обладают не только большим потенциалом возможностей, но могут являться препятствием для развития и функционирования государственных организаций.

При неправильном использовании социальных медиа возможны нарушение вертикали управления, утрата авторитета некоторых руководителей, децентрализация методов управления: любая организация, позиционирующая себя в социальных сетях, приобретает более плоскую структуру.

Таким образом, имеет место столкновение двух различных идеологий. Новая идеология в социальных медиа изменяет культуру государственной коммуникации, предлагает демократическую платформу, которая лишена предвзятости традиционных СМИ.

Несмотря на подводные камни, европейские и американские государственные организации все более активно применяют социальные медиа для проведения кампаний, интеграции совместных действий. Увеличение зоны охвата российского Интернета предоставляет возможности более глубоко интегрировать деятельность центральных и региональных подразделений.

Государству предстоит разработать ясную и прозрачную политику использования социальных медиа и обеспечить доступность этой политики для служащих. Государственные и негосударственные предприятия более не смогут игнорировать растущую потребность в применении платформ и инструментов социальных сетей и должны признать выгоду их применения. Именно социальные медиа способны развить новый высокий уровень доверия между работодателем и служащим. Подобная общепринятая политика должна стать результатом диалога между государством и работниками. Служащий возьмет на себя обязательства достойно представлять в социальных медиа бренд государства и давать себе отчет, что отрицательная информация влечет негативные последствия для его организации. Работодатели, с другой стороны, предоставят служащему доступ к механизмам взаимодействия с помощью средств социального общения.

Люди старшего возраста, руководители более консервативны и по-прежнему придерживаются традиционных средств коммуникации, таких как электронная почта, пресса, информационные бюллетени. Вместе с тем, как показывает опыт американских министерств, с каждым годом все большее количество организаций использует новые инструменты. Так, в 2012 г. до 49% государственных организаций США использовали Facebook, 23% — Twitter, 13% — You Tube.

С распространением различных электронных гаджетов растет и применение ресурсов Web 2.0 государственными организациями, что вовсе не означает отказ от использования традиционных сайтов. Статистика свидетельствует, что более 92% американских государственных организаций располагают собственным Web-сайтом, а 78% применяют электронные информационные издания. Большой популярностью среди зарубежных правительственных организаций пользуется социальная сеть Facebook.

Как и любое другое дело, эффективное использование социальных сетей предполагает хорошие практические навыки и опыт. В этом случае российским государственным организациям целесообразно обратиться к продвинутым пользователям в данной области. Придется тратить время и человеческие ресурсы на то, чтобы должным образом поддерживать активность на избранных площадках. Решившись на открытие учетных записей в Facebook, «Одноклассники», «ВКонтакте»

или Twitter, необходимо иметь в виду, что их нельзя бросать, оставлять открытые страницы без постоянного сопровождения. И, конечно, сказанное вовсе не предполагает, что государственные организации России должны отказаться от традиционных способов информирования в прессе.

Вполне понятно, что площадки Web 2.0 остаются пока terra incognita для государственных организаций. В этом пугающем новом мире основным фактором, останавливающим потенциальных участников сетевого движения, является открытость социальных сетей.

Принятие решения об участии в сетевом диалоге предполагает, что Web-сайты государственных организаций, их печатные органы и деятельность PR-служб не являются более единственным каналом коммуникаций. Недостаточно просто ожидать, пока заинтересованная общественность посетит сайт. Нужно проявить активность на площадках, где взаимодействуют целевые аудитории. Такой формой открытых сетевых коммуникаций является комментирование материалов на чужих страницах, в блогах, на страницах, где размещена информация, представляющая интерес для участников государственной коммуникации.

В случае работы с отрицательной информацией, если имеет место критика, необходимо взаимодействие с оппонентами. Присутствие государственных организаций в социальных сетях более всего будет ощущаться в форме живой коммуникации, обсуждения в чатах, блогах, комментариях. Такое присутствие, несомненно, вызовет отклик участников сообществ, которые помогут в продвижении профиля, сообщат информацию, которую было бы сложно получить из других источников.

Таким образом, социальные медиа требуют участия 24 часа в сутки. Пользователи социальных сетей и посетители перестают посещать страницы, материалы на которых не обновляются чаще, чем раз в неделю. Вполне очевидно, что у российских государственных организаций нет времени и ресурсов, чтобы организовать полноценное присутствие на перечисленных площадках. Вместе с тем некоторые социальные среды располагают инструментами, позволяющими размещать информацию загодя и контролировать время ее появления. Но никакие инструменты не избавят от необходимости проверять информацию на собственных страницах по меньшей мере каждый день.

Мониторинг интернет-ресурсов государственных организаций свидетельствует, что информация на большинстве сайтов отличается однообразием и отсутствием интересного контента. Поэтому начинать интеграцию с социальными медиа следует с переформатирования официальных сайтов, которые должны стать содержательнее, интереснее и предлагать пользователям обратную связь с выходом на площадки социальных сетей.

Наиболее актуальным представляется выбор нескольких наиболее перспективных площадок, где присутствует большинство служащих или рабочих, являющихся потенциальной аудиторией государственной организации. В социальных сетях «Одноклассники», «ВКонтакте», Facebook существуют обширные группы, объединенные по профессиональному признаку, по признаку общего места работы. Первый разумный шаг — поиск целевой аудитории.

В современном информационном пространстве, переполненном идеологическими конструктами, доверие приобретает особую ценность. Это и есть та причина, по которой социальные сети ценны для государственных и политических организаций: они позволяют создавать личные отношения со множеством людей одновременно. Политические партии уже давно используют социальные медиа для проведения предвыборных кампаний, позиционирования политических лидеров. Так, на минувших выборах Барака Обамы команда американского президента поддерживала активность на 15 площадках, включая Facebook и MySpace. У президента было около 3 млн последователей только на одном Facebook. Было опублико-

вано почти 2000 официальных видеосюжетов на You Tube, которые были просмотрены более 8 млн раз.

Среди миллионов людей, имеющих свои страницы на Facebook, государственная организация наверняка обнаружит и страницы своих сотрудников. Взаимодействие позволяет распространить необходимую информацию, чтобы с ней ознакомились и оставили комментарии. Также очень полезным является публикация фотографий и видео. Другой полезной площадкой в Web 2.0 является Twitter. Преимуществом данной платформы является высокая информативность сообщений, которые доставляются пользователю с помощью мобильных устройств и гаджетов. Twitter очень полезен как удобный коммуникационный инструмент, особенно во время затяжных кампаний, хотя, конечно, не заменяет таких традиционных инструментов информирования, как пресс-релизы, информационные бюллетени, плакаты, листовки, электронные письма.

Анализ использования Twitter американскими и европейскими организациями позволил установить, что этот инструмент используется для публикаций комментариев об областях государственной деятельности, для обмена фотографиями с участниками проектов или делегатами конференций, для поиска комментариев и мнений о деятельности организации, для обсуждения хода проектов, для тщательного формирования групп поддержки и выборочного привлечения сотрудников к работе актива. Вместе с тем применение Twitter, Facebook, «ВКонтакте» требует и надлежащих профессиональных навыков, поскольку активно используемые страницы подвержены нападению вирусной рекламы, спама.

Чтобы сформировать группу последователей, желательно публиковать интересные и релевантные материалы о деятельности организации. Темы обсуждения в социальных сетях могут быть вполне традиционными. Вполне очевидно, что эти традиционные темы должны быть диалогизированы и наполнены новизной происходящих событий.

Применение социальных технологий «тонизирует» государственную коммуникацию, дает новые практические решения в реализации властной коммуникации. Как уже отмечалось выше, социальные сети имеют эффективные технологии для организации больших коллективов в короткие сроки, а государственные организации со своей стороны обладают хорошей законодательной основой для своей деятельности. Применение социальных технологий сделает более эффективной реализацию организационной функции, а также защитной, представительской, контрольной и информационной функций.

Современное российское государство нуждается в ребрендинге, который предполагает возобновление основных идей, лежащих в основе бренда. В настоящее время этот бренд подвергается серьезной опасности, являясь легкой целью для информационных атак. Работу в социальных сетях следует начинать с нейтрализации негативной информации, опровержения вредных и несоответствующих истине утверждений, порочащих идеи и принципы государственного устройства.

Параллельно с опровержением негативной информации на различных площадках социальных сетей должен продвигаться обновленный бренд государства.

Подводя итог сказанному выше, можно заключить, что применение сетевых социальных технологий является одним из наиболее значимых условий успешного ребрендинга современных государственных организаций. Включение социальных технологий в орбиту деятельности государственной службы, несомненно, повлечет большую открытость власти, приведет к обсуждению многих тем, привлечет внимание к насущным проблемам властной коммуникации широкой общественности. Однако этот путь является необходимым условием ребрендинга всего государства для возобновления исторически обоснованной идеологии, для достижения новых целей и принятия вызовов современного мира.

Володина Л. В., Кострицкая Т. Б.

«Мягкая» сила как инструмент управления репутацией страны

Володина Лариса Владимировна
Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права
Заведующий кафедрой связей с общественностью
Кандидат философских наук, доцент
larisa_volodina@mail.ru

Кострицкая Татьяна Борисовна
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры связей с общественностью и рекламы
Кандидат философских наук
pr@herzen.spb.ru

РЕФЕРАТ
В статье рассматривается брендинг территории как репутационная технология. Анализируется предложенный С. Анхольтом «Рейтинг национальных брендов» — единственный аналитический рейтинг, оценивающий имидж и стоимость страновых брендов. Раскрываются технологии маркетинга территории с целью формирования привлекательного бренда страны и использования механизмов «мягкой» силы. Отмечается, что брендинг территории — это и инструмент коммуникации, и ресурс накопления репутации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
репутация, брендинг территории, «мягкая» сила

Volodina L. V., Kostritskaya T. B.

«Soft» Power as an Instrument of Reputation Management of the Country

Volodina Larisa Vladimirovna
Saint-Petersburg Institute of International Economic Relations, Economics and Law (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of Public Relations
PhD in Philosophy, Associate Professor
larisa_volodina@mail.ru

Kostritskaya Tatiana Borisovna
The A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Public Relations and advertising
PhD in Philosophy
pr@herzen.spb.ru

ABSTRACT
In article is considered branding of territory as reputation technology. The offered S. Anholtom «Nation Brands Index», the unique analytical rating of image and of cost of brand of the country, is analyzed. Technologies of marketing of the territory for the purpose of formation of an attractive brand of the country, and use of mechanisms of «soft» power reveal. It is noticed that branding of territory is both the communications tool, and a resource of accumulation of reputation.

KEYWORDS
reputation, branding of territory, the «soft» power

Политические процессы, происходящие в стране, система государственного управления, доверие населения к власти являются важными составляющими государственного имиджа. Таким образом, *имидж страны* — это база, определяющая,

какую репутацию приобретает страна в сознании мировой общественности в результате тех или иных действий ее субъектов, взаимодействующих с внешним миром [2, с. 172]. В свою очередь направления, характер, практические формы организации международного взаимодействия зависят от того, что несет в себе образ государства, какая у страны репутация.

Один из крупнейших современных специалистов по страновому брендингу Саймон Анхольт [1] предлагает подход, который подразумевает наличие особого критерия для определения репутации страны — стоимость ее бренда. В процессе исследования национальных брендов оцениваются имидж и стоимость брендов различных стран мира. Рейтинг основан на международном исследовании, в котором принимают участие более 25 000 человек из 20 крупнейших развитых и развивающихся стран (в каждой стране проводится более 1000 интервью среди населения в возрасте от 18 лет и старше), давая, таким образом, свою оценку культуре, политике, материальным и человеческим ресурсам, инвестиционному потенциалу и туристической привлекательности 50 ведущих стран мира[1].

Саймон Анхольт полагает, что национальный бренд определяется восприятием страны по следующим шести факторам:

- Governance (Управление) исследует общественное мнение относительно уровня честности и компетенции правительства страны, характеризует индивидуальные представления граждан о правительстве, а также взгляды на такие глобальные вопросы, как демократия, правосудие, социальная политика и защита окружающей среды;
- Exports (Экспорт) определяет имидж продуктов и услуг в каждой стране;
- Culture (Культура и культурное наследие) показывает глобальное восприятие наследия каждой страны и включает оценку уровня современной культуры страны;
- People (Люди) измеряет репутацию населения в таких областях, как знания, образование, открытость, дружелюбие и другие качества, а также восприятие уровня потенциального гостеприимства граждан и дискриминации;
- Tourism (Туризм) измеряет степень интереса к посещению страны и привлекательность туристических достопримечательностей;
- Immigration&Investment (Инвестиции и миграция) определяет степень привлекательности отдельной страны относительно проживания, работы или учебы в ней, а также демонстрирует восприятие экономической и социальной ситуации в стране.

Данная система наглядно демонстрирует влиятельность репутации страны на развитие национальной экономики и привлекательности, чем и заслужила внимание к себе.

Так, например, в первом «Рейтинге национальных брендов» 2005 г. Россия заняла 10-е место из 11. В 2006 г. Россия занимала 13-е место, а бренд «Россия» стоил 663 млрд долл. — на 13% больше всего российского ВВП[2]. В 2007 г. Россия находилась на 23-м месте. В 2008 г. — 22-е место из 50. В 2009 г. — 21-е место. В рейтинге 2010 г. Россия спустилась до 81-й позиции[3], а в рейтинге стран за 2011 г. из 100 стран мира Россия занимает уже 56-е место[4], в то время как по

---

[1] Соединенные Штаты возглавили рейтинг национальных брендов Саймона Анхольта в 2009 году: [Электронный ресурс]. URL: http://gtmarket.ru/news/state/2009/10/29/2214.

[2] По результатам исследования «Рейтинг национальных брендов» Саймона Анхольта бренд России оценивается в $663 млрд: [Электронный ресурс]. URL: http://gtmarket.ru/news/state/2007/06/30/954.

[3] Опубликован новый «Рейтинг брендов стран 2010»: Россия не в топе: [Электронный ресурс]. URL: http://www.sostav.ru/blogs/27523/4465.

[4] *Global* Innovation Index 2011 Rankings / Global Innovation Index 2011: [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalinnovationindex.org/gii/main/fullreport/index.html.

версии британской транснациональной консалтинговой компании Brand Finance, которая специализируется в сфере аудита и оценки стоимости брендов, Россия занимает 11-е место из 100 стран. В 2012 г. Россия сохранила 11-е место в рейтинге стран-брендов[1]. Эксперты Brand Finance оценили бренд «Россия» в 1058 млрд долл., подчеркнув при этом его положительную динамику[2]. Рейтинг национальных брендов по версии Brand Finance представляет собой 100 стран мира, ранжированных по силе влияния и ценности их «торговой марки».

Если же говорить о репутационном рейтинге, то в 2012 г. Россия заняла 45-е место в «Рейтинге репутации стран мира 2012 года» (The 2012 Country RepTrak)[3] по версии Международной консалтинговой компании Reputation Institute, которая специализируется в сфере исследований, аудита и управления репутацией. Рейтинг представляет собой 50 стран мира, ранжированных по показателю их репутации. В 2012 г. страной с самой лучшей репутацией в мире стала, как и в 2011 г., Канада. В основе рейтинга — международное исследование общественного мнения, в котором принимают участие более 36 000 человек, представляющих страны G8. В каждой стране проводится около 11 000 интервью среди населения в возрасте от 18 лет и старше, показывая таким образом внешнее восприятие 50 стран мира, которые предварительно выбираются на основании таких критериев, как:

- крупный размер экономики;
- большая численность населения;
- глобальный интерес в связи с недавними экономическими, политическими событиями или природными явлениями.

Репутация стран мира оценивается по четырем основным категориям:

1. Восхищение.
2. Доверие.
3. Привязанность.
4. Уважение.

Эти четыре элемента подразделяются в свою очередь на 16 категорий, которые включают в себя такие параметры, как качество жизни, внешняя политика, деловой климат, товары и услуги, инфраструктура, красота природы и туристическая привлекательность. Оценки этих показателей, набранные по итогам опросов, используются при расчете рейтинга для определения страны с лучшей репутацией.

Таким образом, Россия, как мы видим, пока без особого успеха конкурирует на международном рынке национальных брендов. Складывается впечатление, что резкое снижение критерия, определяющего состояние политической свободы, как отмечается в исследовании[4], поразило этот развивающийся рынок в ранжировании 2010 и 2011 гг., поскольку Россия столкнулась с проблемами функционирования политических институтов, коррупции и политических свобод. Антиправительственные протесты, сопровождающие выборы в марте 2012 г., продолжающиеся коррупционные скандалы и экономическая неуверенность обеспечили негативный фон для России и повлияли на репутацию страны на международной арене. Выходом из этой ситуации является, вероятно, целенаправленная работа руководства государства по профессиональному управлению имиджем и в первую очередь репутацией страны, используя такой эффективный инструмент, как «мягкая» сила (привлекательность госу-

---

[1] *Brand* Finance: рейтинг 100 национальных брендов 2012 г.: [Электронный ресурс]. URL: http://gtmarket.ru/news/2012/09/03/4947.

[2] *2010* Country Brand Index released: [Электронный ресурс]. URL: http://nation-branding.info/2010/11/17/country-brand-index-2010/.

[3] *Reputation* Institute: рейтинг репутации стран мира 2012 года: [Электронный ресурс]. URL: http://gtmarket.ru/news/2012/09/07/4960.

[4] *Global* Innovation Index 2011 Rankings / Global Innovation Index 2011: [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalinnovationindex.org/gii/main/fullreport/index.html.

дарства, «умная сила», «нормативная сила», публичная дипломатия и т. д.). Президент РФ В. В. Путин, выступая на Совещании послов и постоянных представителей РФ за рубежом, состоявшемся в МИД России в июле 2012 г., подчеркнул: «...что политика „мягкой силы“ предусматривает продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре, и в интеллектуальной сфере. Пока, надо признать, образ России за рубежом формируется не нами, поэтому он часто искажен и не отражает ни реальную ситуацию в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, в науку, культуру, да и позиция нашей страны в международных делах сейчас освещается как-то однобоко...» [6, с. 11].

Концепцию «мягкой» силы выдвинул представитель американской школы неолиберализма Дж. Най, который отмечал, что «”мягкая” сила государства основана на привлекательности его культуры, ценностей, политических и социальных программ» [4, с. 33–41]. «Мягкая» сила, по мнению Дж. Ная, «основана на культивировании чувства симпатии, притягательности идеала и позитивного примера... Значительная „мягкая“ сила государства делает применение им „жесткой силы“ менее приемлемым для объектов его воздействия, снижая, таким образом, издержки» [5]. Что делает «мягкую» силу мягкой? Это то, что способно, не угрожая, не нападая, завоевывать уважение людей, народов и государств, делая их своими союзниками, партнерами и, в конечном счете, друзьями. Сейчас можно наблюдать, так сказать, «третье рождение» теории «мягкой» силы, которая характеризуется как концепция культурно-идеологической гегемонии. Следует вспомнить, что сама мысль о силе хрупкости восходит к древнекитайской философии, к Лао-цзы, жившему в VII в. до н. э., который утверждал, что в мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет. Также запечатлено в памяти размышление Андрея Арсеньевича Тарковского в фильме «Сталкер», который устами главного героя убедительно говорит о силе слабости, которая, безусловно (и, в конце концов, обязательно), побеждает негибкость, жесткость, ригидность. И, как следствие, отсюда вытекает невозможность меняться, т. е. отсутствие развития.

В 1930–1940 гг. итальянский философ А. Грамши разработал теорию «культурно-идеологической гегемонии». Это был второй «приход» идеи. Третья волна, принесшая снова «мягкую» силу в умонастроение и действия политиков и философов, проявилась у вышеупомянутого Джозефа Ная в середине 2000-х. Надо отметить и негативные высказывания по поводу этой идеи, даже от самого Дж. Ная, который неоднократно критиковал официальную риторику США. По его мнению, провалы в американской публичной дипломатии объясняются как раз тем, что настоящая «мягкая» сила Соединенных Штатов, которой они обладают (или должны обладать), подменяется неэффективной государственной пропагандой. Но именно здесь и находится ниша для профессионального государственного репутационного строительства в отличие от плоской, одномерной мифогенной пропаганды. Таким образом, у нас в России открывается способ, которым наша страна пользуется нечасто: копировать не все, не сплошными «кальками», а только то положительное содержание, которое было отобрано практикой в других странах, не повторяя их неудач и провалов, т. е. учиться на чужих ошибках. Становится совершенно ясно, что этому способу развиваться в современных условиях тоже необходимо учиться. В России доминирует критическое отношение к «мягкой» силе, а не обсуждение возможности ее применения на пользу отечеству. С одной стороны, «мягкая» сила воспринимается как «недостойное» или даже манипулятивное средство реализации собственных интересов. С другой стороны, становятся невостребованными и даже ненужными поиски объединяющего начала, способного интегрировать, сформировать средоточие, ядро «мягкого» потенциала России. Только с середины 2012 г.,

как отмечалось выше, «мягкая» сила как потенциальное направление внешней (да и внутренней) политики нашего государства как понятие, как категория начала использоваться в совершенствовании имиджа, репутации и авторитетности страны. Как стратегический инструмент внешней политики России в XXI в. использование политики «мягкой» силы определено в ст. 20 новой «Концепции внешней политики Российской Федерации» 2013 г., где отмечается, что «20. Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится „мягкая сила“ — комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии»[1]. Несмотря на позитивные возможности использования политики «мягкой» силы, далее в ст. 20 отмечаются и негативные последствия: «...Вместе с тем усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования „мягкой силы“ и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом»[2].

Но в отечественном мышлении очень сильны консервативные стереотипы, сильна инерционная составляющая. Дж. Най считает, что заблуждение Москвы и Пекина в том, они думают, будто главный инструмент «мягкой» силы — это правительство. Это не так. Ставку надо делать на людей, обычных граждан, на общественность. Заместитель директора Института стран СНГ Вл. Жарихин комментирует увеличение финансирования проектов, призванных улучшить образ России, следующими словами: «В России наконец-то озаботились „мягкой“ силой. Ведь это способ сделать так, чтобы другой стремился к тому же, к чему стремишься ты, и при этом без взяток и подарков. Современный мир насквозь пропитан информацией, и „мягкая“ сила зачастую оказывается сильнее военных систем» [3]. Согласно новому повороту в репутационном строительстве в России должна быть подготовлена и запущена в действие «Концепция участия РФ в содействии международному развитию». После этого необходимо разработать доктрину «мягкой» силы по-русски. Бюджет федерального агентства вырастет с 2 млрд до 9,5 млрд руб. к 2020 г. Увеличится число иностранных студентов, принимаемых в российские вузы на бюджетной основе, будет увеличено количество российских центров науки и культуры за рубежом и, конечно, активизируется работа с соотечественниками. В 2017 г. Россия проведет Международный фестиваль молодежи и студентов, подобно тому, как СССР поступал в 1957 и 1985 гг. Поэтому чрезвычайно значимыми являются тенденции к развитию глобального диалога цивилизаций, которые ряд стран, например США и Евросоюз, пытаются сделать органичным элементом своей «мягкой» силы. России совершенно необходимо развивать это направление. Для этого важно развивать образовательное сотрудничество, поддерживать развитие образования на русском языке за рубежом, усилить и усовершенствовать деятельность по сохранению российского духовного и мемориального наследия за рубежом. Ключевым ресурсом должна стать сеть представительств, прежде всего Российских центров науки и культуры (РЦНК), работающих в тесном контакте с обществами дружбы и объединениями наших соотечественников. Все это будет способствовать повышению репутации страны и, в конечном итоге, повышению стоимости странового бренда.

---

[1] *Концепция* внешней политики Российской Федерации / Утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г.

[2] Там же.

Литература

1. *Анхольт С., Хильдрет Д.* Бренд Америка: мать всех брендов. М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2010.
2. *Галумов Э. А.* PR в международных отношениях // Информация. Дипломатия. Психология. М.: Известия, 2002.
3. *Жарихин В. В.* России наконец-то озаботились «мягкой силой»: [Электронный ресурс]. URL: http://www.km.ru/spetsproekty/2013/06/05/mezhdunarodnaya-politika/712514-v-rossii-nakonets-ozabotilis-myagkoi-siloi.
4. *Най Дж.* «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль — XXI. 2004. № 10. С. 33–41.
5. *Най Дж.* Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М.: Тренд, 2006.
6. *Путин В. В.* Россия в меняющемся мире: преемственность приоритетов и новые возможности // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25).

References

1. Anholt S., Hildreth J. *Brand America: The Mother of all Brands* [Brend Amerika: mat' vsekh brendov]. M.: JSC "Dobraya kniga" Publishing House [OOO «Izdatel'stvo «Dobraya kniga»], 2010.
2. Galumov E. A. *PR in the international relations* [PR v mezhdunarodnykh otnosheniyakh] // Information. Diplomacy. Psychology [Informatsiya. Diplomatiya. Psikhologiya]. M.: Izvestya, 2002.
3. Zharikhin V. V. *Rossiya at last attended to "the soft force"* [Rossii nakonets-to ozabotilis' «myagkoi siloi»]: [Электронный ресурс]. URL: http://www.km.ru/spetsproekty/2013/06/05/mezhdunarodnaya-politika/712514-v-rossii-nakonets-ozabotilis-myagkoi-siloi 6.06.2013.
4. Nye J. *The "soft" force and the American-European relations* [«Myagkaya» sila i amerikano-evropeiskie otnosheniya] // Free thought — XXI [Svobodnaya mysl' — XXI]. 2004. N 10. P. 33–41.
5. Nye J. *Flexible force. How to achieve success in world politics* [Gibkaya sila. Kak dobit'sya uspekha v mirovoi politike]. M.: Trend, 2006.
6. Putin V. V. *Russia in the changing world: continuity of priorities and new opportunities* [Rossiya v menyayushchemsya mire: preemstvennost' prioritetov i novye vozmozhnosti] // Messenger of MGIMO [Vestnik MGIMO-Universiteta]. 2012. N 4 (25).

Цацулин А. Н., Яковлев М. А.

Основа регионального медико-фармацевтического кластера — инновационная активность

Цацулин Александр Николаевич
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры финансового менеджмента
Доктор экономических наук, профессор
Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
vash_64@mail.ru

Яковлев Максим Александрович
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Аспирант кафедры финансового менеджмента
maksim_yakovlev_@mail.ru

РЕФЕРАТ
Статья посвящена обзору петербургской практики частно-государственного партнерства в области фармацевтических кластеров. В ней рассмотрены также основные проблемы и юридико-технические трудности, возникающие при реализации проектов частно-государственного партнерства на территории Российской Федерации. Авторы также обозначили интерес Республики Беларусь в этой сфере экономики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
инновации, взаимодействие частного и государственного секторов, проекты частно-государственного партнерства (ЧГП), частно-государственное партнерство (ЧГП), фармацевтический кластер

Tsatsulin A. N., Yackovlev M. A.

The Basis of the Regional Medical Pharmaceutical Cluster — the Innovative Activity

Tsatsulin Alexander Nickolaevich
North-West Institute of Management — branch of the Russian President Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Financial Management
Doctor of Sciences (Economy), Professor
Honorary worker of higher professional education of Russian Federation
vash_64@mail.ru

Yackovlev Maxim Alexsandrovich
North-West Institute of Management — branch of the Russian President Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate student of the Chair of Financial Management
maksim_yakovlev_@mail.ru

ABSTRACT
Article reviews of Saint-Petersburg's practice of private-state partnership in the field of pharmaceutical clusters. It considers the main problems and juristic-technical obstacles in the process of implementation of projects of private-state partnership in the territory of RF. Authors also marked the interest of the Republic of Belarus in this sphere of economic.

KEYWORDS
Innovation, cooperation of state and private sectors, projects of private-state partnership (*PSP*), private-state partnership (*PSP*), pharmaceutical clusters

Если человек не знает, куда он плывет,
то для него нет попутного ветра.

Луций Анней Сенека

В предыдущем номере журнала[1] были рассмотрены организационные и правовые проблемы частно-государственного партнерства (ЧГП) в связи с созданием перспективных промышленно-производственных кластеров инновационного типа в тех отраслях народнохозяйственного комплекса страны, деятельность которых совпадает с приоритетными направлениями, утвержденными Правительством РФ. И если территориально-производственная кластеризация определяется как действенный геоэкономический *рычаг* подъема экспортного потенциала России и эффективная форма интеграции и поддержки малого и среднего бизнеса [1], то ЧГП является, по нашему мнению, также *рычагом*, но уже создания самих кластеров. Эти соображения и определили название прошлой статьи.

Как представляется, триадой системных проблем на уровне Российской Федерации, требующих решения в рамках реализации Концепции создания кластера фармацевтической и медицинской промышленности в Санкт-Петербурге и развития этих производственных подотраслей в регионе, являются такие:

1) накопленное технологическое отставание на всех этапах жизненного цикла конкретного лекарственного средства от получения результатов научных исследований до замедленного внедрения препарата в медицинскую практику;
2) отсутствие ориентации на использование инновационной продукции определило в структуре государственного заказа пугающе значительную долю затрат на создание низкоэффективных воспроизведенных лекарственных средств, т. е. средств, поступивших в рыночное обращение после истечения срока действия исключительных патентных прав на оригинальные лекарственные препараты. Как следствие, исчезла возможность развития фармацевтических компаний из-за низкой доли добавленной стоимости традиционных дженериков, десятилетиями присутствующих на товарных рынках;
3) отсутствие понятной и тесной взаимосвязи между этапами: собственно разработки лекарственных препаратов промышленного выпуска внедрения во врачебную практику подлинно инновационной фармацевтической продукции.

Кластерная политика развития фармацевтической и медицинской промышленности, естественно, предполагает координацию целей и задач участников кластера для достижения кумулятивного эффекта при продвижении продукции кластера на фармацевтическом рынке Российской Федерации и за ее пределами. Усилия со стороны Санкт-Петербурга в части, касающейся развития и поддержки кластера, должны быть компенсированы за счет привлечения ведущих компаний и специалистов фармацевтической отрасли и медицинской промышленности, налоговых поступлений в городской бюджет, а также последовательного увеличения инвестиционной привлекательности региона для инновационных фармацевтических и биомедицинских компаний.

Что касается текущего состояния создаваемого кластера Санкт-Петербурга, то, по оценке центра маркетинговых исследований «Фармэксперт», город на сегодня является самым инвестиционно привлекательным российским регионом и стартовой площадкой для успешной реализации проектов в сфере фармацевтики и медицинской промышленности. В качестве приоритетной площадки для размещения новых объектов инфраструктуры и инновационных производств определены территория особой экономической зоны (ОЭЗ) Санкт-Петербурга, территория промышленной зоны «Пушкинская» и др.

---

[1] Частно-государственное партнерство как рычаг создания региональных инновационных кластеров (Управленческое консультирование. 2014. №4. С. 70–80).

Комплекс мер, направленных на поддержку фармкластера, повышает его привлекательность для новых резидентов. Благодаря поддержке города и активности инвесторов запуск первых производственных линий в рамках уже стартовавших проектов состоялся в 2012 г. Промышленное производство в кластере набирает обороты. Одна из ключевых инициатив заключается в создании в Санкт-Петербурге структуры «Лайф Сайнс парка», ориентированной на создание и комплексное развитие инфраструктуры биотехнологий, фармацевтической и медицинской промышленности региона. Смысл проекта состоит в локализации на одной площадке исследовательских комплексов, лабораторий ключевых компаний и основных сервисов, что предполагало создание позитивного и, что очень важно для аналитики, измеряемого синергетического эффекта [5] и возможность оценивания сводного показателя инновационной активности [4].

В качестве исторической вехи заметим, что для объединения и координации усилий участников кластера в сфере разработки, производства и обращения лекарственных средств и медицинской техники в июле 2011 г. было создано некоммерческое партнерство «Медико-фармацевтические проекты — XXI век». Это хронологически первый этап создания саморегулируемой организации в сфере разработки, производства и обращения лекарственных средств и медицинской техники. В настоящее время в состав партнерства входят 15 отечественных и зарубежных организаций, представляющих все направления рынка, обеспечивающего жизнеспособность системы здравоохранения — от исходной идеи до воплощения ее в рыночном продукте материального производства, т. е. реального сектора экономики.

Некоммерческое партнерство «Кластер медицинского, экологического приборостроения и биотехнологий» было создано в 2010 г., и оно объединяет на сегодня 85 малых и средних предприятий в области медицинского приборостроения и биотехнологий. Партнерство представляет общие интересы компаний-участников при взаимодействии с государственными органами власти, а также содействует продвижению рыночного продукта на региональном и международном уровнях. Имея в виду инфраструктурные особенности рассматриваемого региона, необходимо подчеркнуть, что в Санкт-Петербурге исторически сформирована уникальная научная база для проведения исследований во всех сферах фармацевтики и медицины, объединяющая потенциал ведущих учебных заведений и научных организаций.

К последним относятся Санкт-Петербургская государственная химико-фармацевтическая академия; Санкт-Петербургский государственный технологический институт; Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова; Санкт-Петербургский государственный политехнический университет; Санкт-Петербургский государственный университет; Государственный научно-исследовательский институт особо чистых биопрепаратов; Институт цитологии РАН; Институт токсикологии; Научно-исследовательский институт гриппа; Санкт-Петербургский институт фармации; Санкт-Петербургская государственная медицинская академия им. И. И. Мечникова; Санкт-Петербургская государственная педиатрическая академия; Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова и многие другие.

К настоящему времени в развитии рассматриваемого кластера достигнуты определенные положительные результаты (см. таблицу). Организационно-производственную реализацию следующих этапов проектов кластера фармацевтической и медицинской промышленности в Санкт-Петербурге планируется осуществлять:

1. Путем развития производственного комплекса ООО «Новартис-Нева», специализацией которого станет выпуск инновационных патентованных фармацев-

Таблица

Ключевые инвестиционные проекты Санкт-Петербургского производственного кластера в сфере медицинской техники и фармацевтики в 2013 г.

№ п/п	Наименование компании	Инвестиции, млн руб.	Доля участия в проекте, %	Территория размещения производства	Территория размещения лабораторного комплекса
1	«Самсон-Мед»	1500	5,97	Промзона «Пушкинская»	Другой Регион + + проектируется
2	ООО «Герофарм»	2300	9,15	« — »	Участок «Нойдорф»
3	ООО «Неон»	900	3,58	« — »	Другой регион + + проектируется
4	ЗАО «Фарм-Холдинг»	700	2,79	« — »	« — »
5	ЗАО «Биокад»	1070	4,26	Участок «Нойдорф»	Участок «Нойдорф»
6	ОАО «Фармсинтез»	1700	6,77	Площадка «Новоорловская»	Площадка «Новоорловская»
7	ЗАО «Вертекс»	1000	3,98	« — »	Участок «Нойдорф»
8	ЗАО «Иммуно-Гем»	600	2,39	« — »	Площадка «Новоорловская»
9	ООО «Новартис-Нева»	15 350	61,11	« — »	« — »
	Итого:	25 120	100,00	« — »	« — »

Примечание: указанные девять проектов были инициированы в 2010 г.; практически все первые этапы проектов завершались в 2012–2013 гг., и они предусматривали создание исследовательских подразделений по разработке *новых* лекарственных препаратов. Источник данных: BIOCAD. Biopharmaceutical company (http://www.biocad.ru).

тических препаратов и высококачественных современных дженериков; в исходном виде кластерного проекта доля инвестиций «Новартиса» была самой значительной — 61,11%.

2. Научно-исследовательского комплекса ЗАО «Биокад»: разработка и выпуск около 50 препаратов в соответствии со стандартами GMP[1], создание научно-исследовательского комплекса в сегментах «онкология/гематология», «гинекология/урология», «неврология», «вирусные инфекции», «сахарный диабет».
3. Создания производственных площадок изготовления лекарственных средств ООО «Герофарм»: выпуск инъекционных лекарственных средств и суппозиториев.
4. Производства лекарственных средств ЗАО «Фарм-Холдинг»: создание и выпуск пептидных генно-инженерных препаратов нового поколения, современных диагностических систем и улучшенных дженéриковых лекарственных средств.

[1] GMP (good manufacturing practice) — надлежащая производственная практика.

5. Создания производства лекарственных средств различных фармацевтических групп ООО «Неон»: выпуск высококачественных отечественных препаратов различных фармацевтических групп.
6. Создания производства ООО «Самсон-Мед»: организация полного технологического цикла по выпуску активных фармацевтических субстанций и широкого перечня готовых лекарственных форм фармацевтических препаратов в соответствии со стандартами GMP по различным терапевтическим группам: кардиология, неврология, пульмонология, офтальмология, гастроэнтерология, гинекология.
7. Создания производства ООО «НТФФ «Полисан»: выпуск высококачественных инфузионных препаратов.
8. Создание производства и центра разработки инновационной продукции ЗАО «Вертекс»: выпуск готовых лекарственных форм.
9. Создания производства и научно-исследовательского центра ОАО «Фармацевтическая фабрика Санкт-Петербурга» (компания «Галено Фарм»): выпуск лекарственных препаратов для лечения бронхиальной астмы, хронических обструктивных заболеваний легких, а также БАД (биологически активных добавок) и косметических средств.
10. Создания производства ОАО «Фармасинтез»: выпуск импортозамещающих онкологических препаратов.
11. Строительства производства ЗАО «Иммуно-Гем»: выпуск препаратов человеческой плазмы.
12. Строительства производства ЗАО «Меделком»: выпуск медицинской ультразвуковой диагностической аппаратуры и аналитических датчиков.
13. Строительства производства группы компаний «Алкор Био»: производство реагентов для целей аллерго- и гормональной диагностики.

В настоящее время документально оформлено включение кластера фармацевтической и медицинской промышленности в Перечень инновационных территориальных кластеров РФ в соответствующем постановлении Правительства «О развитии приоритетных кластерных проектов». Но в развитии этих кластеров уже обозначились существенные проблемы.

Как отмечалось выше, Россия уже присоединилась к ВТО после почти 20 лет напряженных переговоров, преодоления технических трудностей и юридических противоречий среди участников рынка. Теперь отечественный внутренний фармацевтический рынок почти полностью открыт для иностранных компаний-нерезидентов, а для отечественных производителей формально появились равные с зарубежными продуцентами условия экспортных поставок фармацевтической продукции за границу.

Но при этом, во-первых, не сформирована какая-либо работоспособная система государственной защиты локального продуцента лекарственных средств, не отработана система допуска импортируемых лекарственных форм по качеству (известные недостатки контрольно-разрешительной системы Минздравсоцразвития РФ), а это является отличительным свойством всех регуляторных систем, защищающих стратегические национальные интересы развитых стран в режиме патернализма.

Во-вторых, фармацевтический рынок как совокупность экономических отношений, возникающих между его субъектами по поводу купли-продажи и назначения-потребления лекарственных средств и других товаров аптечного ассортимента, отличает специфика потребления по сравнению с другими отраслями и рынками. Здесь товаром выступает фармацевтическая продукция, большую часть которой составляют фармпрепараты рецептурного отпуска, отличающиеся особенностями потребления. Отсюда важное место при реализации лекарств отводится промежу-

точному их потребителю — врачу. Таким образом, на фармацевтическом рынке выделяют три типа потребителей: институциональные, промежуточные и конечные [2, с. 99].

И если институциональные потребители — это организации, например аптечные сети, приобретающие товары для дальнейшего использования в рамках организации или перепродажи другим потребителям, а конечные потребители — это пациент, семья, приобретающие товары аптечного ассортимента для личного или семейного использования, то промежуточные потребители — это медицинские работники, назначающие лекарственный препарат (лечение в стационаре, клинике, санатории) или выписывающие рецепт на него (амбулаторное лечение).

Именно промежуточный потребитель может нанести существенный ущерб деятельности российских медико-фармацевтических кластеров. По понятным причинам, будучи уже аффилированным с дистрибьютерами определенных лекарственных брендов, скажем, врач общей практики или специалист будет засыпан предложениями, одно соблазнительнее другого, но, увы, со стороны иностранных производителей. И если сейчас это выглядит вполне естественно, то по мере наполнения фармацевтического рынка российской продукцией и в условиях его тотальной открытости, удорожания иностранных валют и прогнозируемой сравнимости цен с зарубежными аналогами идею импортозамещения можно будет похоронить, а размер негативных последствий можно будет лишь предугадывать.

Последствия напрямую связаны и с тем, что в фармацевтической отрасли существеннее сказывается асимметрия информации относительно потребительских свойств лекарственных форм непосредственно у производителей, фармацевтических работников, промежуточных и конечных потребителей по сравнению с другими отраслями. Для потребителей обширность и научно-познавательная емкость специализированной информации создают дополнительные трудности при выборе.

Нормативно закрепленный переход отечественных фармпредприятий на стандарты качества GMP с 1 января 2014 г. предполагает соответствующее техническое и кадровое их переоснащение. Речь идет о финансовых затратах на обучение персонала и техническое перевооружение лишь одного производства в диапазоне 5 20 млн долл. Общая стоимость необходимых инвестиций для обеспечения процесса перехода на международные стандарты в целом по России может составить 0,5 1,0 млрд долл. (без учета происходящей девальвации рубля).

Очевидно, что без действенных экономических мер государственной поддержки большинство российских фармпредприятий (по предварительным оценкам, их почти 70%) оказались не в состоянии обеспечить к началу 2014 г. соответствие параметров своих производств стандартам GMP. Третья по счету попытка сугубо административными мерами внедрить в российской фарминдустрии международные стандарты производства (две предыдущие попытки предпринимались в 2005 и 2009 гг.) практически сорвалась в 2012–2013 гг. И к этим говорящим за себя фактам, к сожалению, приходится относиться как к неприятной данности.

Отсутствие разработанных требований, соответствующих международным стандартам, характерно и для других российских отраслей народного хозяйства. Сегодня только 12,3% хозяйствующих субъектов (56 из 454) работают по стандарту GMP, еще 40% ввели стандарт на отдельных производственных и логистических участках цепочки, а 50% даже не начинали переоборудование своих производств. При этом предприятия, внедрившие указанные стандарты, ожидаемо оказываются менее конкурентоспособными по причине более высокого уровня учтенных затрат и калькулированной себестоимости производства препаратов, соответствующих требованиям GMP. В этом случае налоговые льготы (13,5% по налогу на прибыль организации и нулевая ставка налога на имущество) перестают играть свою стимулирующую роль для хозяйствующих субъектов.

Выходом из сложившейся ситуации видится лишь взвешенное сочетание правовых, административных и экономических стимулов, формируемых федеральным центром и субъектами. В частности, таких как предоставление государственных гарантий и субсидий на возмещение части затрат по уплате процентов по кредитам, полученным на техническое перевооружение производств с одновременным прекращением любых отраслевых льгот и преференций предприятиям, не предпринимающим мер по переходу на международные стандарты надлежащего качества производства лекарственных средств.

В прошедшем году Минэкономразвития России одобрило три новых проекта в области медицины и фармацевтики для реализации в ОЭЗ. Так, 11 декабря 2013 г. экспертный совет Минэкономразвития России принял в технико-внедренческие филиал ОАО ОЭЗ «Санкт-Петербург», «Дубна», «Зеленоград» и «Томск» шесть новых резидентов с общим объемом заявленных инвестиций в 2,6 млрд руб. Из них три компании занимаются разработками в области медицины и фармацевтики. В частности, новым резидентом филиала ОАО ОЭЗ «Санкт-Петербург» станет компания ООО «Инмед», занимающаяся разработкой и производством гемостатического материала «Гемофлекс» для сверхбыстрой остановки кровотечения. Продукт применяется в трансплантологии и хирургии (военно-полевой, экстренной, детской, челюстно-лицевой, общей). Для производства продукции компания использует собственные технологии получения композиционных нетканых материалов на основе биополимеров в объеме 1 млрд руб. Общий объем заявленных инвестиций — 185 млн руб.

Коммерциализация научных разработок и развитие российскими компаниями коммерчески успешного бизнеса в Hi-Tech-индустрии — одна из главных задач ОЭЗ технико-внедренческого типа. Поэтому руководство ОЭЗ «СПб» стремится активно совершенствовать (не всегда успешно) комфортную инфраструктурную и бизнес-среды, что в конечном счете и позволяет выводить на внутренний и внешний рынки отечественные высокотехнологичные инновационные фармацевтические продукты.

Группа компаний «Герофарм» в первом квартале 2014 г. намерена начать строительство фармацевтического завода в «Пушкинской» промзоне Санкт-Петербурга, объем инвестиций в проект оценивается, по данным ИТАР-ТАСС, в 1,5 млрд руб. На предприятии будут производить лекарства, разработанные в лаборатории компании, которая расположена в ОЭЗ «Санкт-Петербург».

Дочерняя компания группы, ЗАО «Фарм-Холдинг», занимается разработкой лекарственных препаратов по принципу полного цикла. Компания с 2010 г. является резидентом ОЭЗ в Петербурге. Лаборатория занимает около 1500 м^2 на площадке «Нойдорф». Разработанные препараты будут выпускаться на новом заводе в Петербурге, а также на уже действующем производстве в Оболенске Московской области. А в Пушкинской промзоне будет налажен выпуск лекарственных препаратов для лечения заболеваний центральной нервной системы и производство субстанций. Всего в настоящее время в разработке находится более десятка лекарств для дальнейшего применения в области неврологии, офтальмологии, эндокринологии. Наименования препаратов, планируемых к производству на новом заводе, пока не раскрываются.

Завершить строительство нового завода ЗАО «Фарм-Холдинг» планируется в первом квартале 2016 г. Площадь будущего производства — около 15 000 м^2. Работать на нем будут 200 человек. Мощность производства составит 5000 кг субстанций, 500 млн шт. твердых лекарственных форм, 10 млн шт. преднаполненных шприцев[1] в год.

[1] Prefilled syringes.

Российская фармацевтическая компания ЗАО «Вертекс» (зарегистрирована в 2000 г.) в июле 2013 г. получила разрешение на строительство инновационно-производственного комплекса в ОЭЗ «Санкт-Петербург» на арендованном участке в 4,85 га «Новоорловская» (из 110 га, в Приморском районе) и приступила к инженерной подготовке участка. Работы по строительству комплекса идут полным ходом, и ввод в эксплуатацию первой очереди завода, который станет его частью, запланирован на весну 2015 г. Общая площадь инновационно-производственного комплекса превышает 33 000 м^2, собственно завода — 15 000 м^2; на них будет размещено производство полного цикла по выпуску фармацевтической и косметической продукции. Товарный ассортимент продукции компании ориентирован по следующим направлениям: кардиология, дерматология, гинекология, стоматология, отоларингология, терапия, ревматология, травматология, неврология, аллергология, флебология, трихология, инфекционные заболевания и др.

На сегодняшний день в состав кластера медицинской и фармацевтической промышленности Петербурга входят 145 предприятий, в том числе 30 научно-исследовательских организаций, 109 производственных компаний (из них 22 — производители лекарственных средств, 87 — производители медицинской техники), 6 сервисных компаний. Общий объем частных инвестиций в проект до 2015 г. по созданию лабораторных комплексов и фармацевтических производств оценивается в 29,4 млрд руб. Деньги на развитие выделяются и из федерального бюджета. Субсидии будут составлять до 5 млрд руб. ежегодно в течение 5 лет начиная с 2013 г., т. е. вплоть до конца 2017 г.

Но у реального кластера образовались и реальные проблемы. В частности, по разным причинам петербургские производители лекарств фактически остались без специалистов. Фармацевтическая отрасль страны испытывает значительный кадровый голод последние 2 года — увеличивается потребность как в начинающих сотрудниках, так и в топ-менеджерах. С учетом того что в полную силу площадки СПб фармацевтического кластера заработают только в конце 2014 г., дефицит на рынке труда ощущается предельно остро уже сейчас.

Как подчеркивают специалисты кадрового рынка, привлекать сотрудников фармацевтические компании готовы даже из других регионов страны. Причем Петербург здесь соревнуется в первую очередь с Калугой. Ценных сотрудников соблазняют выгодными условиями: максимально наполненным социальным пакетом, достойной заработной платой и корпоративными квартирами. Начинающим фармацевтам заплатят от 32 000 до 42 000 рублей. Рядовые сотрудники таких фармацевтических гигантов, как Novartis или «Биокад», с опытом работы от года до 2 лет могут рассчитывать на сумму до 50 000 рублей. А вот руководителям фармацевтических компаний заплатят больше 100 000 руб. в месяц.

В Петербурге начинают появляться кадровые позиции, о которых еще 1,5–2 года назад даже и не слышали на рынке фармацевтики. Так, по итогам 2012 г. самыми дефицитными специалистами стали специалисты в области обеспечения контроля качества, валидации, специализации. Это очень редкие специалисты на рынке труда Петербурга, и эта проблема решается главным образом за счет релокации кандидатов из других регионов и даже из-за рубежа. Потребность в специалистах будет только расти — многие компании еще не запустили производство на полную силу. Например, «Новартис Нева» (дочерняя компания Novartis) в следующем году планирует запустить современный завод мощностью 1,5 млрд натуральных единиц продукции в год и общей стоимостью, превышающей 140 млн долл.

Другая реальная проблема выросла на почве юридико-технических несуразностей, которые условно можно объединить лозунгом — «Через штрафы к инновации-

ям». Так, новым резидентам петербургских ОЭЗ предлагают заключить соглашения, заранее предусматривающие штрафные санкции до 5 млн руб. Представители компаний мягко называют такие меры недальновидными. Взаимное недовольство между резидентами ОЭЗ и городскими чиновниками нарастает. Рассмотрим сложившуюся ситуацию подробнее.

В течение 2012–2013 гг. были приняты изменения в Закон ФЗ-116, согласно которому соглашения с новыми резидентами ОЭЗ будут заключаться на трехсторонней основе — между Минэкономразвития, управляющей компанией и компанией-резидентом[1]. Теперь за несоблюдение сроков и условий соглашения резидентов ОЭЗ будут штрафовать. Минимальный штраф при этом не может быть менее 150 000 руб., максимальный — не более 5 млн руб.

Руководство филиала ОАО «Особые экономические зоны» в Петербурге полагает, что угроза штрафов заставит резидентов внимательней относиться к выполнению своих обязательств, поскольку многие компании ничего делать не собираются. В течение 2012–2013 гг. ОАО «ОЭЗ» целенаправленно вело работу по расторжению соглашений — таких компаний оказалось 13. В ближайшее время планируется расторгнуть отношения еще с четырьмя — ООО «Инжиниринговый центр «Нойдорф», ООО «НПФ «Полисервис», ОАО «БНТ Прибой» и ООО «Окси-Балт».

У резидентов петербургской ОЭЗ в свою очередь немало претензий к управляющей компании. Главная претензия — это отсутствие необходимой инженерной инфраструктуры на обеих площадках «Нойдорф» (19 га, пос. Стрельна, Петродворцовый район) и «Новоорловская», что, по соглашению сторон, должен был обеспечить город. А одна из названных компаний НПФ «Полисервис» с 2005 г. так и не смогла заключить договор аренды на земельный участок при поданных документах и оплаченном межевании. При этом на выделяемом участке нет ни электричества, ни дорог. Резидентам не созданы соответствующие элементарные условия развития, и многие предприятия вынуждены осваивать выделенные им участки за свой счет, что не соответствует изначальным условиям, да и закону об ОЭЗ. За годы простоя «Полисервис» просто потерял порядка 100 000 долл.

Как отмечают сами резиденты, об инфраструктуре «Новоорловской» вообще говорить рано: площадку обещали достроить к концу 2013 г. (в 2014 г. планируется завершить процедуру присоединения к площадке дополнительного земельного участка площадью 52,9 га [3, с. 11]). Жалуются резиденты петербургской ОЭЗ и на чрезвычайно запутанную систему получения согласованных инвестиционных преференций в усложненной и непрозрачной бюрократической иерархии принятия управленческих решений.

Сейчас прямыми участниками петербургской ОЭЗ являются 35 компаний, 32 — в качестве резидентов. Но ни одна из них полностью не завершила строительство своих объектов. На участке «Нойдорф» в стадии строительства находятся объекты трех компаний-резидентов — «Биокад», «Ракурс-инжиниринг» и «Лазерные системы». На участке «Новоорловская» свои объекты строят две компании «Новартис-Нева» и «Витал Девелопмент Корпорейшн». Часть резидентов размещается в административно-деловом центре «Нойдорф».

Следствием юридико-технической проблемы является запутанное законодательство и множество подзаконных актов, которые действуют для резидентов филиала ОЭЗ. В результате на согласование проектов и источников финансирования уходит слишком много времени, столь необходимого для динамичного развития. Структура управления ОЭЗ на федеральном уровне неоднократно менялась. Сейчас резидентами управляет ОАО «Особые экономические зоны» со 100%-ным государ-

[1] О промышленной безопасности опасных производственных объектов: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ (с изменениями от 2 июля 2013 г.).

ственным капиталом, однако до четких и прозрачных правил игры, которые объявлялись при создании этой управляющей компании, еще очень далеко и с точки зрения динамики процесса, и с точки зрения его содержательного наполнения. В результате потенциальные резиденты годами ждут и возможности начать проекты, и выполнения договорных условий со стороны государства.

Разумеется, штрафами, даже значительными, трудности не преодолеть. Если предприятию неинтересно работать в ОЭЗ, оно не будет в ней работать даже при финансовых санкциях и штрафных угрозах. Необходимо упростить процедуру прохождения регистрации резидентов и ускорить процессы создания условий для резидентов медико-фармацевтического кластера СПб — от чисто юридико-технических до организационно-инфраструктурных.

Интересным представляется поиск путей сотрудничества в области фармацевтики наших ближайших «соседей» из Республики Беларусь, которые могут извлечь полезные уроки из нашего не во всем положительного кластерного опыта. И если Санкт-Петербург, согласно подписанному соглашению с Мурманской областью (29.01.2014 г.), будет развивать медико-фармацевтический кластер в интересах населения Северо-Запада РФ, а также России и частично стран СНГ в связи с заключенными новыми экспортными контрактами, то Эквадор сразу предложил Белоруссии сотрудничество в области фармацевтики. Об этом заявил 31 января 2013 г. в Минске директор Торгового представительства Эквадора в России К. Лема (по сообщению пресс-службы Республики Беларусь).

«Мы уже импортируем лекарственные препараты. Зная опыт и потенциал этой страны в фармацевтической промышленности, мы заинтересованы в сотрудничестве в данной сфере. Если бы могли наладить совместное производство в Эквадоре или Беларуси, это было бы отлично», — заявил он. А, по словам заместителя председателя Белорусской торгово-промышленной палаты В. Улаховича, белорусская сторона намерена обсудить с представителями эквадорских компаний выстраивание торговых отношений без посредников. «Это одно из условий, которое может обеспечить приемлемые цены и качество продукции», — отметил он.

Дело в том, что в Республике Беларусь также создается фармацевтический кластер. Совет министров Республики Беларусь и Национальный банк республики утвердили стратегию привлечения прямых иностранных инвестиций на эти цели на период до 2015 г. Проект по созданию фармацевтического кластера направлен на формирование конкурентоспособного на внешнем рынке фармацевтического производства на основе кооперации с иностранными компаниями, не имеющими своих производств в государствах — участниках СНГ, и научно-исследовательскими организациями, осуществляющими разработки в области производства современных лекарственных средств.

Работа белорусского кластера будет ориентирована на рынок Таможенного союза, где его продукция будет конкурировать с российскими товаропроизводителями. В проект создания кластера должны быть вовлечены республиканские органы государственного управления, курирующие данный вид деятельности, в частности Департамент фармпромышленности Минздрава, Минский облисполком, Минский горисполком. По мере развития кластера предполагается включить в его состав отраслевой научно-производственный центр и организацию, оказывающую регистрационные услуги согласно требованиям надлежащей лабораторной практики (GLP-стандарт) и надлежащей клинической практики (GCP-стандарт) для повышения привлекательности белорусского рынка.

Во время реализации проекта планируется провести унификацию действующих в Беларуси требований в области фармацевтики с международными стандартами, организацию стажировки сотрудников фармпредприятий и преподавателей учреждений высшего образования на иностранных предприятиях соответствующего про-

филя, создание условий для разработки современных лекарственных средств, в том числе привлечение научных разработок в области компьютерного моделирования молекул и моделей клинической эффективности лекарственных средств. Предусмотрено создание центра разработки и внедрения молекул лекарственных средств на базе Парка высоких технологий. Планируются разработка законодательной базы ЧГП и меры по гармонизации существующих нормативных правовых актов с законодательством Таможенного союза[1].

Приоритетным направлением привлечения прямых иностранных инвестиций выступает создание новых производств современных лекарственных препаратов. С этой целью стимулируется размещение контрактных производств инновационных препаратов на территории республики путем предоставления ценовых преференций при закупках инновационных лекарств, их первых дженерических копий, в том числе и в случае поставок для последующей расфасовки без полного цикла производства. Все сказанное, по замыслу организаторов, обеспечит трансфер технологий и снизит стоимость закупаемых средств, увеличит экспорт фармацевтической продукции.

Для привлечения зарубежных производителей будет использоваться практика гарантированного государственного заказа на определенный объем производства за оговоренный период. Важно также создание системы информационной поддержки, маркетинговой группы по оценке перспективности новых разработок и поиску производителей первых дженериков, единого реестра отечественных препаратов.

Ядро республиканского фармкластера составят РУП «Белмедпрепараты», ОАО «Борисовский завод медицинских препаратов», ОАО «Несвижский завод медицинских препаратов», УП «Минскинтеркапс». Динамика роста объемов производства фармацевтической продукции Республики Беларусь впечатляет — только в 2011 г. он увеличился на 20,2%. Руководство республики ставит перед фармотраслью задачу к 2015 г. довести долю отечественных лекарств на рынке до 50%. Уже сейчас, по мнению главы администрации Президента Республики Беларусь В. Макея, активно делаются практические шаги для достижения этой и других целей.

Как представляется авторам настоящей статьи, партнерами Республики Беларусь в интереснейшем и чрезвычайно важном деле по созданию фармкластера может быть не только Эквадор, но и ближние соседи, скажем, из Петербурга. Тем более что взаимовыгодные договорные отношения имеют хорошую предысторию, а уже подписанные с городом соглашения предусматривают возможности их расширительного толкования и оперативного обогащения, учитывая чрезвычайно сложную экономическую ситуацию в странах Союзного государства.

Проект по созданию медико-фармацевтического кластера направлен на формирование конкурентоспособного на внешнем рынке продуктов фармацевтического производства на основе кооперации с иностранными компаниями, не имеющими своих производств в государствах — участниках СНГ, и научно-исследовательскими организациями, осуществляющими разработки в области производства современных лекарственных средств.

Чрезвычайно важной, но и одновременно алармистской информацией служат следующие оперативные данные по другому члену СНГ. По сведениям председателя Гослекслужбы Украины А. Соловьева, количество производителей фармпродукции в республике по состоянию на начало 2014 г. уменьшилось на 24%, до 115 юридических лиц, поскольку без подтверждения GMP лекарственных средств, кроме активных фармацевтических ингредиентов, на территорию страны в течение 2013 г. не могли быть ввезены соответствующие сырьевые компоненты.

---

[1] Российская фармацевтика. Эффективность, безопасность, качество: [Электронный ресурс]. URL: www.pharmapractice.ru (дата обращения: 09.01.2014).

Ожидаемое восстановление полноценных хозяйственных, в том числе кооперационных связей трех славянских государств на фоне дальнейшего укрепления братских отношений, позволит не только насытить внутренние рынки лекарственных средств современными, лицензированными и высокоэффективными препаратами, обеспечить экспортные поставки сертифицированной и стандартизованной продукции, но и обогатить новым содержанием инновационно-технологического типа деятельность производственных медико-фармацевтических кластеров на указанных территориях.

Литература

1. *Егоров Н. Е.* Концептуальные основы построения модели региональной инновационной системы на основе кластерного подхода // Инновации. 2011. № 8 (154).
2. *Козыкин С. М.* Анализ фармацевтического рынка на основе системного подхода // Экономические науки. 2011. № 10 (83). С. 97–99.
3. *Наумова К.* ОЭЗ перешагнула планку // Коммерсант. 24.01.2014. № 10. С. 11.
4. *Цацулин А. Н.* Подходы к экономическому анализу комплексной инновационной активности // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2013. № 2 (80). С. 12–22.
5. *Ягудин С. Ю., Орехов С. А., Бебрис А. О.* Формирование механизмов оценки конкурентного потенциала венчурных фирм в рамках стратегии инновационного развития // Вопросы статистики. 2011. № 4. С. 10–14.

References

1. Egorov N. E. *Conceptual bases of creation of model of regional innovative system on the basis of cluster approach* [Kontseptual'nye osnovy postroeniya modeli regional'noi innovatsionnoi sistemy na osnove klasternogo podkhoda] // Innovations [Innovatsii]. 2011. N 8 (154).
2. Kozykin S. M. *The analysis of the pharmaceutical market on the basis of system approach* [Analiz farmatsevticheskogo rynka na osnove sistemnogo podkhoda] // Economic science [Ekonomicheskie nauki]. 2011. N 10 (83). P. 97–99.
3. Naumova K. *SEZ stepped over a level* [OEZ pereshagnula planku] // Kommersant. 24.01.2014. N 10. P. 11.
4. Tsatsulin A. N. *Approaches to the economic analysis of complex innovative activity* [Podkhody k ekonomicheskomu analizu kompleksnoi innova-tsionnoi aktivnosti] // News of St. Petersburg University of Economics and Finance [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov]. 2013. N 2 (80). P. 12–22.
5. Yagudin S. Yu., Orekhov S. A., Bebris A. O. *Formation of mechanisms of an assessment of competitive capacity of venture firms within strategy innovative развития* [Formirovanie mekhanizmov otsenki konkurentnogo potentsiala venchurnykh firm v ramkakh strategii innovatsionnogo razvitiya] // Statistics questions [Voprosy statistiki]. 2011. N 4. P. 10–14.

Компоненты изменения численности населения в Российской Федерации

Жвирблис Юлия Александровна
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан)
Доцент кафедры экономики
Кандидат экономических наук
Zhvirblis_Yuliya@mail.ru

РЕФЕРАТ
Автор рассматривает особенности демографической ситуации в России, оценивая при этом компоненты изменения численности населения в Российской Федерации в период 2007–2013 гг. Особенности в рассмотренной сфере прослеживаются как на национальном, так и на региональном уровне, на примере субъекта Российской Федерации — Республики Хакасия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
социально-экономическая политика, международная миграция рабочей силы, иммиграция

Components of Population Change in the Russian Federation

Zhvirblis Yuliya Aleksandrovna
Khakassia State University named by N. F. Katanov (Abakan, Republic of Khakassia, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Economy
PhD in Economy
Zhvirblis_Yuliya@mail.ru

ABSTRACT
The author examines the special features of demographic situation in Russia, evaluating in this case the components of a change in the population in the Russian Federation in the period with 2007–2013. Special features in the sphere examined are outlined both on the national and at the regional level, based on the example of the subject of the Russian Federation — the republics of Khakassia.

KEYWORDS
economy, national politics, world economy, international labour migration, immigration, migrant

По последним данным статистики глобальной миграции ООН в 2013 г., число международных мигрантов в мире составило 232 млн человек, тогда как в 2000 г. их насчитывалось 175 млн, а в 1990 г. — 154 млн[1]. В 2013 г. половина всех международных мигрантов приходилась на 10 стран, из которых на первом месте — США, где проживает 45,8 млн мигрантов, на втором — Российская Федерация (11 млн)[2].

Рассмотрим особенности международной миграции в Российской Федерации. Так, численность постоянного населения Российской Федерации на 1 января 2014 г. составила 143,7 млн человек и в сравнении с прошедшим годом возросла на 318,8 тыс.

[1] Пресс-релиз ООН: [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/ga/68/meetings/migration/pdf/internationalmigrantsworldwide_totals2013.pdf (дата обращения: 31.01.2014).

[2] www.unmigration.org.

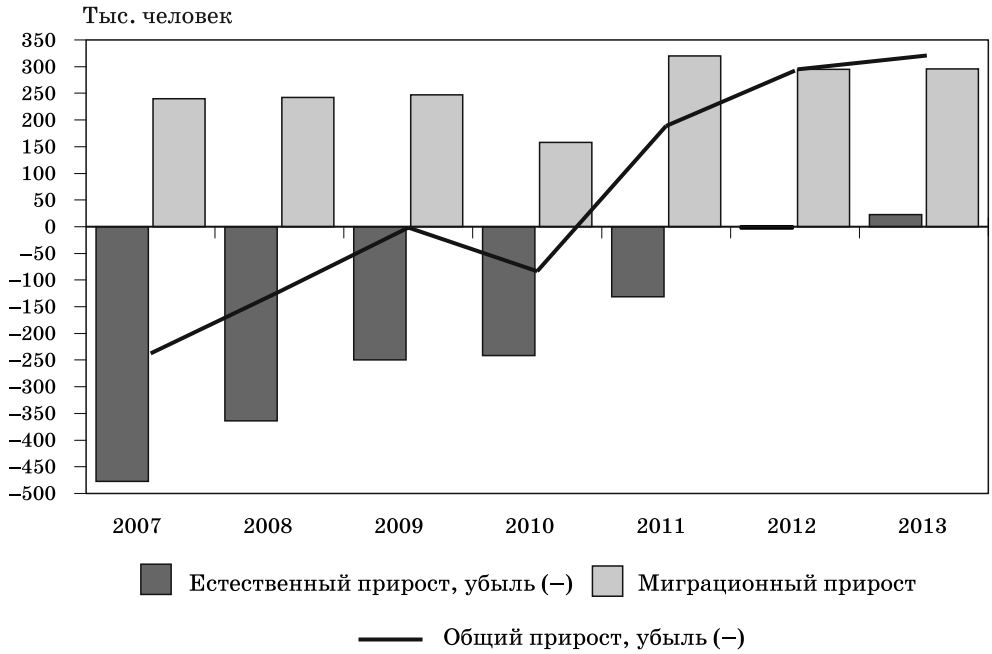


Рис. 1. Компоненты изменения численности населения в Российской Федерации в период 2007–2013 гг.

Примечание: Официальный сайт службы Государственной статистики в Российской Федерации: [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения: 25.02.2014).

человек. Причем увеличилась она преимущественно за счет миграционного прироста, который составил 92,8% от общего прироста населения (см. примечание к рисунку).

Миграция населения в условиях естественной убыли в Российской Федерации стала важным источником восполнения его численности. В этой связи международная иммиграция влияет на пополнение трудовых ресурсов и оказывает положительное воздействие на общую численность населения (рис. 1).

Согласно имеющимся данным, именно миграционный прирост в целом способствует преодолению негативных последствий депопуляции. Рассмотрим основные составляющие международной миграции в Российской Федерации (см. табл. 1).

Из табл. 1 явствует, что миграция из стран СНГ превышает миграцию из стран дальнего зарубежья как по числу прибывших, так и по числу выбывших граждан. Такая же особенность имеет место и на региональном уровне. Данные о международной миграции, например в Республике Хакасия (РХ), представлены в табл. 2.

Если соотнести международную миграцию по количеству прибывших из стран государств — участников СНГ и из стран дальнего зарубежья в Республике Хакасия, то мы видим, что количество прибывших из стран государств — участников СНГ превалирует. Схожая особенность прослеживается как на национальном, так и на региональном уровне, что позволяет объяснить это прежде всего наличием родственных и других связей между населением бывших союзных республик, а также близостью границ. Это, безусловно, способствует мотивации притока мигрантов.

Таблица 1

Международная миграция в РФ, в том числе со странами СНГ и странами дальнего зарубежья, человек

Международная миграция	Год						
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Прибыло в РФ, всего	*286 956*	*281 614*	*291 844*	*191 656*	*356 535*	*417 681*	*482 240*
В том числе: из стран СНГ	273 872	269 976	273 095	171 940	31 0549	363 955	422 708
Из стран дальнего зарубежья	13 084	11 638	18 749	19 716	45 986	53 726	59 532
Выбыло из РФ, всего	*47 013*	*39 508*	*32 458*	*33 578*	*36 774*	*122 751*	*186 382*
В том числе: в страны СНГ	31 329	26 114	20 326	21 206	22 568	95 572	147 842
В страны дальнего зарубежья	15 684	13 394	12 132	12 372	14 206	27 179	38 540

Примечание: таблица составлена автором на основании данных официального сайта службы Государственной статистики в Российской Федерации (www.gks.ru/free_doc/new_site... demo/demo42.htm (дата обращения: 03.07.2013)).

Таблица 2

Международная миграция в Республике Хакасия, в том числе со странами СНГ и странами дальнего зарубежья, человек

Международная миграция	Год						
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Прибыло В РХ — всего	*1374*	*1260*	*842*	*268*	*921*	*957*	*1180*
В том числе: из стран СНГ	1325	1214	799	220	724	783	1013
Из стран дальнего зарубежья	49	46	43	48	197	174	167
Выбыло из РХ— всего	*178*	*74*	*72*	*66*	*84*	*282*	*406*
В том числе: в страны СНГ	89	40	30	35	48	186	290
В страны дальнего зарубежья	89	34	42	31	36	96	116

Примечание: таблица составлена автором на основании данных Росстата и территориального органа Росстат по РХ.

Из таблиц о международной миграции мы видим, что с 2011 г. наблюдается резкое увеличение прибывших иностранных граждан на национальном и региональном уровнях. Это обусловлено не только интенсификацией процессов, но и особенностями ведения учета. Изменились условия статистического учета: с 2011 г. в число мигрантов стали включать лиц, зарегистрированных по месту пребывания на

срок 9 месяцев и более (ранее — на 1 год и более)[1]. В результате существенно повышается зарегистрированная внешняя миграция.

На уровне Российской Федерации прогнозируется увеличение численности населения только лишь за счет миграционного прироста[2]. Аналогичная ситуация наблюдается и на региональном уровне. По прогнозу Хакасстата (табл. 3), в предстоящие годы численность населения РХ будет увеличиваться именно не за счет общего прироста, а за счет притока иностранных граждан[3].

Приведенные данные показывают, что иммиграция[4] — это единственная возможность не допустить сокращения трудовых ресурсов республики. Естественный прирост будет иметь место еще в течение последующих 2 лет, т. е. до 2015 г., затем прогнозируется естественная убыль населения, нарастающая с каждым последующим годом. Общий прирост сохраняется положительным лишь до 2019 г. Даже в условиях миграционного прироста население республики будет сокращаться[5]. Международная иммиграция до 2025 г. в РХ будет увеличиваться и останется величиной положительной, хотя и на сравнительно небольшом уровне, что весьма благоприятно для региона с точки зрения поддержания имеющейся численности населения.

Таким образом, согласно статистическим оценкам международная миграция в Российской Федерации важна для восполнения трудовоспособной части населения. Прогноз, выполненный Росстатом до 2025 г., как на национальном, так и на региональном уровнях это подтверждает. При этом надо иметь в виду, что экономическая, социальная, политическая и другие сферы в демографических процессах играют немаловажное значение. Необходим учет их влияния.

В 2006 г. Президент В. В. Путин назвал демографию «самой острой проблемой современной России» [2]. Это способствовало росту внимания государства и общества к демографическим проблемам, подтолкнуло к принятию ряда практических мер, направленных на улучшение демографической ситуации [1]. В этой связи были приняты федеральные законы, включающие комплекс мер, направленных на поддержку семьи и стимулирование рождаемости[6]. Была введена новая мера государственной поддержки — предоставление материнского (семейного) капитала при рождении второго или последующего ребенка[7].

Итоги демографического развития страны после принятых мер говорят о том, что эти меры оказались эффективными. Уже в 2007 г. родилось 1 602 000 детей, что на 122 000, или 8,3% больше, чем в 2006 г. Такого значительного прироста рождений не регистрировалось в России уже 25 лет. Срок действия данной госу-

---

[1] Приказ Федеральной миграционной службы от 11 сентября 2012 г. № 288 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной миграционной службой государственной услуги по регистрационному учету граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации»: [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70255306/ ixzz2uK1AS088 (дата обращения: 25.02.2014).

[2] http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn1.htm.

[3] Данные территориального органа Росстата по Республике Хакасия.

[4] Прогноз международной иммиграции получить невозможно, поскольку автор не выявил общих количественных закономерностей численности международных иммигрантов, данное утверждение можно предполагать.

[5] Прогноз составлен экспертами Росстата по РХ.

[6] О бюджете фонда социального страхования РФ на 2007 год: Федеральный закон от 19.02.2006 г. № 234-ФЗ: [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[7] О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2006 г. № 256: [Электронный ресурс]. Доступ к справ.-правовой системе «КонсультантПлюс».

Таблица 3

Изменение численности населения в Республике Хакасия (прогноз Хакасстата)

Год	Население на начало года, человек	Изменения за год		
		Общий прирост	Естественный прирост (убыль)	Миграционный прирост (убыль)
2014	544 039	936	202	734
2015	544 975	830	77	753
2016	545 805	630	–148	778
2017	546 435	427	–363	790
2018	546 862	239	–577	816
2019	547 101	93	–752	845
2020	547 194	–59	–940	881
2021	547 135	–231	–1149	918
2022	546 904	–403	–1352	949
2023	546 501	–558	–1540	982
2024	54 5943	–666	–1678	1012
2025	545 277	–739	–1776	1037

дарственной программы заканчивается 31 декабря 2016 г.[1]. В настоящее время правительством нашей страны рассматривается возможность продления программы материнского капитала до 2025 г. Кроме того, президент В. Путин поручил правительству подготовить предложения по ее развитию [3].

Согласно статистическим данным, одна из особенностей международной миграции в Российской Федерации состоит в том, что в численности прибывающих иностранных граждан преобладают лица из государств — участников СНГ. Данные потоки носят массовый характер. Меры по углублению данных отношений стали развиваться почти сразу после распада СССР. В рамках СНГ в 1994 г. было заключено Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты мигрантов в этих странах.

На наш взгляд, нынешняя сложившаяся ситуация на Украине, может вполне благоприятно оказать влияние на демографическую проблему в России. Присоединение Крыма и Севастополя к Российской Федерации решает сразу несколько проблем. Одна из важнейших — это пополнение трудового потенциала страны. По данным Главного управления статистики, в Крыму численность населения составляет 1 967 200 человек (на январь 2014 г.), численность населения города Севастополя — 381 474 000 человек[2]. Причем крупнейшими этническими группами являются русские, украинцы, татары, что не вызовет межэтнических столкновений и сложной адаптации и интеграции на уже едином социально-экономическом пространстве.

Отношения в сфере международного обмена трудовыми ресурсами на постсоветском пространстве следует всячески развивать. В этом направлении действует миграционная политика РФ. Также ведется работа Совета руководителей стати-

[1] Материнский капитал // Российская газета: [Электронный ресурс]: URL: http://www.rg.ru/sujet/2778/ (дата обращения: 05.02.2014).

[2] Автономная Республика Крым / РИА Новости от 10.03.2014: [Электронный ресурс]. URL: http://rian.com.ua/dossier/20140220/340236001.html (дата обращения: 19.03.2014).

стических служб государств — участников Содружества Независимых Государств. Например, в 2013 г. обсуждались проблемы статистического измерения миграционных процессов на пространстве СНГ, решение которых направлено на повышение качества миграционной статистики в данных странах.

Литература

1. *Вишневский А. Г., Бобылев С. Н.* Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ 2008 г.: Россия перед лицом демографических вызовов. М.: ПРООН, 2009. 208 с.
2. *Елизаров В.* Президентские обещания в действии // Демоскоп Weekly. 2007. № 273–274 от 22 января — 4 февраля: [Электронный ресурс]. URL: http://http://demoscope.ru/weekly/2007/0273/polit01.php (дата обращения: 05.04.2008).
3. *Титов М., Коржова А.* Правительство предлагает продлить программу материнского капитала до 2025 г. // Ведомости от 05.12.2013. № 226: [Электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/19674641/do-2025-g-kapital-proderzhitsya ixzz2wOOR51yw (дата обращения: 17.03.2014).

References

1. Vishnevsky A. G., Bobylev S. N. *The report on human potential development in Russian Federation in 2008: Russia in the face of demographic calls* [Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v RF 2008: Rossiya pered litsom demograficheskikh vyzovov]. M.: PROON, 2009. 208 p.
2. Yelizarov V. *Presidential promises in operation* [Prezidentskie obeshchaniya v deistvii] // Demoscope Weekly. 2007. N 273–274 January 22 — February 4: [Electronic resource]. URL: http://demoscope.ru/weekly/2007/0273/polit01.php (address date: 05.04.2008).
3. Titov M., Korzhova A. *Government suggests to prolong the program of a maternity capital till 2025* [Pravitel'stvo predlagaet prodlit' programmu materinskogo kapitala do 2025 g.] // Vedomosti. 05.12.2013 N 226: [Electronic resource]. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/19674641/do-2025-g-kapital-proderzhitsya ixzz2wOOR51yw (address date: 17.03.2014).

Десятниченко Д. Ю.

Институциональные проблемы и дискуссионные вопросы инновационной модернизации экономики регионов РФ

Десятниченко Дмитрий Юрьевич
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры экономической теории и прикладной экономики
Кандидат экономических наук, доцент
rabotaemail@mail.ru

РЕФЕРАТ
В статье исследуются проблемы инновационной модернизации региональной экономики. Автор анализирует существующие мнения и концепции, критические оценивающие принципиальную возможность говорить об инновационной модернизации экономики в России как в теоретическом, так и практическом аспекте. При этом сравниваются различные точки зрения и оценочные суждения общественных деятелей, представителей научной общественности, высшего руководства страны.

Среди прочего значительное внимание уделяется проблеме «не внедрения», проявившейся еще в плановой советской экономике и сохранившей свою актуальность и в экономике переходного периода, рыночной экономике сегодняшней России.

В статье также анализируются возможности использования долгосрочных программ социально-экономического развития для решения задач модернизации экономики регионов, а также эффективность использования данных возможностей в принятых Правительством РФ долгосрочных программах «Стратегия-2020» и «Стратегия-2030». Применительно к последним автор приходит к выводу о низкой практической значимости и излишней декларативности данных программных документов.

По итогам проведенного анализа автор высказывает ряд рекомендаций практического характера, реализация которых в первоочередном порядке позволит решить, либо как минимум существенно продвинуться в решении многих из существующих и перечисленных в статье проблем инновационной модернизации, создаст основу для долгосрочного экономического роста несырьевых отраслей экономики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
инновации, модернизация, региональная экономика, институциональные проблемы, региональная инновационная система

Desyatnichenko D. Yu.

Institutional Problems and Discussion Questions Innovative Modernization of the Economy of Regions of the Russian Federation

Desyatnichenko Dmitriy Yurevich
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of the Economic Theory and Applied Economy
PhD in Economy, Associate Professor
rabotaemail@mail.ru

ABSTRACT
In article problems of innovative modernization of regional economy are investigated. The author analyzes existing opinions and concepts, critical estimating basic opportunity to speak about innovative modernization of economy in Russia as in theoretical, and practical aspect. Various points of view and estimated judgments of public figures, representatives of the scientific community, the top management of the country are thus compared.

Among other things the considerable attention is paid to a problem “not introductions”, shown in planned Soviet economy and kept the relevance and in economies in transition, market economy of today’s Russia.

In article possibilities of use of long-term programs of social and economic development for the solution of problems of modernization of economy of regions, and also efficiency of use of the present possibilities in the long-term programs “Strategy 2020” and “Strategy 2030” accepted by the Government of the Russian Federation also are analyzed. In relation to the last, the author comes to a conclusion about the low practical importance and excessive pretentiousness of these program documents.

Following the results of the carried-out analysis the author states a row the recommendation of the practical character which realization in a prime order will allow to solve, or, at least, it is essential to promote in the solution of problems of innovative modernization much from existing and listed in article, will create a basis for the long-term economic growth of non-oil branches of economy.

KEYWORDS
innovation, modernization, regional economics, institutional problems, regional innovation system

Актуальность тематики данной статьи в контексте перехода к инновационной социально ориентированной модели развития в России представляется высокой. При этом весьма спорными и дискуссионными остаются вопросы управления институциональными элементами системы организации инвестирования инноваций в регионе. Даже формулировка тематики исследования, целесообразность и перспективность логически вытекающего из этого авторского целеполагания, практическая значимость ожидаемых результатов, выводов, рекомендаций вызывает серьезную критику как в научных кругах, так и у широкой общественности, что определило структуру и общую концепцию данной статьи.

Первое направление критики связано с отрицанием самой дефиниции «инновационного региона» как такового. В качестве серьезного аргумента отмечается, что произошла «крутая смена политического вектора»: модернизация и инновации в России на самом деле были ошибкой, сегодня они отменены даже как символические направления [10, с. 6].

Второе направление критики связано с отрицанием самого научного термина «развитие» применительно к нашей стране. Многими справедливо утверждается, что в современной России «развития» как такового больше нет, поскольку произошел «новый поворот» — новое движение всего российского общества в направлении его *архаизации* из-за навязывания сверху всем противоречивой архаики («промывание мозгов») и неизбежного при этом массового освоения архаических смыслов повседневной жизни [9, с. 7].

Третье направление критики связано с тем, что сегодня утрачиваются сами стратегические ориентиры какого-либо развития — в настоящее время, несмотря на наличие многочисленных долгосрочных программ, остается не решенным главный вопрос: мы «развиваемся» или «осваиваем» [7]?

Ключевые параметры, по мнению некоторых авторов, таковы: «Рост ВВП России ниже 3% — это стагнация, от 3 до 4,5% — слабый неустойчивый рост, при росте экономики до 4,5% предприятия не будут успевать обновлять свои фонды. В этом случае объем инвестиций будет расти на 8,8%, но и это недостаточный прирост инвестиций для России, так как для модернизации необходим рост инвестиций на уровне 30%»[1].

[1] *Выступление* Алексея Кудрина на съезде правления РСПП 21 апр. 2011 г.: [Электронный ресурс]. URL: media.rspp.ru/document/1/a/5/a53019c4abac11d9512351b3e7dccf46.doc (дата обращения: 08.01.2014).

Отвечая на *первое направление критики,* необходимо обратить внимание на следующие принципиальные моменты.

Во-первых, нужно подчеркнуть, что в настоящее время экономический мир объективно совершает трансформационный переход от *индустриальной стадии к инновационной.* В этой ситуации особенность положения России в том, что ее экономика по конкурентоспособности уступает развивающимся странам — и это будет происходить до тех пор, пока они имеют преимущества по издержкам, прежде всего на рабочую силу, и по соотношению цены и качества. Россия достаточно сильно уступает развитым странам по своему инновационному потенциалу.

Если индустриальная стадия экономического развития характеризовалась изобилием дешевого минерального сырья, широкое применение которого было важным фактором поддержания высоких темпов роста, то сейчас невоспроизводимые ресурсы минерального сырья дорожают и главным фактором экономического роста становятся инновации, в первую очередь ориентированные на высокую производительность и эффективность. Реальных конкурентных преимуществ, кроме природных богатств, у России уже нет.

В связи с этим специфика будущего развития России и особенно ее институциональных изменений объективно должна способствовать всемерной интенсификации потоков инноваций, что на практике выражается в экономическом афоризме: «больше свободы и больше конкуренции»[1]. Таким образом, несмотря на то что «модернизация и инновации в России были блефом» [9, с. 6] с политической точки зрения, тем не менее с объективной точки зрения вектор экономического развития в России должен быть в действительности переориентирован на инновационный путь: в перспективе относительные преимущества будут принадлежать тем странам и регионам, кто будет иметь наибольший инновационный потенциал.

Пока сильная сторона российской экономики связана в основном с природными ресурсами, нефтью и газом. Но это же является и слабостью, поскольку еще долгое время можно не предпринимать напряженных усилий по развитию инновационного потенциала, испытывая соблазн направлять большую долю ресурсов на поддержание старых отраслей, в том числе по социальным причинам [11]. Итак, без значимых инноваций Россию и ее регионы ожидают стагнация и деградация.

Современные тенденции мирового развития, ориентированные на рост конкурентоспособности любой страны, указывают на важность внедрения прежде всего инновационных процессов и инновационных систем. Особенно это актуально для нашей страны, поскольку она обладает уникальным инновационным потенциалом и вполне может претендовать на технологическое лидерство.

Что касается отмеченных многими критиками «политических моментов», то президент РФ В.В. Путин поддерживает на словах «инновационную риторику». Так, в своей предвыборной экономической статье «Нам нужна новая экономика» [8, с. 4] в разделе под названием «Инновационный цикл российской экономики» В.В. Путин описал механизмы предложения/порождения инноваций в российской экономике, которые нас должны были бы ожидать.

Акцентировалось внимание при этом на концепции «восстановления инновационного характера нашей экономики». Нельзя не отметить, что и раньше В.В. Путин достаточно часто говорил об инновационной экономике. Так, о ней шла речь в его Послании Федеральному Собранию, с которым он выступил весной 2006 г.; за-

[1] *Состоится* ли новая модель экономического роста в России?: Доклад к XIV Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (г. Москва, 2–5 апр. 2013 г.) / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013: [Электронный ресурс]. URL: http://www.hse.ru/data/2013/04/02/1293955178/yasin-ru.pdf (дата обращения: 08.01.2014).

дачу «перейти к инновационной экономике» и «на инновационный путь развития» Владимир Путин ставил, выступая на Госсовете 8 февраля 2008 г.[1].

В то же время нельзя не отметить, что после финансового кризиса 2008–2009 гг., ударившего по России намного сильнее, чем по странам большой двадцатки, президентом РФ Дмитрием Медведевым был провозглашен курс на модернизацию. Обоснованием новой политики послужила статья «Россия — вперед!», в которой, будучи президентом РФ, Дмитрий Медведев, по сути, признал предыдущие годы путинского правления «топтанием на месте». Если сначала под модернизацией понималась только модернизация экономики, то со временем этот термин приобрел более широкий смысл: речь зашла уже о модернизации всей системы общественных отношений, и мы опять вернулись к «проблеме внедрения».

Во-вторых, сама по себе проблема «внедрения» — эта застарелая болезнь функционирования СССР, начиная с самого дня его образования и по сей день. Внедрение любых инноваций в России встречает сильное сопротивление (возникает проблема «не внедрения»). Обоснование причин «не внедрения» имеет серьезную научную традицию. Известно, что впервые открыл, проанализировал и объяснил тенденцию к сдерживанию развития производительных сил в СССР и в строго доказательной форме представил концентрированное и наглядное выражение этого процесса в своей парадигме, которую он обозначил как «проблема внедрения» (сопротивление внедрению новых научных достижений и открытий в производство) профессор М. С. Восленский.

В частности, он убедительно доказал, что при плановой системе управления никто не заинтересован во внедрении новой техники: ни рабочий — после ее установки ему повысят не зарплату, а норму, причем постараются норму выработки завысить; ни начальник цеха; ни главный инженер; ни директор завода — от них требуется только небольшое перевыполнение плана (точно на премию). В таких условиях внедрение новой техники означает срывы графика, угрозу для выполнения плана и для премий, а также перспективу резкого повышения нового плана со ссылкой на полученную новую технику. От руководителей предприятия фактически требовалось получить не максимум прибыли, подсчитать которую в тех условиях было крайне трудно, а легко проверяемое выполнение плана. За небольшое его перевыполнение все получают премии и поощрения.

Между тем внезапное значительное перевыполнение приносит только одни неприятности: недоброжелательство коллег, подозрение начальства, что до сих пор скрывали резервы повышения выпуска продукции и бездельничали. Все это будет мешать карьере руководителя любого уровня [1, с. 86]. Отсюда и фундаментальный вывод: «Бюрократическое планирование экономики в самой своей основе враждебно техническому прогрессу... Подход — не на словах, а на деле — к техническому прогрессу при капитализме и при реальном социализме противоположен: если сделано изобретение, то при капитализме возникает проблема промышленного шпионажа, а при реальном социализме — проблема внедрения» [1, с. 88].

На наш взгляд, указанная «проблема не внедрения» с новой силой встает именно сегодня. Несмотря на то что в последнее время было принято достаточно большое количество документов на федеральном и региональном уровнях, связанных с модернизационно-инновационной деятельностью в России, можно утверждать, что их реализация пока так и не принесла ожидаемых результатов. В частности, это можно продемонстрировать на некоторых цифрах.

На сегодняшний день о состоянии инноваций в России можно судить по индикаторам инновационной деятельности, которые публикует Высшая школа экономи-

[1] *Владимир* Путин выступил на расширенном заседании Госсовета // Российская газета. Федеральный выпуск № 4585. 2008. 9 февр. С. 5.

ки [4]. Изучение и анализ этих индикаторов за 2006–2011 гг. неизбежно подводит к мысли о том, что для России они как были, так и остались неутешительны: так, в российской промышленности доля инновационно активных предприятий в 2006–2011 гг. в среднем составляла 8–9%, что значительно ниже, чем в развитых странах мира: этот показатель несопоставим с аналогичным в странах Европейского союза, который примерно в 5 раз выше — в среднем 50% (в Германии — стабильно 64–65%, в Бельгии — 48–52% и т. д.; интересен скачок Португалии с в среднем 40% в 2006–2008 гг. до в среднем 50% в 2011 г.); а тем более в США, где удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций составляет порядка 70%. Если российским бизнесом в России реализуется примерно те же 8–9% инновационных проектов, то в США реализуется 62%, а в Японии — 95%, что означает, что инновации современными российскими предпринимателями практически не востребованы.

Тем не менее в предложенной в 2011 г. стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г. «Инновационная Россия — 2020» была уточнена и развернута идея перехода на *«инновационную социально ориентированную модель развития»*[1]. Практическая проблема состоит в том, что переход от сырьевой экономической модели к инновационным схемам развития в нынешнем положении и в среднесрочных перспективах развития российской экономики в большой степени определяются сильной инерцией принятой в последние годы модели роста с опорой на сырьевой сектор и макроэкономическую стабильность при нынешнем не всегда удовлетворительном состоянии институтов и предельно высокой, по мнению автора, роли государства в экономике.

Отвечая на *второе направление критики,* связанное с отрицанием термина «развитие» применительно к нашей стране, следует обратить внимание на два момента: теоретический и практический. С точки зрения теории, учитывая, что произошло завершение кризиса 2009–2010 гг., следует подчеркнуть, что, с точки зрения члена-корреспондента РАН Г. Б. Клейнера, «экономика России стоит перед началом нового витка своей истории» [5]. Согласно выдвигаемой им парадигме следует понимать, что завершение современного кризиса поставило перед экономической теорией, экономикой и политикой важные и в значительной мере новые для них задачи. Их можно решить, если ответить на главный вопрос: «В чем состоят уроки этого и более ранних кризисов, возникавших чаще как следствие собственной экономической политики, чем изменений в мировой экономике?». Отвечая на этот главный вопрос, Г. Б. Клейнер этот урок видит «в необходимости смены не столько курса, сколько самого стиля экономического движения России. Фундаментальной стратегической задачей является переход от колебательного, зигзагообразного, возвратно-поступательного движения экономики, характерного для России, к иному типу, в основе которого лежит понятие развития» [5].

При этом под *развитием* экономики понимается «не просто количественный рост позитивных обобщающих экономических показателей, но расширение многообразия возможностей экономической системы в целом и входящих в нее экономических подсистем в частности, усложнение характера и результатов деятельности экономической системы. Для производственных объектов развитие — это совершенствование технологий, диверсификация производимой продукции, для транспортных систем — усложнение сети дорог и расширение спектра средств транспортировки ценностей, для социальных процессных систем — более полный охват населения услугами и расширение их разнообразия и т. п. Одновременно развитие требует и усложнения структуры факторов функционирования экономических систем».

---

[1] *Инновационная* Россия — 2020. Разд. I. С. 8: [Электронный ресурс]. Текст документа см. на официальном сайте Министерства экономического развития РФ: http:// www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016. (дата обращения: 08.01.2014).

И важный вывод в отношении термина *развитие:* «при сравнении и выборе различных вариантов общественного движения и, соответственно, при выборе вариантов экономической политики следует отдавать предпочтение тем из них, с которыми связано эволюционное развитие страны. Именно *эволюционному развитию* должна быть отведена роль основного сценария при определении ориентиров долгосрочной экономической политики» [5].

Итак, *теоретический анализ* показал: наше современное экономическое *развитие* должно быть *эволюционным развитием.* А что означает это на практике? Свою версию будущего развития до 2018 г. озвучил на расширенном заседании правительства — в Кремле, в присутствии президента Владимира Путина и членов президиума Госсовета — председатель правительства РФ Дмитрий Медведев. Д. Медведев пообещал обеспечить выход на траекторию устойчивого экономического роста в 4–5% в год и опять провести модернизацию[1].

Модернизировано должно быть практически все: технологическая база, инфраструктура, социальные и государственные институты; в результате чего экономика станет конкурентоспособной и эффективной. К 2018 г. ВВП на душу населения должен будет достигнуть 30 000 долл. (в 2012 г. — 21 000 долл.). Производительность труда к тому же моменту должна увеличиться в 1,5 раза по сравнению с 2011 г. Граждане должны будут достичь достойного уровня жизни, соответствующего статусу России как одной из ведущих мировых держав XXI в.[2].

Реальность же сейчас такова: есть все основания говорить, что Россия продолжит свое *развитие,* но, как говорится, *без модернизации и инноваций.* О них придется забыть, если судить о действиях президента РФ В. В. Путина и действиях новой команды, которая на самом деле намного консервативней прежней. Очевидно, что, например, по сравнению с передовыми странами Европы и мира реально существующий в настоящее время механизм государственного управления в России все еще недостаточно стимулирует инновационную деятельность, несмотря на то что национальным лидером были поставлены задачи не только «преодолеть технологическое отставание», но и вообще — «вернуть технологическое лидерство» [8, с. 4].

Кроме деклараций на тему инноваций, мы не наблюдали реалистического системного подхода в модернизации и реализации внедрения инновационной экономики. Если бы Дмитрий Медведев сказал, что он сделал основной упор на микро- и мезоэкономику, поскольку макроэкономические параметры обусловливают только краткосрочный спрос на активы, в то время как микро- и мезоэкономическая стабильность обусловливает благоприятные параметры долгосрочного роста, то тогда можно было бы поверить в возможность «инновационного прорыва». Но мы услышали только разговоры и декларации про инновации, не увидели реальных инвестиций и реальной поддержки предпринимательства, поддержки конкуренции, а также усилий по подготовке адекватной рабочей силы — необходимые и сопряженные с инновациями другие элементы микро- и мезоэкономики. Если бы был на самом деле системный подход к внедрению инноваций, то мы бы узнали, как у нас происходит реальная поддержка предпринимательства, как в этой взаимосвязи работают другие сопряженные с инновациями системные элементы, особенно институциональные и инфраструктурные.

Практическая ситуация с *развитием* выглядит предельно прозрачной: Кремль демонстрирует желание сохранить близких ему людей на ключевых должностях, убрав их из правительства Дмитрия Медведева и оставив там их лучших помощников. Причем делая ставку на процесс, который был выше обозначен как утверж-

---

[1] *Письменная Е., Товкайло М.* Счастье по Медведеву // Ведомости. 2013. 30 янв. С. 9.
[2] Там же.

дение *архаизации* общественных отношений. *Развитие* это или *неразвитие* — на уровне повседневных практик данный вопрос становится риторическим. Однако если посмотреть на любое экономически эффективное предприятие, которое *развивается,* а «не умирает», то оно постоянно и естественно модернизируется, потому что без инвестиций просто невозможно его развитие. Без реальных инвестиций нельзя производить новую продукцию, без них невозможно иметь новые технологии, невозможно конкурировать на рынке.

Для реальной экономики в целом, для ее производственной сферы в частности, для транспорта, для связи и т. п. в принципе модернизация и инновация — процессы естественные. Менеджеры, занятые в таких секторах экономики, все время что-то модернизируют, обновляют, технически перевооружают. Здесь даже правительству делать ничего не надо — и мешать им не надо. Но когда термин «модернизация», как всеобщий символ, появился изначально 7–8 лет назад, под ним подразумевался наиболее широкий подход к решению проблемы развития общества: имелось в виду превращение России в развитую страну XXI в. Эта задача, однако, сегодня на повестке дня не стоит. На повестке дня стоит «новая система стимулов», которая делает выгодным на уровне всего общества только добычу сырья — нефти, газа, конденсата. *Развитие как модернизация и как внедрение* инноваций — это сегодня на практике действительно окончательно исчезло.

Отвечая на *третье направление критики,* связанное с возможными стратегическими ориентирами какого-либо развития, мы опять обращаемся как к теоретической, так и к практической сторонам данного вопроса.

Стратегические ориентиры развития связаны, как правило, с долгосрочным прогнозированием, которое должно определить те вызовы, опасности и угрозы, с которыми может столкнуться система (страна, регион и т. п.). Стратегические ориентиры развития определяются, как правило, через выявление внешних угроз и оценку внутренних ресурсов (например, по схеме SWOT-анализа). Долгосрочное прогнозирование определяет, какие основные противоречия нужно ожидать, и как их преодолевать, и какие основные решения предстоит принять. Эти наши рассуждения связаны с тем, что проблема стратегических ориентиров была воплощена в двух документах, по лекалам которых должна была развиваться Россия и ее регионы: это «Стратегия-2020» и «Стратегия-2030».

Если говорить о «Стратегии-2020», то ее не только написали и обсудили самые высококвалифицированные специалисты по России (22 группы), потом ее передали в органы власти и управления РФ, там рассмотрели, проанализировали и поняли, что объем вопросов настолько большой и объем проблем настолько необъятный, что к 2020 г. решить их точно не удастся. Достоинство данной концепции в том, что она, по крайней мере, обозначила развилки и поставила вопросы, на которые предлагались разнообразные варианты ответов. Чего не было в концепции «Стратегии-2020», так того, что там никто не попытался свести все воедино и понять, что с чем совместимо, а что с чем не совместимо, какие из этих развилок вообще могут сосуществовать вместе, а какие нет.

Если говорить о «Стратегии-2030», то в ней много простых рассказов о том, как хорошо быть богатым и счастливым. В ней всего три варианта. Разница между ними минимальна и различия вариантов по типу — в одном одно захотели, в другом другое захотели, а если чуть-чуть лучше подумать, вы выберете, конечно, самый хороший вариант. И нет никакой разницы между тем, что вы делаете: в одном случае мы будем развивать эту промышленность, а в другом случае мы про это будем молчать. И поэтому если, конечно, мы развиваем эту промышленность, то жизнь становится лучше. А если мы молчим, то жизнь чуть-чуть хуже. Если опираться на «Стратегию-2030», то, по мнению автора, вообще можно сидеть и ждать, когда все будет хорошо.

Набор и обозначение политических, социальных и экономических проблем и руководство к действию вообще в концепции «Стратегии-2020» гораздо глубже, чем в концепции «Стратегии-2030».

Итак, долговременное планирование/долгосрочное прогнозирование сегодня имеют смысл и значение — особенно для конкретного региона, потому что они позволяют определять те реальные вызовы, с которыми сталкивается страна, регион, экономика. Долговременное планирование/долгосрочное прогнозирование выявляют внешние угрозы и внутренние ресурсы. Они пытаются обрисовать, какие противоречия нужно будет преодолевать и какие ключевые решения предстоит принимать.

Научная проблема развития на основе модернизации видится в том, что более-менее серьезная инновация должна быть результатом сложнейших взаимодействий между государством и рынком, наукой и производством, региональной и отраслевой промышленной политикой, где ключевыми игроками должны быть инноваторы. При анализе проблемы возникают три главных вопроса: «Что такое вообще инновационная экономика? Как она выглядит на практике? Элементом какой более широкой системы она является?».

При попытке ответить на эти вопросы приходишь к выводу, что научная проблема *развития* на основе модернизации в таком контексте заключается в том, что сама по себе инновация как фактор долгосрочного успешного развития страны должна являться элементом микро- и мезоэкономики. Настоящий успех в инновационном развитии напрямую зависит от построения *региональных инновационных систем*, которые должны появляться как определенные локальные системы инфраструктурных звеньев и элементов, тесно взаимосвязанных между собой, обеспечивающих условия и процессы возникновения, разработки, внедрения и распространения инноваций, пронизывающих социальную и экономическую системы страны и имманентно встроенных в них.

В задачу региональных инновационных систем должна входить системная интеграция разрозненных инновационных процессов и структур — в единый эффективно действующий механизм посредством рыночных и административных регуляторов. Это означает, что если мы хотим создать инновационную макроэкономику, то фокусом реформ в России в этом направлении должно быть создание инновационной экономики микро- и мезоуровней. Однако этого не происходит, процесс внедрения инновационной экономики «пробуксовывает».

Отметим, что выявленная М.С. Восленским тенденция к сдерживанию развития производительных сил в конечном итоге приобрела *силу социального закона,* что продемонстрировала академик РАН Т.И. Заславская. В частности, она доказала, что социально-инновационную деятельность в России выполняло исключительно государство, и для того, чтобы реально раскрыть инновационный фактор как собственно технический процесс на макроуровне общества, для этого первоначально следует воспитать отзывчивость к инновационным вызовам и инициировать массовую социально-инновационную деятельность [2, с. 91].

Следует согласиться и с другим выводом Т.И. Заславской о том, что в российском обществе до сих пор «не только отсутствует эмоциональный инновационный подъем, но слаб и гражданский протест против социального, пространственного и культурного обособления власти от народа» [3, с. 114]. По мнению члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина, субъекты Российской Федерации, их государственные и муниципальные органы обладают реальными полномочиями и ресурсами, которые позволяют создавать благоприятные условия для инновационной деятельности в регионах, их научно-исследовательских, производственных и иных организациях [6, с. 65].

На наш взгляд, это все-таки дискуссионное мнение. Ведь если бы это было так, тогда разве не странно, что огромная страна с народом, отнюдь не бедным на-

учными и техническими талантами, несмотря на небывалую концентрацию внимания его руководства на развитии техники и индустрии, десятилетиями вынуждена лишь копировать западные технические образцы [1, с. 112]?

Без реальной модернизации политической системы заявленная руководителями страны инновационная модернизация будет последовательно «тормозиться». Проведенный анализ проблем, перспектив, возможностей и механизмов инновационной модернизации региональных экономических систем позволяет утверждать следующее:

1. Без модернизации политической системы заявленная инновационная модернизация будет невозможна. Государство само по себе инновации не запустит, пока не предоставит мощные стимулы (мощную мотивацию) для инноваторов и бизнесменов. Для этого необходимо создать рамочные условия для частного бизнеса. Это означает, что инноватор и бизнесмен должны получить реальную гарантию, что его будут как максимум — поддерживать, как минимум — не будут мешать. Предоставить реальные права частной собственности. Не докучать проверками, позволить говорить о своих проблемах с властью на всех уровнях. Чтобы «запустить» инновационную экономику, нужно реально «запустить» российское предпринимательство.

2. Поскольку инновация требует серьезных, больших денег, вкладываемых надолго, то нужна экономика с внятно защищенными правами собственности. В экономике с незащищенными правами собственности мало найдется желающих вкладывать деньги в долгосрочные инвестиционные проекты. Сегодня инноватору и бизнесмену хочется быстрее заработать и быстрее куда-нибудь вывести активы. Иначе придут «разные люди», обладающие реальной властью или связанные с ней и заберут.

3. На смену идеологии вертикали власти должна прийти технология разделения властей, технология выстраивания баланса между ветвями власти. Открытость, диалог, плюрализм есть непременное условие развития страны. Если это будет объявлено, то это будет тем сигналом, который хотя и не сразу сможет реализоваться в практические действия, но будет положительно воспринят.

4. Для реализации «запуска» инновационной экономики с теоретической точки зрения на уровне правительства нужно назначить блоки, которые отвечают за антикризисные меры поддержания экономики, и создать блоки с высокими полномочиями, которые будут отвечать за институциональные реформы, за структурную перестройку экономики, за инновационную экономику и за региональную политику, включая стимулирование отсталых районов в инновационной сфере (в худшем случае переселение людей из этих отсталых районов).

5. Должны быть созданы долгосрочные предпосылки экономического роста, без которых инновации невозможны. Долгосрочные предпосылки экономического роста включают в себя целый ряд параметров, включая такой, как низкая коррупция. Поэтому мы не просто должны бороться с коррупцией как таковой, а с коррупцией как фактором, препятствующим долгосрочному экономическому росту, основанному на инновационной модернизации региональных экономических систем.

6. Требуется обеспечить предпосылки формирования конкурентной среды, без которых усилия по формированию инновационной экономики окажутся низкоэффективными. Конкуренция является не просто «выдумкой», а именно тем, к чему любой инноватор, инвестор или бизнесмен могли прийти, понять и чувствовать, увидеть, что у них есть реальный шанс здесь развиваться.

Без развития перечисленных нами микро- и мезоуровневых составляющих долгосрочного экономического инновационного роста говорить о выходе из кризиса несырьевых отраслей российской экономики, вероятно, будет просто невозможно.

Литература

1. *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия; МП «Октябрь», 1991.
2. *Заславская Т. И.* Инновационно-реформаторский потенциал России и проблемы гражданского общества: Доклад на междунар. науч. конф. «Гражданское общество в России: проблемы самоопределения и развития» (г. Москва, 7 дек. 2000 г.) // Инновационно-реформаторский потенциал России и проблемы гражданского общества: Сб. М.: ООО «Северо-Принт», 2001.
3. *Заславская Т. И.* Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело: Академия народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации, 2004.
4. *Индикаторы* инновационной деятельности — 2013: Стат. сб. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2013. 472 с.: [Электронный ресурс]. URL: http:// www.hse.ru/primarydata/ii2013. (дата обращения: 08.01.2014).
5. *Клейнер Г. Б.* Мезоэкономика развития: от кризиса к анабазису // Экономика, налоги, право. 2011. № 5: [Электронный ресурс]. URL: http://www.kleiner.ru/skrepk/kriz-anabaz-2011.pdf (дата обращения: 08.01.2014).
6. *Лапин Н. И.* Теория и практика инноватики. М.: Логос, 2008.
7. *Мельникова Л. В.* Стратегии развития или освоения: что остается? // ЭКО — Сибирь: «образ будущего». 2013. № 2: [Электронный ресурс]. URL: http://www.ecotrends.ru/archive/648-edition-02/1516-2012-09-11-06-32-30 (дата обращения: 08.01.2014).
8. *Путин В*. Нам нужна новая экономика // Ведомости. 2012. 30 янв. С. 4.
9. *Трудолюбов М*. Старое и новое поменялись местами // Ведомости. 2012. 27 июля. С. 7.
10. *Фишман М*. Путин переигрывает войну // Ведомости. 2012. 10 августа. С. 6.
11. *Ясин Е. Г., Акиндинова Н. В., Якобсон Л. И., Яковлев А. А.* Состоится ли новая модель экономического роста в России?: Доклад к XIV Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (г. Москва, 2–5 апр. 2013 г.) / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 9: [Электронный ресурс]. URL: http://www.hse.ru/data/2013/04/02/1293955178/yasin-ru.pdf (дата обращения: 08.01.2014).

References

1. Voslensky M. S. *Nomenclature. Ruling class of the Soviet Union* [Nomenklatura. Gospodstvuyushchii klass Sovetskogo Soyuza]. M.: Publishing house “Soviet Russia” with “October” [Izd-vo «Sovetskaya Rossiya» sovm. s MP «Oktyabr’»], 1991.
2. Zaslavskaya T. I. *Innovative reforming capacity of Russia and problem of civil society* [Innovatsionno-reformatorskii potentsial Rossii i problemy grazhdanskogo obshchestva]: report on international scientific conference “Civil society in Russia: self-determination and development problems”, Moscow, on Dec, 07 2000 // Innovative and reformatory capacity of Russia and problem of civil society: collection of works: JSC Severo-Print [OOO «Severo-Print»], 2001.
3. Zaslavskaya T. I. *Modern Russian society. Social mechanism of transformation* [Sovremennoe rossiiskoe obshchestvo. Sotsial’nyi mekhanizm transformatsii]. M.: Delo: Academy of national economy at the Government of the Russian Federation [Akademiya narodnogo khozyaistva pri Pravitel’stve Rossiiskoi Federatsii], 2004.
4. *Indicators of innovative activity: 2013* [Indikatory innovatsionnoi deyatel’nosti: 2013]: collection of works. M.: National Research University “Higher School of Economics” [Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki»], 2013. 472 p.: [Electronic resource] URL: http:// www.hse.ru/primarydata/ii2013. (date of the address 08.01.2014).
5. Kleyner G. B. *Mesoeconomy of development: from crisis to anabasis* [Mezoekonomika razvitiya: ot krizisa k anabazisu] // Economy, taxes, law [Ekonomika, nalogi, pravo]. 2011. N 5: [Electronic resource]. URL: http://www.kleiner.ru/skrepk/kriz-anabaz-2011.pdf (date of the address 08.01.2014).
6. Lapin N. I. *Theory and practice of innovations* [Teoriya i praktika innovatiki]. M.: Logos, 2008.
7. Melnikova L.V. *Strategy of development or mastering : what remains?* [Strategii razvitiya ili osvoeniya: chto ostaetsya?] // ECO — Siberia: “image of the future” [EKO — Sibir’: «obraz budushchego»]. 2013. N 2: [Electronic resource] URL: http://www.ecotrends.ru/archive/648-edition-02/1516-2012-09-11-06-32-30 (date of the address 08.01.2014).

8. Putin V. *To us the new economy is necessary* [Nam nuzhna novaya ekonomika] // Vedomosti. 2012. On January, 30. P. 4.
9. Trudolyubov M. *Old and new traded places* [Staroe i novoe pomenyalis' mestami] // Vedomosti. 2012. On July 27. P. 7.
10. Fishman M. *Putin changes war* [Putin pereigryvaet voinu] // Vedomosti. 2012. On August, 10. P. 6.
11. Yasin E. G., Akindinova N. V., Jacobson L. I., Yakovlev A. A. *Whether the new model of economic growth in Russia take place?* [Sostoitsya li novaya model' ekonomicheskogo rosta v Rossii?]: report to XIV April international scientific conference on problems of development of economy and society (Moscow, 2–5 Apr. 2013) / National Research University "Higher School of Economics". M.: Publishing House of Higher School of Economics [Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki], 2013. P. 9: [Electronic resource] URL: http://www.hse.ru/data/2013/04/02/1293955178/yasin-ru.pdf (date of the address 08.01.2014).

Косов Ю. В., Халин В. Г., Фокина В. В.

Созвездие талантов — ключевой фактор формирования университетов мирового класса: российский и зарубежный опыт

Косов Юрий Васильевич
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заместитель директора
Член Академии политической науки
Профессор кафедры американских исследований факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета
Доктор философских наук, профессор
kosov@szags.ru

Халин Владимир Георгиевич
Санкт-Петербургский государственный университет
Заведующий кафедрой информационных систем в экономике
Доктор экономических наук, профессор
vhalin@yandex.ru

Фокина Вероника Викторовна
Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
Доцент кафедры социально-политических технологий
Кандидат политических наук
vvf.spb@mail.ru

РЕФЕРАТ
Материал в статье рассматривается с точки зрения стратегических целей, которые были изложены в Указе Президента РФ № 599 от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». Особое внимание уделено описанию систем управления в ведущих университетах США и России в контексте обеспечения их конкурентоспособности на мировом рынке образовательных услуг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
университет мирового класса, конкурентоспособность университетов, учебный процесс, научная работа, студенты, аспиранты, профессора, исследователи, академический контракт профессора, модернизация высшей школы, управление университетом

Kosov Yu. V., Halin V. G., Fokina V. V.

Constellation of Talents — a Key Factor of Formation of Universities of a World Class: Russian and Foreign Experience

Kosov Yury Vasilyevich
North West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Vice-director
The member of Academy of Political Science
Professor of the Chair of American researches of the International Relations Faculty of the Saint-Petersburg State University
Doctor of Science (Philosophy), Professor
kosov@szags.ru

Halin Vladimir Georgievich
Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Faculty of Economy
Head of the Chair of Information Systems in Economy
Doctor of Science (Economic), Professor
vhalin@yandex.ru

Fokina Veronica Viktorovna
Saint-Petersburg State Polytechnical University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Social and Political Technologies
PhD in Political Science
vvf.spb@mail.ru

ABSTRACT
In article materials are analyzed in respect of strategic aims which are contained in the Presidential Decree of Russian Federation number 599 of May 7, 2012 "On measures to realize state policy in the field of education and science". Special attention is paid to description of systems of management in leading universities of USA and Russian Federation in the context of guarantee of their competitiveness on the global education market.

KEYWORDS
World-Class University, competitive universities, Academic contracts professors, modernization of higher education in Russia, university management

Введение

Ключевыми ресурсами современного развития общества являются знания, информация и образование. Именно исследовательские университеты специалисты относят к числу основных учреждений экономики знаний XXI в. [3, с. 2]. В день своей инаугурации 7 мая 2012 г. Президент России подписал Указ № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», в котором, в частности, предписывается Правительству РФ разработать и утвердить план мероприятий по развитию ведущих университетов, предусматривающий повышение их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, а также обеспечение «вхождения к 2020 г. не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов». Представляется, что поставленные в данном указе задачи для Правительства РФ являются достаточно сложными и трудновыполнимыми, поскольку в настоящее время позиции российских университетов в мировых рейтингах выглядят достаточно скромными. Так, например, в Шанхайский рейтинг 500 лучших университетов мира (ARWU) с момента его создания до настоящего времени наша страна представлена лишь двумя российскими университетами (МГУ им. М. В. Ломоносова и СПбГУ), в то время как в 2013 г. в этот рейтинг входили 150 университетов из США, 42 — из Китая, 37 — из Германии, 11 — из Швеции и 5 — из Финляндии. При этом настораживает динамика присутствия российских университетов в данном рейтинге: только два российских университета присутствовали и присутствуют в нем, причем МГУ им. М. В. Ломоносова, как правило, входил и входит в первую сотню лучших университетов мира (Топ 100), а СПбГУ, к сожалению, ни разу не входил в Топ 300 и занимает места только в четвертой или пятой сотне. В то же время Китай, например, в 2003 г. в Шанхайском рейтинге был представлен 14 университетами, а через 10 лет — уже 42 университетами, что в 3 раза больше, чем в 2003 г. Такого прогресса нет ни у одной из стран мира[1].

Во исполнение Указа Президента России от 7 мая 2012 г. № 599, на основании постановления Правительства России от 16 марта 2013 г. № 211 «О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров» и в соответствии с решением специального совета от 6 июля

[1] *Academic* Ranking of World Universities: [Электронный ресурс]. URL: http://www.shanghairanking.com/ (дата обращения: 19.12.2013).

2013 г. 15 российских вузов[1] были признаны победителями открытого конкурса на право получения специальных государственных субсидий на реализацию мероприятий, которые будут способствовать их продвижению в международных рейтингах. Общий объем бюджетных ассигнований из федерального бюджета на реализацию данного проекта по повышению конкурентоспособности ведущих университетов России запланирован в размере 44 млрд руб., при этом 9 млрд руб. в 2013 г., 10,5 млрд руб. в 2014 г., 12 млрд руб. в 2015 г., 12,5 млрд руб. в 2016 г.[2].

Трехфакторная модель Джамила Салми создания университетов мирового класса. С начала реформ в российской высшей школе были разработаны несколько подходов и моделей, которые имели своей целью повышение конкурентоспособности российских вузов на мировом рынке образовательных услуг [1, с. 63–87; 2; 4, с. 289–304; 5, с. 13–30; 6; 8; 10, с. 216–230]. На основании соответствующих федеральных законов, указов Президента России и специальных постановлений Правительства РФ в нашей стране сформирован особый кластер системообразующих вузов, к которому относятся, например, следующие 40 вузов: два ведущих университета — МГУ им. М. В. Ломоносова и СПбГУ, 9 федеральных университетов и 29 национальных исследовательских университетов, которые получили специальный статус, значительную государственную финансовую поддержку и их стратегические программы развития утверждены правительством страны [11].

Однако на сегодняшний день, как нам представляется, оптимального решения задачи повышения конкурентоспособности российской высшей школы так и не найдено. В частности, отсутствует научно обоснованная и общепризнанная стратегия развития российской системы высшего образования, которая предусматривала бы повышение ее конкурентоспособности на мировом рынке образовательных услуг, а также создание в нашей стране достаточного числа университетов мирового класса. На состоянии и развитии российской высшей школы в настоящее время реально сказывается не только нехватка государственных ресурсов, но и острейший дефицит профессиональных управленческих решений, принимаемых на государственном уровне и направленных на достижение стратегических целей модернизации российской системы высшего образования [9]. В этих условиях для каждого российского вуза и всей высшей школы в целом особую важность приобретает вопрос о выборе пути своего развития и поиске механизмов повышения своей конкурентоспособности и построения университета мирового класса. В своих исследованиях известный экономист, специализирующийся в области образования, эксперт Всемирного банка Джамил Салми показал, что ключевыми факторами, которые определяют условия создания университетов мирового класса, являются

---

[1] Список вузов-победителей:1. Дальневосточный федеральный университет. 2. Казанский (Приволжский) федеральный университет. 3. Национальный исследовательский университет «Московский физико-технический институт (государственный университет)». 4. Национальный исследовательский технический университет «МИСиС». 5. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 6. Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ». 7. Национальный исследовательский университет «Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского». 8. Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. 9. Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С. П. Королева (национальный исследовательский университет). 10. Санкт-Петербургский государственный политехнический университет. 11. Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). 12. Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики. 13. Национальный исследовательский Томский государственный университет. 14. Национальный исследовательский Томский политехнический университет. 15. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

[2] Министерство образования и науки Российской Федерации: Официальный сайт: [Электронный ресурс]. URL: http://минобрнауки.рф/новости/3503 (дата обращения: 13.03.2014).

концентрация талантов (профессорско-преподавательский состав, ученые, студенты, интернационализация), благоприятная система управления (поддерживающая нормативно-правовая база, академическая свобода, команда руководителей, стратегическое видение, культура академического мастерства) и обильное финансирование (государственные источники финансирования, эндаумент, плата за обучение, гранты на исследования) [7, с. 7–9]. Представляется, что этим трем условиям в полной мере отвечает Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе (UCLA), который был образован в 1919 г. как один из старейших 10 кампусов Калифорнийского университета (второй, после кампуса в Беркли). В UCLA реализуется более 300 образовательных программ, на которых обучается в настоящее время около 40 000 студентов (из них 28 000 бакалавров и 12 000 магистрантов и аспирантов). UCLA является одним из самых популярных университетов в США, в структуру которого входят колледж (College of Letters and Science), семь профессиональных школ и пять медицинских научно-практических школ. Государственная финансовая поддержка университета осуществляется за счет бюджета штата Калифорния и государственных научных фондов. В Шанхайском рейтинге лучших университетов мира в 2013 г. UCLA занимает 12-е место[1].

В данной статье[2] проведен анализ некоторых методов обеспечения конкурентоспособности ведущих университетов США и России по формированию «созвездия талантов» и благоприятной системы управления на примере Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (UCLA), Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) и национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в контексте трехфакторной модели Дж. Салми, Указа Президента России В. В. Путина от 7 мая 2012 г. № 599, доклада ректора СПбГУ Н. М. Кропачева на заседании Ученого совета университета 24 декабря 2012 г. «Путь в конкуренцию. О задачах Программы развития СПбГУ»[3] и доклада ректора НИУ ВШЭ Я. И. Кузьминова 25 октября 2013 г. на заседании совета по повышению конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров[4].

Лучшие студенты хотят поступать в лучшие университеты и учиться у лучших профессоров. UCLA реализует данную концепцию, поскольку является флагманским исследовательским университетом, в котором работают выдающиеся ученые-звезды и признанные лидеры мирового уровня в различных областях научных исследований. Это подтверждается не только высокими показателями в общепризнанных мировых рейтингах, но и тем, что в университете осуществляются прорывные научные исследования, имеющие международное признание (например, именно UCLA является местом рождения Интернета[5], местом, где осуществляется разработка суперкомпьютеров и проектирование американских космических кораблей Shuttle). Согласно отчету национального фонда научных исследований (National Science Foundation) UCLA в 2011 г. занял восьмое место среди всех исследова-

---

[1] Сайт Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе: [Электронный ресурс]. URL: http://www.ucla.edu/.

[2] Данная работа выполнена в рамках прикладного НИР СПбГУ № 13.329.2014.

[3] Путь в конкуренцию. О задачах Программы развития СПбГУ: Доклад ректора СПбГУ на заседании Ученого совета университета 24 декабря 2012 г.: [Электронный ресурс]. URL: http://spbu.ru/news-spsu/18034-itogi-zasedaniya-uchenogo-soveta-spbgu-24-dekabrya-2012g (дата обращения: 10.01.2013).

[4] Roadmap To World-Class University, Yaroslav Kouzminov, Rector October 25.2013: [Электронный ресурс]. URL: http://минобрнауки.рф/новости/3726 (дата обращения: 24.02.2014).

[5] 2 сентября 1969 г. инженеры UCLA запустили первый сервер сети ARPANET, а 26 октября этого же года был осуществлен первый сеанс передачи информации из UCLA в SRI в Сан-Франциско.

тельских университетов США по объему финансирования научно-исследовательских грантов, равному 982 млн долл. США, что составило 18% от всех доходов университета[1]. Естественно, что этот высочайший уровень и объем исследовательской работы, проводимой в UCLA, обеспечивается соответствующим профессиональным уровнем профессоров и исследователей, что, безусловно, позволяет относить их к наивысшей категории «лучших профессоров». Среди преподавателей, исследователей и выпускников UCLA 12 лауреатов Нобелевской премии, один лауреат медали Филдса[2] и два победителя премии Тьюринга.

Санкт-Петербургский государственный университет, основанный в 1724 г., в настоящее время представляет собой крупный центр отечественной науки, образования и культуры с высоким международным авторитетом. Научные открытия и достижения профессоров и выпускников университета, семь из которых — лауреаты Нобелевской премии, — в области физиологии и медицины И. П. Павлов (1904) и И. И. Мечников (1908); в области химии Н. Н. Семенов (1956); в области физики Л. Д. Ландау (1962) и А. М. Прохоров (1964); в области экономики В. В. Леонтьев (1973) и Л. В. Канторович (1975) — вошли в историю мировой и отечественной науки и техники. В соответствии с Федеральным законом от 10 ноября 2009 г. № 259-ФЗ «О Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете» СПбГУ присвоен особый статус «уникальных научно-образовательных комплексов, старейших вузов страны, имеющих огромное значение для развития российского общества»[3].

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики была создана Постановлением Правительства России 27 ноября 1992 г. № 917 первоначально как центр подготовки магистров. В настоящее время в НИУ ВШЭ действуют 107 научно-исследовательских институтов и центров, 32 научно-учебных и проектно-учебных лаборатории, 16 международных лабораторий под руководством ведущих зарубежных ученых. 6 июля 2013 г. НИУ ВШЭ вошел в число 15 победителей конкурсного отбора вузов на право получения специальной субсидии на реализацию мероприятий, которые будут способствовать продвижению вузов в международных рейтингах[4].

Обучение в UCLA имеет ряд особенностей, которые способствуют подготовке высококвалифицированных кадров и позволяют академическому персоналу университета эффективно раскрывать индивидуальные способности и таланты обучающихся. Более подробно рассмотрим основные идеи, технологии и методы реализации стратегии формирования «концентрации талантов» в UCLA, прежде всего в контексте студентов, магистрантов и аспирантов. Существенными конкурентными преимуществами UCLA являются равный доступ к качественному высшему образованию абитуриентов независимо от уровня их материального обеспечения, принцип меритократичности[5] при приеме и зачислении студентов в UCLA, академическая открытость и широкая интернационализация обучения, которые реализуются через такие механизмы, как:

---

[1] University of California Budget News: [Электронный ресурс]. URL: http://budget.universityofcalifornia.edu/files/2011/11/2012-13_budget.pdf (дата обращения: 23.01.2014).

[2] Сведения о лекционной и научной активности профессора Tao Terence, лауреата медали Филдса (Fields Medal, 2006), размещена на сайте математического факультета UCLA: [Электронный ресурс]. URL: http://www.math.ucla.edu/~tao/ (дата обращения: 23.12.2013).

[3] Санкт-Петербургский государственный университет: Официальный сайт: [Электронный ресурс]. URL: http://spbu.ru/about/un-today (дата обращения: 17.01.2014).

[4] Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики: Официальный сайт: [Электронный ресурс]. URL: http://www.hse.ru/org/hse/info/ (дата обращения: 17.01.2014).

[5] Меритократичность, т. е. ориентация на поощрение достижений и эффективности.

- возможность самому университету самостоятельно проводить процедуру отбора абитуриентов, студентов и аспирантов с самыми высокими академическими показателями (например, показателями теста SAT). В Калифорнийском университете обучается одна восьмая часть лучших выпускников школ штата Калифорния и более одной пятой студентов университета являются иностранцами, при этом достаточно высокий процент аспирантов, которые не только учатся, но и привлечены к реальной исследовательской деятельности [3, с. 23–26];
- одинаковая плата за обучение в UCLA по всем образовательным программам одного уровня независимо от профиля, направления или специальности, которая, однако, дифференцирована по отношению к резидентам или нерезидентам штата Калифорния. Обучение в UCLA всех студентов и аспирантов осуществляется на платной основе, а государственное финансирование обучения осуществляется из бюджета штата Калифорния. При этом плата за обучение в год, например в 2012 г., для бакалавров — резидентов штата Калифорния составила 13 181 долл. США, а для бакалавров-нерезидентов — 36 059 долл. США; а плата за обучение аспирантов и магистров составила 12 796 долл. США для резидентов и 27 900 долл. США для нерезидентов[1]. В смете доходов Калифорнийского университета плата за обучение (Tuition and fees) в 2012/13 учебном году составила 13% всех доходов. При этом государство (бюджет штата Калифорния) тратит на обучение одного студента в год около 10 000 долл. США, в то время как в СПбГУ государство (федеральный бюджет) тратит около 414 000 руб. в год на одного студента, т. е. около 14 000 долл. США[2];
- разветвленная система компенсаций, скидок и льгот, действующая в UCLA, направлена на реальное снижение размера платы за обучение различным категориям обучающихся. Так, около трети всех средств, полученных от платы за обучение, Калифорнийский университет направляет на снижение оплаты обучения нуждающимся студентам и аспирантам.

Перечисленные выше механизмы конкурсного отбора абитуриентов, поддержки и стимулирования хороших результатов обучения обеспечивают UCLA приток и концентрацию в университете лучших студентов, магистрантов и аспирантов.

Лучшие студенты хотят поступать в лучшие университеты и учиться в лучших условиях. UCLA предоставляет высококачественные условия и эффективную инфраструктуру для осуществления академической и исследовательской деятельности как для преподавателей, так и для студентов. В частности, максимальное время для перехода из одной учебной аудитории в другую по всем зданиям кампуса UCLA составляет не более 15 минут. Все преподаватели и исследователи университета имеют специально оборудованные офисы для индивидуальной и групповой работы. Для примера, сравнивая аналогичные позиции в СПбГУ, можно заметить, что в настоящее время университет размещается более чем в 400 зданиях, которые расположены на значительном расстоянии друг от друга (Васильевский остров, Петергоф и другие районы Санкт-Петербурга). При этом время перехода из одной учебной аудитории в другую кампуса СПбГУ может составлять несколько часов. Менее 10% преподавателей СПбГУ имеют индивидуальные офисы или кабинеты для учебной и научной работы. Дополнительно отметим следующее — в дорожной карте НИУ ВШЭ признается, что серьезным препятствием для обеспечения международной конкурентоспособности университета являются отсутствие едино-

[1] University of California Budget News: [Электронный ресурс]. URL: http://budget.universityofcalifornia.edu/files/2011/11/2012-13_budget.pdf (дата обращения: 23.01.2014).

[2] Путь в конкуренцию. О задачах Программы развития СПбГУ: Доклад ректора СПбГУ на заседании Ученого совета университета 24 декабря 2012 г.: [Электронный ресурс]. URL: http://spbu.ru/news-spsu/18034-itogi-zasedaniya-uchenogo-soveta-spbgu-24-dekabrya-2012g (дата обращения: 10.01.2013).

го кампуса, территориальная разобщенность учебных корпусов и их отдаленность от общежитий, отсутствие спортивных и социально-культурных объектов, дефицит учебно-лабораторных площадей. Для исправления данной ситуации к 2020 г. в НИУ ВШЭ предполагается осуществить серьезные качественные изменения инфраструктуры, которые, в частности, позволят сократить затраты времени на перемещения между учебными корпусами до 30 минут, до общежитий — до 45 минут; обеспечить индивидуализацию образовательных траекторий и единство научно-образовательного процесса (в частности, предоставить студентам возможность свободного выбора курсов на других факультетах и участия в научных семинарах); создать условия для самостоятельной работы студентов; обеспечить значительную часть преподавателей индивидуальными кабинетами (повысив долю научно-педагогических работников, имеющих персональные рабочие места в помещениях университета, с 5% в 2013 г. до 80% в 2020 г.)[1].

Перечисленные выше конкурентные преимущества, связанные с особенностями инфраструктуры кампуса UCLA, позволяют, в частности:

- проводить зачисление абитуриентов в UCLA просто на первый курс без указания конкретной образовательной программы (специальности, направления или профиля). При этом предоставлять широкие возможности самим студентам формировать свои образовательные траектории исходя из их индивидуальных способностей, навыков и талантов;
- основываясь на общих университетских требованиях к конкретным образовательным программам, студенты самостоятельно могут формировать набор дисциплин для своей образовательной траектории, что позволяет им безболезненно и практически в любой момент уточнять и изменять профиль (majors) своей образовательной программы. Например, особо хорошо успевающие студенты за время обучения в бакалавриате за счет дополнительного выбора учебных дисциплин повышенного уровня могут вместо диплома бакалавра получить диплом магистра. Как правило, в UCLA 1–2% выпускников программ бакалавриата сразу получают диплом магистра;
- эффективно использовать временные ресурсы академического персонала и обучающихся для проведения учебных занятий и научных исследований;
- профессорам и исследователям в UCLA эффективно проводить в комфортных условиях индивидуальные учебные и научные консультации со студентами и аспирантами, а также успешно осуществлять свою научную работу и подготовку к учебным занятиям и лекциям.

Создание хороших условий не только для получения студентами профессиональных знаний, но и для формирования и гармонического развития личности каждого из них способствует привлечению в UCLA талантливой молодежи и тем самым способствует повышению его конкурентоспособности и привлекательности.

Лучшие студенты хотят учиться в лучших университетах с благоприятной и эффективной организацией учебного процесса, которая способствует созданию творческой атмосферы; реализации результативного обучения; поддержке духа состязательности и конкуренции; формированию научной пытливости и критического мышления; полному раскрытию человеческого потенциала. В UCLA реализуются следующие инновационные образовательные технологии в учебном процессе.

- Все образовательные программы структурированы по двум уровням (степеням) обучения: Undergraduate Students (бакалавриат) и Graduate Academic Students (аспирантура, магистратура, программы МБА и др.). При этом длительность об-

[1] Roadmap To World-Class University, Yaroslav Kouzminov, Rector October 25.2013: [Электронный ресурс]. URL: http://минобрнауки.рф/новости/3726 (дата обращения: 24.02.2014).

учения, как правило, составляет по программам бакалавриата — 4 года, магистратуры — 2 года и аспирантуры — 5 лет.

- Учебный год начинается в конце сентября или начале октября и состоит из трех учебных семестров, которые называются (quarter) четвертями[1]. Длительность каждой четверти — 10 недель. Каждый курс (класс, дисциплина) имеет стандартную длительность — 10 недель. В каждую неделю предусмотрены три лекции по 50 минут (один академический час), которые проходят, как правило, в понедельник, среду и пятницу, а также еще одно или два семинарских занятия (discussion section) длительностью по 50 минут (один академический час). Эти семинарские занятия проходят, как правило, по вторникам и четвергам в тех же аудиториях и в то же время, что и лекции по данному курсу. На этих занятиях преподаватель разбирает лекционный материал и разъясняет, как выполнять домашнее задание.
- В университете действует разветвленная система чтения нескольких курсов по одной и той же дисциплине, как правило, разными преподавателями и отличающихся по уровню и глубине изложения учебного материала, так называемые продвинутые курсы (honors). Это позволяет студентам самостоятельно и без предварительного тестирования осознанно выбирать курсы с учетом уровня своей подготовки и желания получать более углубленные знания по конкретным предметам.
- Лекции в UCLA имеют право читать только те преподаватели, которые имеют степень PhD и занимающие должности Professor, Associate Professor, Assistant Professor, Adjunct[2] Professor, Associate Adjunct Professor, Assistant Adjunct Professor, Lecturer. После каждой лекции, в тот же день в течение одного часа, в заранее известное время студенты могут подойти к лектору в его персональный офис для консультации. Семинарские занятия (discussion section) ведут аспиранты (graduates academic students), которые для этого оформляются на временные должности ассистента лектора (Teaching Assistant). В этом случае таким аспирантам университет полностью компенсирует плату за их обучение и еще выплачивает денежное вознаграждение в размере 2000–3000 долл. США в месяц. Ассистент лектора в день проведения семинарского занятия в заранее установленное время в своем офисе в течение одного академического часа консультирует студентов по материалам лекций и семинарских занятий. Магистры не могут работать ассистентом лектора и получать скидку по оплате своего обучения.
- Раз в неделю лектор сообщает студентам домашнее задание, которое студент обязан сдать до заранее установленного срока (чаще всего, не позднее чем через 1–1,5 недели). Результаты выполнения домашних заданий, как правило, учитываются лектором при выставлении финальной оценки за курс. Студенты обязаны самостоятельно выполнить домашнее задание и сдать его на проверку. Проверку домашних заданий может осуществлять ассистент лектора или контролер (Reader)[3]. Ими могут быть хорошо успевающие студенты старших курсов за денежное вознаграждение, которое зависит от числа проверенных домашних работ студентов. Контролер сообщает лектору и студентам в Интернете на специальной страничке, к которой имеет доступ профессор и все студенты данно-

---

[1] В летнее время студенты, которым не удалось набрать необходимое число зачетных единиц или которые не сдали обязательный курс, могут, заплатив за дополнительный 4-й семестр плату, равную 1/3 от общей платы за год, прослушать недостающие классы и сдать дополнительные экзамены.

[2] Adjunct — временный — не более 2 лет для всех, а для профессора — не более 3 лет и не может перейти в постоянную должность.

[3] Если у курса предусмотрено 2 часа семинарских занятий в неделю, а в противном случае проверку домашних заданий осуществляет ассистент лектора.

го курса, а также все, кому профессор даст соответствующий доступ, в установленное время результаты проверки домашних работ.

- Студенты, испытывающие затруднение при освоении учебного материала, могут обратиться к тьютору (Tutor)[1], который не ведет занятия и не участвует в учебном процессе, но может и готов (на условиях денежного вознаграждения) оказывать студентам персональную консультационную помощь. Тьюторами, как правило, работают аспиранты и хорошо успевающие студенты старших курсов. Информация о тьюторах размещена на сайте университета.
- По окончании каждого учебного семестра студентам дается одна неделя для сдачи экзаменов (экзаменационная сессия) и одна каникулярная неделя для отдыха. Во время экзаменационных сессий студенты, как правило, сдают три-четыре финальных экзамена по выбранным ранее курсам (классам). Даты и время проведения экзаменов по каждому курсу определены заранее и известны студентам еще до начала занятий, когда они выбирают этот курс[2]. Все экзамены проводятся в письменной форме. Время, отводимое на проведение финального экзамена, составляет 3 часа. Экзамены могут проводиться в строго установленные временные интервалы. Именно с 8.00 до 11.00, с 11.30 до 14.30 и с 15.00 до 18.00. Перед экзаменами не предусмотрены консультации преподавателя. Нет запрета на то, чтобы студент сдавал один, два или даже три экзамена по разным дисциплинам в один и тот же день. Результаты экзаменов преподаватель обязан сообщить студентам (внося их в специализированную информационную систему UCLA при помощи Интернета) не позднее последнего дня каникул. Экзамены не пересдаются. Студенты, которые не сдали экзамен по конкретной дисциплине, могут повторно за плату записаться на этот курс или выбрать другой курс. Если студент получил за выбранный им курс неудовлетворительную оценку, и даже если он этот курс повторно выберет и сдаст на положительную оценку позже, то у него эта ситуация будет зафиксирована в его «вкладыше» к диплому. Именно будет зафиксирован факт получения за данный курс оценки «неудовлетворительно» в таком-то году и факт получения положительной оценки тогда-то. Более того, если студент по истечении 2 недель с момента начала курса, на который он записался, вдруг от него «откажется» (drop a course), то об этом факте также будет записано в его «вкладыше» к диплому. Эта информация, например, учитывается при поступлении в аспирантуру.
- До проведения экзамена за конкретный курс администрация факультета проводит с использованием интернет-технологий анонимное анкетирование студентов, выбравших этот курс. Каждому студенту предлагают ответить на три следующих вопроса и оценить свой ответ по десятибалльной шкале (от 0 до 9 баллов): 1) «Как Вы оцениваете конкретного профессора, который читал Вам данный курс?»; 2) «Как Вы оцениваете доступность конкретного профессора?» (т. е. работу профессора в часы консультаций); 3) «Как Вы оцениваете сам курс (с точки зрения профессионального интереса)?»[3]. При проведении очередного переизбрания (перехода по карьерной лестнице) лектора на следующий профессиональный уровень администрация факультета представляет в конкурсную комиссию результаты всех анонимных опросов студентов по всем курсам, которые читал данный лектор.

---

[1] UCLA Department of Mathematics: [Электронный ресурс]. URL: http://papyrus.math.ucla.edu/grad/tutors/index.shtml.

[2] UCLA Registrar's Office: [Электронный ресурс]. URL: http://www.registrar.ucla.edu/schedule/subdet.aspx?srs=262395200&term=13S&session.

[3] Помимо выставления баллов за каждый вопрос студент может писать развернутый комментарий. Лектор знакомится с результатами анонимного анкетирования своих студентов только после выставления оценок за финальный экзамен.

- Обязательные для данной образовательной программы курсы обычно оцениваются в 4 или 5 зачетных единиц (unit) в зависимости от числа учебных часов занятий в неделю[1]. По результатам экзаменов за конкретную четверть студент обязан набрать от 12 до 16 зачетных единиц.
- Для получения диплома бакалавра и магистра не требуется защиты выпускной квалификационной работы (ВКР), а достаточно лишь успешно сдать экзамены по текущим дисциплинам учебного плана. Для получения диплома PhD необходимо успешно сдать три специальных экзамена и защитить соответствующую диссертацию.
- В UCLA прием в аспирантуру и магистратуру (на программы Graduate Academic Students) осуществляется на основе конкурса документов, рекомендательных писем и с учетом сертификата специального экзамена бакалаврского уровня, который называется GRE (Graduate Record Examination). Он является аналогом российского ЕГЭ, но для бакалавров. Этот экзамен состоит из общей и специальной частей, его проводит независимая от университетов организация за отдельную плату. Стоимость сдачи такого экзамена для поступающего в аспирантуру составляет порядка 150–200 долл. США[2]. Именно сертификат этого экзамена и представляется соискателем в университет, куда он хочет поступать в аспирантуру. Помимо этого экзамена абитуриент еще обязан представить диплом бакалавра (с вкладышем), а для абитуриентов — иностранцев еще и сертификат на знание английского языка (Toefull[3]). Документы поступающих рассматриваются комиссией университета, а затем претендентам высылаются в апреле-мае приглашения учиться в университете и после подтверждения от соискателя, абитуриента зачисляют в аспирантуру UCLA.
- Документы и стоимость обучения для магистров и аспирантов в UCLA одинаковые. Аспиранты обязаны за первые 2 года сдать три сложных профессиональных экзамена, затем находят себе научного руководителя и пишут диссертацию (еще 3 года). Первый экзамен (базовый курс по предметной области — basic exam) совпадает с итоговым экзаменом магистра (по соответствующей предметной области) и его обычно сдают аспиранты довольно легко. При этом уже в августе месяце, до начала занятий, университет организует чтение специальных лекций для подготовки к этому первому (Basic) экзамену, и многие аспиранты уже в начале первого семестра сдают данный экзамен. Далее аспиранты должны еще сдать два более продвинутых и специальных экзамена из двух близких профессиональных областей. Каждый из данных экзаменов достаточно сложный и требует серьезной подготовки. Для этих целей аспирантам читаются специальные достаточно серьезные курсы целый учебный год (в течение 3 семестров, 3 часа лекций + 1 час семинарских занятий (discussion section)). Обычно аспирант «записывается на два таких курса лекций по подготовке к сдаче этих обязательных двух экзаменов. Даты этих экзаменов определены заранее (обычно в середине сентября выделяется одна неделя на сдачу всех этих специальных экзаменов)». Длительность экзамена составляет 4 часа. Экзаменационный билет содержит 10–12 заданий (как правило, на доказательство или на серьезное понимание дисциплинарной области). Экзамен принимает комиссия из трех профессоров (двое из которых заранее составляют перечень заданий, а третий играет роль внешнего эксперта и высказывает свои пожелания по сложности и сбалансиро-

[1] 1 unit равен часу занятий в неделю (при 10-недельной неделе).

[2] Информация о порядке проведения и требованиях к содержанию данного экзамена размещена по следующим ссылкам: http://www.takethegre.com/gre-question-types, http://www.takethegre.com/gre-subject-tests, http://www.masterstudies.com/GRE/Russia/St.-Petersburg/ (дата обращения: 23.02.2014).

[3] Это требование на знание английского языка обусловлено тем, что большая часть аспирантов работают Teaching Assistant и ведут занятия со студентами.

ванности заданий). После проверки экзаменационных заданий комиссия ранжирует аспирантов по результатам их ответа, а далее, уже на уровне всего факультета, другая комиссия принимает решение о том, кому из аспирантов поставить по данному экзамену «достаточно» или «недостаточно».

- Обучение в аспирантуре является самым насыщенным и интенсивным как по числу специальных курсов, которые читаются аспирантам, так и по объему выполняемых научных исследований. Аспиранты, как правило, являются основными исполнителями по научным грантам, которые получает профессор в UCLA. Каждый аспирант, сдавший первый обязательный профессиональный экзамен (basic exam) из трех, без защиты диссертации, может прекратить свое обучение в аспирантуре и получить диплом магистра. С точки зрения UCLA магистры — это аспиранты, которым не удалось защитить диссертацию и получить степень PhD, или наоборот — очень успешные бакалавры.

Анализ особенностей обучения и организации учебного процесса в UCLA позволяет сделать следующие выводы.

1. Четкое структурирование регламентов учебной работы в UCLA (график учебных занятий, расписание занятий и экзаменов, длительность учебных курсов, экзаменов и консультаций, правил выбора студентами курсов и правил формирования своих образовательных траекторий и т. д.), а также зачисление всех абитуриентов на первый курс университета без фиксации профиля, специальности или направления подготовки позволяет студентам осознанно выбирать и формировать свою образовательную траекторию; получать знания по широкому спектру университетских дисциплин; выбирать продвинутые курсы по той же образовательной программе и максимально использовать свой интеллектуальный потенциал; реально пользоваться механизмом мобильности; воспитывать в себе ответственность за принимаемые решения; развивать свой талант, лидерские и исследовательские качества.
2. Организация учебного процесса в UCLA направлена на создание благоприятных условий для обучающихся в раскрытии их потенциальных возможностей и таланта, а также на формирование и подготовку будущих исследователей и профессионалов.
3. Реальное участие обучающихся в сопровождении учебного процесса (в качестве Teaching Assistant, Reader или Tutor) существенно влияет на качество учебного процесса, позволяет экономить университетские ресурсы на выполнении отдельных, не ключевых видах учебной работы, создает благоприятные и доверительные отношения у обучающихся с академическим персоналом, повышает мотивацию тех обучающихся, кто намерен связать свою карьеру с творческим трудом в академической сфере.

Заключение

Существенным направлением обеспечения конкурентоспособности любого университета в мире является формирование на его уровне созвездия талантов — профессоров, исследователей, обучающихся и управленцев. Проведенный выше анализ этого направления обеспечения конкурентоспособности ведущих университетов США и России показал, что во всех программах повышения конкурентоспособности ведущих российских вузов — победителей конкурса, проводимого в рамках постановления Правительства РФ от 16 марта 2013 г. № 211, крайне мало уделено внимания такому ключевому фактору, как формирование благоприятной системы управления университетом, что представляет собой серьезную как теоретическую, так и практическую проблему для российской системы высшего образования, без решения которой невозможно построение в России университетов мирового класса

и выполнение задач, сформулированных в Указе Президента России от 7 мая 2012 г. № 599. (*Продолжение в следующем номере*).

Литература

1. *Беляков С. А., Беляков Н. С., Клячко Т. Л.* Анализ и оценка экономической устойчивости вузов. М.: Макс Пресс, 2008. (Управление. Финансы. Образование). 193 с.
2. *Грудзинский А. О., Бедный А. Б.* Концепция конкурентоспособного университета: модель тетраэдра // Высшее образование в России. 2012. № 12. С. 29–36.
3. *Дорога* к академическому совершенству: Становление исследовательских университетов / Под ред. Дж. Альтбаха, Д. Салми; Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2012. 381 с.
4. *Как* платят профессорам? Глобальные сравнения систем вознаграждения и контрактов / Под ред. Ф. Альтбаха, Л. Райсберг, М. Юдкевич, Г. Андрущака, И. Пачеко; НИУ-ВШЭ. М., 2012. 439 с.
5. *Контракты* в академическом мире / Сост. и науч. ред. М. М. Юдкевич; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Издат. дом ВШЭ, 2011. 392 с.
6. *Кубышкин А. И.* Российский и американский университеты: опыт взаимопонимания и институт взаимоизучения // Americana. Вып. 8: Россия и США: опыт политического, экономического и культурного взаимодействия: Мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию создания Центра американских исследований Волг. ГУ «Американа». (Волгоград, 21–23 апреля 2006 г.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. С. 6–13.
7. *Создание* университетов мирового класса / Дж. Салми; Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2009. 132 с.
8. *Фатхутдинов Р. А.* Управление конкурентоспособностью вуза // Высшее образование в России. 2006. № 9. С. 37–38.
9. *Халин В. Г.* Модель формирования управленческих решений в национальной системе высшего образования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5: Экономика. 2008. Вып. 2. С. 115–124.
10. *Халин В. Г.* Модернизация национальной системы высшего образования в контексте выбора управленческих решений: Науч. изд-е. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 264 с.
11. *Халин В. Г.* Финансовое обеспечение государственных образовательных услуг в российской высшей школе в условиях инновационной экономики // Вестник СПбГУ. Сер. 5: Экономика. 2012. Вып. 4. С. 94–114.

Reeferences

1. Belyakov S. A., Belyakov N. S., Klyachko T. L. *Analysis and assessment of economic stability of higher education institutions* [Analiz i otsenka ekonomicheskoi ustoichivosti vuzov]. M.: Max Press [MAKS Press], 2008. (Management. Finance. Education) [seriya «Upravlenie. Finansy. Obrazovanie»]. 193 p.
2. Grudzinsky A. O., Bedniy A. B. *Concept of competitive university: tetrahedron model* [Kontseptsiya konkurentosposobnogo universiteta: model' tetraedra] // The higher education in Russia [Vysshee obrazovanie v Rossii]. 2012. N 12. P. 29–36.
3. *Road to the academic perfection: Formation of research universities* [Doroga k akademicheskomu sovershenstvu: Stanovlenie issledovatel'skikh universitetov] / Under edition of P. G. Altbakh, J. Salmi; Transl. from English. M.: Whole world publishing house [Izdatel'stvo «Ves' Mir»], 2012. 381 p.
4. *How pay to professors? Global comparisons of systems of remuneration and contracts* [Kak platyat professoram? Global'nye sravneniya sistem voznagrazhdeniya i kontraktov] / Under the editorship of P. G. Altbakh, L. Raysberg, M. Yudkevich, G. Andrushchak, I. Pacheko, M.: Publishing House NRU HSE [Izd. Dom VShE], 2012. 439 p.
5. *Contracts in the academic world* [Kontrakty v akademicheskom mire] / Collection and edition M. M. Yudkevich: NRU HSE. M.: Publishing House NRU HSE [Izd. Dom VShE], 2011. 392 p.
6. Kubyshkin A. I. *Russian and American Universities: experience of mutual understanding and mutually studying institute* [Rossiiskii i Amerikanskii universitety: opyt vzaimoponimaniya i institut vzaimoizucheniya] // Americana. Vol. 8: Russia and USA: experience of political, economic and cultural interaction [Rossiya i SShA: opyt politicheskogo, ekonomicheskogo i kul'turnogo vzaimodeistviya]: Materials of scientific and practical conference to the 10th anniversary of creation of the

Center of the American researches of VGU «Americana». (Volgograd, 21–23 Apr. 2006). Volgograd: Publishing house VOLGA [Izd-vo VolGU], 2006. P. 6–13.
7. *Creation of universities world class* [Sozdanie universitetov mirovogo klassa] / J. Salmi; Translation from English. M.: Publishing house «Whole world» [Izdatel'stvo «Ves' Mir»], 2009. 132 p.
8. Fatkhutdinov R. A. *Management of competitiveness of higher education institution* [Upravlenie konkurentosposobnost'yu vuza] // Higher education in Russia [Vysshee obrazovanie v Rossii]. 2006. N 9. P. 37–38.
9. Halin V. G. *Model of formation of administrative decisions in national system of the higher education* [Model' formirovaniya upravlencheskikh reshenii v natsional'noi sisteme vysshego obrazovaniya] // Vestnik of Saint-Petersburg State University [Vestn. S.-Peterb. un-ta]. Vol. 5: Economy. 2008. V. 2. P. 115–124.
10. Halin V. G. *Modernization of national system of the higher education in a context of a choice of administrative decisions* [Modernizatsiya natsional'noi sistemy vysshego obrazovaniya v kontekste vybora upravlencheskikh reshenii]: Scientific edition. SPb.: Publishing house of SPbSU [Izd-vo S.-Peterb. un-ta], 2008. 264 p.
11. Halin V. G. *Financial security of the state educational services at the Russian higher school in the conditions of innovative economy* [Finansovoe obespechenie gosudarstvennykh obrazovatel'nykh uslug v rossiiskoi vysshei shkole v usloviyakh innovatsionnoi ekonomiki] // Vestnik of Saint-Petersburg State University [Vestn. S.-Peterb. un-ta]. Vol. 5: Economy. 2012. V. 4. P. 94–114.

Емельянов С. М.

Корпоративная социальная ответственность в стратегии современной компании: методологические подходы

Емельянов Станислав Михайлович
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Профессор кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью
Кандидат философских наук, профессор
esm49@mail.ru

РЕФЕРАТ
Статья посвящена методологическим аспектам корпоративной социальной ответственности в стратегии современной компании.

Обосновывается возрастающая актуальность проблемы корпоративной социальной ответственности для современного бизнеса, анализируются исторические подходы к решению данной проблемы, рассматриваются основные направления социальных программ как сфер реализации социально ответственного бизнеса, в контексте методологических подходов анализируются современные факторы, обуславливающие динамику и содержание корпоративной социальной ответственности современной компании.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
социально ответственный бизнес, корпоративная социальная ответственность, факторы социально ответственного бизнеса, социальная программа, глобализация, информационное общество, гражданское общество, репутационная капитализация современного бизнеса, конкурентная среда

Emelyanov S. M.

Corporate Social Responsibility in Strategy of the Modern Company: Methodological Approaches

Emelyanov Stanislav Mikhailovich
Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Department of Communication Technologies and Public Relations
PhD in Philosophy, Professor.
esm49@mail.ru

ABSTRACT
The article is devoted to the methodological aspects of corporate social responsibility in the strategy of a modern company.

Proves the growing urgency of the problem of corporate social responsibility of business today, analyzes historical approaches to the solution of this problem, consider the main areas of social programs as areas of socially responsible business in the context of methodological approaches are analyzed modern factors behind the dynamics and content of the corporate social responsibility of a modern company.

KEYWORDS
socially responsible business, corporate social responsibility, factors of socially responsible business, social programme, globalization, information society, civil society, reputation capitalization of modern business, the competitive environment

Проблема социально ответственного бизнеса, как известно, впервые была выдвинута в начале XX в. американским предпринимателем, крупным сталепромышленником, филантропом и мультимиллионером Эндрю Карнеги. Понятие социальной ответственности он связывал с благотворительностью и милосердием, подчеркивая

при этом главный принцип «помогай тому, кто способен помочь себе сам». Существенное влияние на развитие теории и практики социально ответственного бизнеса оказали Октябрьская революция 1917 г. в России и революционное движение в 1918 г. в Германии и других европейских государствах. Страх перед разрушающими социалистическими революциями заставил крупный капитал США и Европы задуматься над решением социальных проблем и снижением социальной напряженности в обществе. В 1920-е и 1930-е гг. в условиях экономического кризиса и великой депрессии в США разрабатываются и реализуются социально ориентированные программы и проекты в рамках реформ Ф. Д. Рузвельта, известных как «новый курс». Показательно в этом плане создание специального управления в одном из крупных регионов США — долине реки Теннеси (TVA), состояние дел в котором было критическим: эрозия почвы достигла угрожающих размеров, доходы семьи здесь были меньше половины среднего дохода семьи по стране и т. д. Государственной корпорации TVA предстояло наладить производство электроэнергии на базе строительства каскада гидроэлектростанций, остановить эрозию почвы, провести массированные лесопосадки и помочь бедствующим фермерам [2]. В конечном итоге данный проект был успешно реализован, что привело к существенному росту доходов населения, снижению безработицы, решению многих других острых социальных проблем.

Не меньший интерес в рассматриваемом контексте представляют собой реформы Людвига Эрхарда, ученого и политика, второго канцлера ФРГ, получившего символичное звание «архитектора германского чуда». В конце 1940-х гг. послевоенная Германия находилась в глубочайшем кризисе. Успех реформ Л. Эрхарда в этот период времени заключался в выборе стратегии социально ориентированной модели развития, которая позволила не только мобилизовать граждан на решение сложных экономических и социальных проблем, но и использовать научный потенциал страны, внедрить в практику разработки и рекомендации ученых.

Позже, уже в конце 1960-х — начале 1970-х гг. в США, Великобритании, Японии и Германии формируется концепция социально ответственного бизнеса, основное содержание которой сводилось к следующему. Бизнес должен не только заботиться о прибыли и уплате налогов, которые распределяются государством на решение социально значимых проблем, но и разделить с обществом ответственность за социальную несправедливость, экономическое неравенство и экологические проблемы, участвуя в экономической адаптации социально незащищенных слоев населения, охране окружающей среды.

Конец XX в. характеризуется массовым движением крупного бизнеса в направлении социальной ответственности. Дело в том, что приверженность к социальной ответственности обеспечивает крупным компаниям лояльное отношение потребителей и других целевых групп общественности. По данным MORI (Международного института исследований рынка и общественного мнения), в 1998 г. 30% британцев покупали продукцию компаний, которые считались социально ответственными, а 28% — бойкотировали продукцию социально безответственных производителей[1]. По данным американской Conference Board, в 1999 г. доход социально ответственных компаний на инвестированный капитал был на 9,8% выше, чем у конкурирующих компаний, которые не проявляли себя как социально ответственные. Доход же с активов таких компаний превышал на 3,55%, а прибыль — на 63,5%[2]. Внимание общественности к социально ответственным компаниям продолжает расти и в XXI в. Согласно последнему исследованию аудиторской компании KPMG, в 2005 г. из 250 крупнейших мировых компаний 52%

[1] Коммерсант.ru: [Электронный ресурс]. URL: http://www.kommersant.ru/doc/611007.
[2] Там же.

составили социально ответственные компании[1]. Во многих европейских государствах в ранг закона введены запросы госорганов на предмет корпоративной социальной отчетности. Такие законы приняты в Дании, Швеции, Норвегии, Голландии, Франции и Великобритании.

В современной России корпоративная социальная ответственность становится уделом крупных промышленных компаний лишь в 2000-е гг. В 2001 г. социальную отчетность представили всего две компании, в 2003 г. — пять. По данным Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) и Агентства социальной информации, в 2005 г. социально ответственными компаниями позиционировали себя уже более 20 компаний. Среди них — «Газпром», «Лукойл», Shell, ТНК-ВР, РАО «ЕЭС России», «Сибнефть», «Русал», «Норильский никель» и др. Позже к социально ответственным компаниям присоединились и кредитные организации, такие как «Уралсиб», Альфа-банк и другие.

Огромное внимание к проблеме социальной ответственности в нашей стране проявляется на многочисленных научно-практических конференциях различного уровня, а также в публикациях, в которых находят отражение различные аспекты корпоративной социальной ответственности [3–9; 11–13]. Особо следует отметить деятельность Всероссийской организации качества (ВОК) по реализации специальной программы «Социально ответственные организации России». Цели такой программы состоят в выявлении компаний, чья деятельность соответствует международным признанным принципам корпоративной социальной ответственности, а также информирование о них заинтересованных сторон — персонала, партнеров по бизнесу, органов власти, населения и общественности. В последние годы корпоративная социальная ответственность обсуждается и в высших органах государственного управления. Проблема корпоративной социальной ответственности стала уже традиционной на парламентских слушаниях в Совете Федерации. Так, например, на одном из таких слушаний зампред комитета Совета Федерации по экономической политике, предпринимательству и собственности Андрей Хазин заявил, что корпоративная социальная отчетность должна «олицетворять добровольный вклад частного сектора в общественное развитие через механизм социальных инвестиций». По его словам, компании во всех регионах страны в скором времени должны «встать на этот путь», который поможет бизнесу «создать удобную социальную атмосферу вокруг себя». Социальная ответственность, отметил он, это «не только благотворительность, это принятие и распространение новых технологий и стандартов в социальной жизни, социальной политике, экологии»[2].

Несмотря на столь большое внимание к проблеме социальной ответственности со стороны ученых и политиков, а также многих бизнесменов, вложения в корпоративную социальную ответственность многими российскими компаниями, как правило, воспринимаются как ненужная трата денег. Тем не менее процесс осмысления предпринимателями роли корпоративной социальной ответственности в современных условиях как необходимого фактора успешного бизнеса сегодня стал одним из активных трендов. Мировой опыт убедительно показывает, что при разумном подходе затраты в рамках социальной ответственности могут не только окупиться, но и принести солидную прибыль. Более того, корпоративная социальная ответственность становится необходимым условием и фактором конструктивного диалога компаний, планирующих выход на мировые рынки, с западными

---

[1] *Першиков А.* Корпоративная социальная ответственность в России // Консультант. 2007. № 15 // Сейчас.ру. Бизнес и власть: [Электронный ресурс]. URL: http://www.lawmix.ru/bux/63318.

[2] Sustainable business: [Электронный ресурс]. URL: http://www.csrjournal.com/173-neblagotvoritelnost-parlamentskie-slushanija.html.

контрагентами. Это уже стало стратегической парадигмой современного бизнеса, особенно это ощущается в условиях глобализации.

С момента возникновения проблемы корпоративной социальной ответственности до сегодняшнего дня нет однозначного решения вопроса о ее сущности и критериях. В истории этого вопроса сложилось три основных подхода, которые до сих пор не потеряли своей актуальности: теория корпоративного эгоизма, теория корпоративного альтруизма и теория «разумного эгоизма». Рассмотрим подробнее каждый из выделенных подходов.

Теорию корпоративного эгоизма выдвинули в 1970-е гг. американцы М. Фридман и Д. Хендерсон. Суть этой теории сводится к основному тезису: единственная ответственность бизнеса — это увеличение прибыли всех своих акционеров. Мильтон Фридман в своей знаменитой книге «Капитализм и свобода» подчеркивал: «...у бизнеса имеется одна и только одна социальная ответственность: использовать свои ресурсы и заниматься деятельностью, рассчитанной на увеличение своих прибылей, соблюдая при этом правила игры, то есть, участвуя в открытой и свободной конкуренции без обмана и мошенничества» [14]. Основной смысл социальной ответственности в соответствии с данной теорией сводится к тому, что честный и открытый бизнес решает целый ряд социальных проблем: обеспечивает рабочие места, платит налоги, которые используются государством в интересах общества, обеспечивает общество необходимыми товарами и услугами, исполняет законодательство и т. д. Подобных рассуждений придерживается немало представителей бизнеса в России. Представляется, что данная теория слишком узко трактует сущность корпоративной социальной ответственности и не отражает активное участие корпораций в решении социальных проблем.

Теория корпоративного альтруизма нашла свое воплощение в Западной Европе и Японии. Однако сама теория корпоративного альтруизма появилась в США, основные положения ее были изложены в статье Фридмана, опубликованной в New York Times. Она отражала позицию Комитета по экономическому развитию (the Committee for Economic Development). В частности, в рекомендациях комитета подчеркивалось, что «корпорации обязаны вносить значительный вклад в улучшение качества американской жизни» [10]. Суть корпоративного альтруизма состоит в том, что корпорации берут на себя социальные обязательства, которые выходят за узкие рамки их собственной экономической деятельности. К таким обязательствам относятся благотворительные акции, социальные проекты, экологические инициативы, создание многообразных некоммерческих фондов помощи и т. д. Заметим, что к подобным обязательствам могут быть готовы лишь прибыльные компании, компании, которые располагают соответствующими финансовыми средствами.

Теория «разумного эгоизма» широкое распространение получила в странах БРИК — Бразилии, России, Индии и Китае. Суть «разумного эгоизма» заключается в том, что компании, тратя немалые деньги на благотворительные и социальные программы, неизбежно жертвуют своими текущими прибылями, но в стратегическом отношении они формируют лояльное отношение различных целевых групп общественности к своему бизнесу, что в конечном итоге сулит им устойчивые прибыли в будущем.

Подводя некоторый итог, отметим, что в каждой из трех представленных теорий содержится рациональное зерно в понимании сущности корпоративной социальной ответственности. Если теория корпоративного эгоизма акцентирует внимание на развитии корпорации и ее пассивном участии в решении социальных проблем, то теория корпоративного альтруизма, напротив, акцент делает на активном участии корпорации в решении социальных проблем, и в этом случае развитие самой корпорации как бы отодвигается на второй план. Теория «разумного эгоизма» интегрирует в себе экономические возможности корпорации и ее активную деятельность по участию в решении социальных проблем. Причем в ней особую ценность пред-

ставляет стратегический механизм извлечения прибыли за счет формирования благоприятной социальной среды.

Для понимания сущности корпоративной социальной ответственности определенную ценность представляют принципы данного феномена, изложенные в соответствующем меморандуме Ассоциации менеджеров России. В указанном документе социальная ответственность бизнеса определяется как «философия поведения и концепция выстраивания деловым сообществом, компаниями и отдельными представителями бизнеса своей деятельности в целях устойчивого развития и сохранения ресурсов для будущих поколений с опорой на следующие принципы:

- производство качественной продукции и услуг для потребителей;
- создание привлекательных рабочих мест, инвестиций в развитие производства и человеческого потенциала;
- неукоснительное выполнение требований законодательства: налогового, трудового, экологического и др.;
- построение добросовестных и взаимовыгодных отношений со всеми заинтересованными сторонами;
- эффективное ведение бизнеса, ориентированного на создание добавленной экономической стоимости и повышение национальной конкурентоспособности в интересах акционеров и общества;
- учет общественных ожиданий и общепринятых этических норм в практике ведения дел;
- вклад в формирование гражданского общества через партнерские программы и проекты общественного развития» [1].

На основании вышесказанного представляется возможным определить сущность корпоративной социальной ответственности как совокупность добровольных обязательств корпорации, нацеленных на реализацию социально значимых внутренних и внешних программ, которые в свою очередь содействуют развитию самой компании. При этом следует заметить, что совокупность добровольных обязательств постоянно меняется в зависимости от ситуации, возможностей и уровня развития корпорации.

Несомненную ценность для определения содержания корпоративной социальной ответственности представляют требования стандартов международной отчетности. Впервые к разработке таких стандартов приступили ряд общественных, промышленных и других организаций, а также службы управления США и Европы в 1997 г. Ими был создан на основе консенсуса первый международный стандарт «Социальная ответственность 8000» (SA 8000: 1997). К разработке международного стандарта социальной ответственности бизнеса приступила в 2004 г. и Международная организация по стандартизации (ISO). Особое место в международных стандартах социальной ответственности занимают специализированные индексы в сфере экологии, этики и других направлений деятельности компаний. Например, во Франции действуют Новые экономические стандарты (Nouvelles Regulations Economiques), в соответствии с которыми публичные компании обязаны раскрывать информацию, относящуюся к корпоративному управлению, воздействию на общество, экологическому менеджменту и практике трудовых отношений. А в Дании принят закон о «зеленой» отчетности (Green Accounts Law), в соответствии с которым компании, оказывающие значительное воздействие на окружающую среду, обязаны публиковать отчеты с описанием практики управления и результатами в области охраны окружающей среды[1]. Самый известный фондовый индекс социальной ответственности — Domini Social Index, не менее известный как KLD 400, по имени разработчика, компании KLD

[1] Sustainable business: [Электронный ресурс]. URL: http://www.csrjournal.com/akcent/6487-evolyuciya-sri-retrospektiva-fondovogo-rynka.html.

(Kinder, Lydenberg, Domini), призван обеспечить в том числе социально ответственное инвестирование участников индекса[1].

Важно заметить, что идеологическую основу международных стандартов по социальной ответственности составляют Общая декларация прав человека (the Universal Declaration of Human Rights); Конвенция ООН по правам детей (UN Convention on the Rights of the Child); Конвенция ООН по ликвидации всех форм дискриминации женщин; Конвенции и рекомендации Международной организации по труду (International Labour Office (ILO) Convention) и других служб по защите прав человека, что придает им высокий социальный статус. Критерии корпоративной социальной ответственности, заложенные в международных стандартах, позволяют объективно оценить активность компаний в этой сфере.

Сегодня большинство российских компаний в своей деятельности ориентируются на признанные международные стандарты GRI и AA1000.

Рассмотрим подробнее требования указанных стандартов.

GRI (Global Reporting Initiative). Глобальная инициатива по отчетности была создана в 1997 г. Коалицией за экологически ответственный бизнес. Первый проект GRI в области устойчивого развития, содержащий набор критериев, на основе которых строится отчетность по экономической, экологической и социальной результативности компаний, прошел испытания более чем в 20 компаниях.

Руководство GRI призвано:

- предложить принципы и содержание отчетности организации в области устойчивого развития;
- помочь организациям в составлении сбалансированной и содержательной картины их экономической, экологической и социальной результативности;
- содействовать подготовке сопоставимых отчетов, в то же время позволяя учесть практические соображения, относящиеся к раскрытию информации, для широкого круга разнообразных организаций, в том числе тех, деятельность которых охватывает различные регионы;
- способствовать оценке результативности организаций в области устойчивого развития в соответствии с критериями, задаваемыми отраслевыми кодексами, стандартами результативности и добровольными обязательствами;
- служить инструментом, способствующим расширению взаимодействия с заинтересованными сторонами.

Вместе с тем руководство не является:

- кодексом или набором принципов поведения;
- стандартом результативности;
- описанием системы менеджмента;
- инструкцией по разработке внутренней системы управления данными и подготовки отчетности в организации;
- методологией подготовки отчетов, мониторинга или верификации отчетов[2].

Серия AA1000 разработана Институтом социальной и этической отчетности (Institute of Social and Ethical Accountability — AccountAbility), который является ведущим международным институтом в области совершенствования корпоративной отчетности в целях устойчивого развития.

Стандарт AA1000 является стандартом верификации, что по своей сути означает открытость отчетных материалов для широкой публики и возможность проверки их достоверности. Основное предназначение отчетности AA1000 состоит в предупреждении кризиса доверия компаний перед инвесторами, потребителя-

---

[1] Ibid.

[2] Экономика России: XXI в.: [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruseconomy.ru/nomer20_200511/ec18a.html.

ми, представителями государственных структур и других целевых групп общественности. Предупреждение кризиса доверия основывается на общеприменимых стандартах оценки отчетности организации по показателям ее устойчивого развития, а также оценки лежащих в его основе процессов, систем и уровня компетентности.

Основное содержание отчетности по AA1000 сводится к следующему:

- охватывает весь диапазон показателей деятельности организации, т. е. показатели устойчивости;
- оценивает полноту понимания организацией показателей ее собственной деятельности и ее влияние на внешнюю среду, а также учитывает мнения об этом заинтересованных сторон;
- особо выделяет существенность содержания отчетности для заинтересованных сторон и точность раскрываемой информации, а также обращает внимание на политику организации и соблюдение обязательных норм;
- закладывает основу для публичных заявлений о соответствии, которые будут способствовать возрастанию доверия к публикуемым отчетам по обеспечению устойчивости;
- оценивает способность организации реагировать на запросы заинтересованных сторон и тем самым рассматривает отчетность как часть постоянного взаимодействия с ними;
- учитывает не только текущее состояние дел, но и возможное изменение ситуации, т. е. не только то, как организация выполняет заявленную политику и достигает поставленных целей, но и то, насколько она способна соответствовать будущим стандартам и ожиданиям;
- поддерживает и объединяет различные подходы к верификации качества, в которых задействованы многочисленные верифицирующие организации, подходы и стандарты, в том числе обеспечивает соответствие «Рекомендациям по отчетности устойчивого развития», предложенным Глобальной инициативой по отчетности (Global Reporting Initiative Sustainability Reporting Guidelines);
- применим к организациям различных видов и размеров, может использоваться верифицирующими организациями в разных географических, культурных и социальных условиях;
- требует от верифицирующей организации подтверждения ее компетентности и предоставления информации о характере отношений с отчитывающейся организацией[1].

Из сущности корпоративной социальной ответственности и содержания международных стандартов вытекают ее функции. Таковыми являются:

1. Производственная. Корпоративная социальная ответственность прямо и косвенно стимулирует рост объемов производства, способствует повышению качества товаров и услуг и т. д.

2. Инвестиционная. Социально ответственные компании представляют собой компании, в которых складывается привлекательный инвестиционный климат.

3. Репутационная и имиджевая. Статус социально ответственной компании как репутационная и имиджевая характеристика является значимым ее нематериальным активом.

4. Идентификационная. Корпоративная социальная ответственность имеет свои формы проявления и свое содержание и в определенном смысле играет роль идентификатора компании. Включенность корпоративной социальной ответственности в содержание миссии, корпоративной философии и других элементов иден-

[1] Фонд «Институт экономики города»: Официальный сайт: [Электронный ресурс]. URL: www.UrbanEconomics.ru.

тификационного профиля компании является тем самым механизмом, который позволяет идентифицировать данную компанию как таковую.

5. Коммуникационная. Корпоративная социальная ответственность является коммуникативной основой развития деловых отношений с государством, деловыми партнерами, местными сообществами и гражданскими организациями.

В контексте рассмотренных функций корпоративной социальной ответственности особо хотелось бы подчеркнуть коммуникативную составляющую данной проблемы, которая заложена в репутационной и имиджевой функции, а также в коммуникативной функции. Здесь мы непосредственно затрагиваем одну из важнейших проблем связей с общественностью, суть которой заключается в том, что корпоративная социальная ответственность становится одним из важнейших направлений PR-деятельности. Причем корпоративная социальная ответственность имеет отношение к стратегическим коммуникациям в связях с общественностью. Иначе говоря, с одной стороны, формирование имиджа социально ответственной компании является стратегической целью связей с общественностью, а с другой стороны, корпоративная социальная ответственность как данность становится стратегическим инструментом формирования паблицитного капитала компании как базисного субъекта PR. Такой инструмент закладывается в миссию компании, ее корпоративную философию и культуру, а также в другие информационно-коммуникативные носители паблицитного капитала бизнес-структуры.

Одним из центральных вопросов в методологическом и прикладном плане является вопрос о содержании корпоративной социальной ответственности, вопрос о том, с чего она складывается, с каких конкретных действий и обязательств компаний, претендующих на статус социально ответственных. Ответ на этот вопрос заложен как в определении сущности корпоративной социальной ответственности, так и в ее концепции, которая является продуктом решения этой проблемы международными организациями в области стандартизации корпоративной социальной ответственности, так и крупных зарубежных компаний, которые накопили немалый опыт в этой сфере. Такая концепция включает в себя корпоративную этику; корпоративную социальную политику в отношении общества; политику в сфере охраны окружающей среды; принципы и подходы к корпоративному управлению; вопросы соблюдения прав человека в отношениях с поставщиками, потребителями, персоналом; политику в отношении персонала. В соответствии с этой концепцией содержание корпоративной социальной ответственности находит свое отражение в основных направлениях социальных программ, в которых участвует компания. В практике многих компаний сложились следующие направления социальных программ:

1. Развитие персонала.
2. Охрана здоровья и безопасные условия труда.
3. Социально ответственная реструктуризация.
4. Природоохранная деятельность и ресурсосбережение.
5. Развитие местного сообщества.
6. Добросовестная деловая практика.

Рассмотрим подробнее каждое из выделенных направлений.

Социальная программа по развитию персонала осуществляется в контексте стратегии развития персонала и направлена на привлечение и удержание наиболее профессионально подготовленных и талантливых сотрудников. Содержание такой программы предполагает обучение и профессиональное развитие персонала; разработку мотивационной среды как главного мотивационного механизма; применение мотивационных схем оплаты труда; предоставление сотрудникам социального пакета; создание условий для отдыха и досуга; поддержание внутренних коммуникаций в организации; обеспечение участия сотрудников в принятии управленческих решений и т. п.

Суть социальной программы по охране здоровья и безопасных условий труда состоит в создании и поддержании дополнительных по отношению к законодательно закрепленным нормам охраны здоровья и условий безопасности на рабочих местах. В содержание такой программы, как правило, включают охрану труда и технику безопасности; медицинское обслуживание персонала на предприятии; поддержание санитарно-гигиенических условий труда; поддержание материнства и детства; создание эргономичных рабочих мест; профилактику профессиональных заболеваний и т. п.

Социальная программа по социально ответственной реструктуризации связана с периодической необходимостью проведения реструктуризации компании как этапа ее развития и функционирования в условиях современного рынка. При реструктуризации в первую очередь затрагиваются интересы персонала компании, и содержание социально ответственной реструктуризации направлено на защиту этих интересов. Составляющими такой программы могут быть информационные кампании, освещающие предстоящие структурные изменения; мероприятия по профессиональной переподготовке персонала; содействие в трудоустройстве персонала, который подлежит сокращению; компенсационные выплаты сотрудникам, попавшим под сокращение, и т. п.

Особое место в содержании корпоративной социальной ответственности занимает социальная программа по природоохранной деятельности и ресурсосбережению. Суть такой программы состоит в инициативной деятельности компании по сокращению вредного воздействия на окружающую среду, которая в себя может включать экономное потребление природных ресурсов; повторное использование и утилизация отходов; предотвращение загрязнения окружающей среды; организацию экологически безопасного производственного процесса; организацию экологически безопасных транспортных перевозок; акции по озеленению и т. д.

Суть социальной программы по развитию местного сообщества состоит в добровольном вкладе в развитие местного сообщества путем осуществления различных социальных программ и акций, таких, например, как осуществление различных социальных программ и акций по поддержке социально незащищенных слоев населения; оказание поддержки детству и юношеству; поддержка сохранения и развития ЖКХ и объектов культурно-исторического значения; спонсирование местных культурных, образовательных и спортивных организаций; мероприятия поддержки социально значимых исследований и кампаний; участие в благотворительных акциях и т. п.

Еще одно направление корпоративной социальной ответственности связано с социальной программой по добросовестной деловой практике. Содействие принятию и распространению добросовестной деловой практики между поставщиками, бизнес-партнерами и клиентами компании, информационная открытость в отношении всех заинтересованных сторон составляют основу такой программы. Содержание такой программы может включать мероприятия с поставщиками, бизнес-партнерами и клиентами компании (деловые встречи, конференции, круглые столы и т. п.); мероприятия с органами государственного управления, ассоциациями потребителей, профессиональными объединениями и другими общественными организациями; программы содействия малому бизнесу и т. д.

Рассмотренные направления корпоративной социальной ответственности являются методологической основой разработки комплексных программ компаний, которые становятся на путь социально ответственного бизнеса, а также составления корпоративной социальной отчетности.

Важным вопросом для компаний становится вопрос о документационном обеспечении корпоративной социальной ответственности. Как показывает опыт крупных компаний, позиционирующих себя как социально ответственных, основные положения

корпоративной социальной ответственности в таких компаниях отражаются в следующих документах: миссии и видении компании, корпоративной философии, этическом кодексе. Особыми документами в этом контексте являются программа корпоративной социальной ответственности и социальный отчет. Содержание и структура таких документов может включать цель и задачи, а также основные разделы, название которых соответствует вышерассмотренным направлениям корпоративной социальной ответственности: развитие персонала; охрана здоровья и безопасные условия труда; социально ответственная реструктуризация; природоохранная деятельность и ресурсосбережение; развитие местного сообщества; добросовестная деловая практика.

Что касается целей и задач программы корпоративной социальной ответственности компании как документа, то они вытекают из вышерассмотренных функций социально ответственного бизнеса и в вербальном контексте могут быть выражены следующим образом: увеличение прибыли и ускорение темпов развития; получение доступа к социально ответственным инвестициям, при распределении которых инвесторы принимают во внимание показатели, характеризующие деятельность компании в социальной и этической сферах, в области защиты окружающей среды; уменьшение операционных расходов за счет сокращения отходов производства или их переработки, увеличения эффективности использования электроэнергии; повышение ценности бренда, улучшение репутации компании в интересах развития новых направлений бизнеса и освоения новых сегментов рынка; повышение лояльности клиентов на основе убеждения их в ответственности компании по отношению к окружающей среде, в производстве ей так называемых ответственных продуктов; повышение производительности и качества продукта (услуги); создание условий для привлечения и удержания сотрудников на основе пропаганды ценностей компании, которые разделяют потенциальные и реальные работники; сокращение претензий со стороны органов государственного управления и общественных организаций; обеспечение эффективного управления рисками; повышение конкурентоспособности и др.

При разработке программы корпоративной социальной ответственности и подготовке социального отчета важно помнить, что эти документы являются публичными инструментами информирования общественности о стратегии развития компании в контексте ее социальной политики. По сути дела эти документы являются стратегическими инструментами информационно-коммуникативного воздействия на целевые группы общественности в интересах формирования паблицитного капитала компании.

Практика показывает, что программа корпоративной социальной ответственности компании и социальный отчет могут быть представлены в различных формах: тематической брошюрой (буклетом); тематическим блоком на корпоративном сайте; главой или разделом в годовом отчете и др. Наиболее эффективными коммуникативными инструментами, очевидно, являются тематическая брошюра и тематический блок на корпоративном сайте. Именно эти инструменты обеспечивают доступ к информации широких кругов общественности, обеспечивая тем самым эффективное коммуникативное взаимодействие компании со своей общественностью.

Отношение субъектов бизнеса к корпоративной социальной ответственности не стоит на месте. Сегодня с полной уверенностью можно констатировать, что данная тема находится в центре внимания бизнес-структур различного уровня. Но меняется не только приверженность к социально ответственному бизнесу. Меняется также и содержание корпоративной социальной ответственности. Эти изменения происходят под влиянием целого ряда факторов, актуальность которых наблюдается в XXI в. К таким факторам относятся глобализация, информационное общество, возрастание роли репутационной капитализации современного бизнеса, возрастание роли гражданского общества в современном бизнесе, государственная политика развитых стран, изменение конкурентной среды.

Рассмотрим подробнее влияние на корпоративную социальную ответственность выделенных факторов. Процессы глобализации, получившие особый импульс в своем развитии в XXI в., привели к новым реалиям во всех сферах нашей жизни. Они оказывают существенное влияние на развитие событий в экономике, политике, науке, культуре, социальных отношениях и т. д. Что касается проблемы социальной ответственности, то здесь мы сталкиваемся с тем, что интегративные процессы в экономике вообще и в бизнесе в частности, обусловленные глобализацией, не могут не затрагивать одну из составляющих современного бизнеса — корпоративную социальную ответственность. Сегодня социально ответственные компании не могут не учитывать данную характеристику своих партнеров по бизнесу не только в рамках национальных границ, но и в интернациональном поле деловых отношений. Возникает ситуация когда, с одной стороны, крупные бизнес-структуры под влиянием глобализации вынуждены интегрироваться в транснациональные компании, а с другой стороны, одним из важнейших условий и факторов такой интеграции выступает корпоративная социальная ответственность. Иначе говоря, компания, не получившая статус социально ответственной, рискует оказаться в определенной деловой изоляции в международном сообществе.

Бурное развитие информационного общества в XXI в. привело к созданию принципиально новой глобальной информационной инфраструктуры, основу которой составляют Интернет и цифровые информационные технологии, что естественно не могло не сказаться на коммуникационных процессах во всех сферах общества, в том числе и бизнесе. Сегодня информация становится доступной не только широким кругам общественности, но и сама общественность становится важным источником и производителем информации, формируя новое информационное пространство — социальные массмедиа. В этих условиях бизнес-структуры оказываются под пристальным вниманием не только СМИ, но и широкой общественности. Любые проявления недобросовестности бизнеса в одно мгновение становятся достоянием гласности благодаря социальным сетям и другим каналам социальных массмедиа. Складывается ситуация, когда компании вынуждены заботиться о своей репутации, не допуская ошибок в своей деятельности, вольно или невольно они должны вставать на путь корпоративной социальной ответственности. Иначе говоря, в условиях современного информационного общества корпоративная социальная ответственность становится парадигмой XXI в.

Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнение тезис о том, что выгодно быть социально ответственной компанией. Компании, которые утратили статус социально ответственной или не стремятся быть таковыми, попадают в зону рискованной коммерческой деятельности. Они теряют лояльность своих потребителей и инвесторов, создают почву для недоброжелательного отношения к себе со стороны СМИ, государственных структур, широких групп общественности и т. д. Корпоративная социальная ответственность становится неотъемлемой составляющей имиджа и репутации современной бизнес-структуры. Иначе говоря, по оценке многих специалистов в сфере бизнеса и коммуникаций, репутационная капитализация современного бизнеса является существенным фактором стабильного развития бизнеса[1].

В XXI в. под влиянием демократических процессов и информационных технологий все большую силу обретает гражданское общество в различных странах. Без внимания и контроля субъектов гражданского общества сегодня не остается ни одна социальная проблема. Что касается корпоративной социальной ответственности бизнес-структур, то она также оказывается в центре внимания общественных орга-

[1] Sustainable business: [Электронный ресурс]. URL: http://www.csrjournal.com/173-neblagotvoritelnost-parlamentskie-slushanija.html.

низаций и объединений, политических партий и рядовых граждан. С одной стороны, гражданское общество заинтересовано в привлечении бизнес-структур к решению социальных проблем, а с другой стороны, субъекты гражданского общества выступают экспертами и своеобразными «судьями», оценивающими приверженность компаний к социальной ответственности. Ценность таких оценок заключается в том, что они в первую очередь находят свое отражение в имидже и репутации компании, ее восприятии в самых широких кругах общественности, которое в конечном итоге проявляется в их лояльности к компании.

Для поддержки социально ответственных компаний государственная политика многих государств располагает эффективными инструментами. Это льготное налогообложение, тендерные процедуры при распределении государственных заказов, инвестиционная и финансовая государственная поддержка и др. В этих условиях корпоративная социальная ответственность для многих компаний становится необходимым критерием лояльного отношения к ним государственных структур, что сегодня непосредственно сопряжено с успешным бизнесом.

Для крупных и средних компаний сегодня приоритетным становится инвестиционный рынок и рынок государственных заказов. Предметом конкуренции для таких компаний становятся не продукты и услуги, а инвестиции и государственные заказы. И в этой конкурентной борьбе особую роль приобретают нематериальные активы, в которых значительную долю занимает корпоративная социальная ответственность. Иначе говоря, репутация, имидж, бренд и т. п. в конечном итоге паблицитный капитал современной компании в конкурентном взаимодействии не может быть полноценным без такой составляющей, как корпоративная социальная ответственность.

В заключение заметим, что рассмотренные факторы взаимосвязаны между собой и их влияние на современные компании носит комплексный характер.

Литература

1. *Абрамов Р. Н.* Связи с общественностью: учеб. пособие / Р .Н. Абрамов, Э. В. Кондратьев. М.: КНОРУС, 2012.
2. *Антикризисное* управление: учебник / Под ред. Э. М. Короткова. М.: ИНФРА-М, 2002.
3. *Благов Ю. Е.* Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции. СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010.
4. *Глебова И. С.* Социальная ответственность бизнеса в России и за рубежом: учеб. пособие. Казань: Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2008.
5. *Емельянов С. М.* К вопросу о социальной составляющей имиджевой и информационно-коммуникативной политики Российского государства // Диалог культур — 2008: новый имидж России: Сб. науч. ст. к VII Междунар. науч.-практич. конф. / Под науч. ред. И. В. Радикова. СПб.: Астерион, 2008. С. 120–121.
6. *Емельянов С. М.* Корпоративная философия как инструмент информационной поддержки социально ответственного бизнеса // PR, бизнес, СМИ — партнерство и конкуренция: Тез. докл. V Междунар. науч.-практ. конф. (13–14 ноября 2008 г.) / Редкол.: Л. Н. Гончаренко (отв. ред.) и др. СПб.: СПбГИЭУ, 2008. С. 67–70.
7. *Зарецкий А. Д.* Корпоративная социальная ответственность: мировая и отечественная практика: учеб. пособие / А. Д. Зарецкий, Т. Е. Иванова. Краснодар: Изд-во КСЭИ, 2012.
8. *Коротков Э. М.* Корпоративная социальная ответственность. (Бакалавр. Базовый курс). М.: Юрайт, 2013.
9. *Кричевский Н. А.* Корпоративная социальная ответственность / Н. А. Кричевский, С. Ф. Гончаров. М.: Дашков и Ко, 2007.
10. *Кузнецов О. Б.* Социальная ответственность бизнеса в России: частное мнение // Российское предпринимательство. 2005. № 8 (68). С. 98–102.
11. *Перегудов С.* Корпоративное гражданство как новая форма отношений бизнеса, общества и власти / С. Перегудов, И. Семененко. М.: ИМЭМО РАН, 2006.
12. *Тульчинский Г. Л.* Корпоративная социальная ответственность. Технологии и оценка эффективности. (Бакалавр. Базовый курс). М.: Юрайт, 2014.

13. *Туркин С.* Как выгодно быть добрым. Сделай свой бизнес социально ответственным. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
14. *Фридман М.* Капитализм и свобода / Пер. с англ. М.: Новое изд-во, 2006.

References

1. Abramov R. N. Public relations [Svyazi s obshchestvennost'yu]: Tutorial / R. N. Abramov, E. V. Kondratyev. M.: KNORUS 2012.
2. Crisis management [Antikrizisnoe upravlenie]: Textbook / Edited A. M. Korotkov. M.: INFRA-M, 2002.
3. Blagov J. E. Corporate social responsibility: evolution of a concept [Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost': evolyutsiya kontseptsii]. SPb.: The graduate school of management [Vysshaya shkola menedzhmenta], 2010.
4. Glebova I. S. Social responsibility of business in Russia and abroad [Sotsial'naya otvetstvennost' biznesa v Rossii i za rubezhom]: Tutorial. Kazan: Kazan state University. V. I. Ulyanov-Lenin [Kazanskii gosudarstvennyi universitet im. V. I. Ul'yanova-Lenina], 2008.
5. Emelyanov S. M. To the question about the social component of image and information and communication policy of the Russian state [K voprosu o sotsial'noi sostavlyayushchei imidzhevoi i informatsionno-kommunikativnoi politiki Rossiiskogo gosudarstva] // a Dialogue of cultures — 2008: the new image of Russia [Dialog kul'tur — 2008: novyi imidzh Rossii]: Collection of scientific articles to the VII International scientific conference / Edited. Nauch. Ed. I. V. Radíkov. SPb.: Asterion, 2008.
6. Emelyanov S. M. Corporate philosophy as an instrument of informational support of socially responsible business [Korporativnaya filosofiya kak instrument informatsionnoi podderzhki sotsial'no-otvetstvennogo biznesa] // PR, business, media — partnership and competition [PR, biznes, SMI — partnerstvo i konkurentsiya]: Abstracts. Dokl. V International. nauch.-practical use. Conf-November 14, 2008 / Editorial Board.: L. N. Goncharenko (Ed. in chief) and others. SPb.: SPBGIEU, 2008. S. 67–70.
7. Zaretsky A. D. Corporate social responsibility: global and domestic practice [Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost': mirovaya i otechestvennaya praktika]: Tutorial / ROAD Zaretsky, I. E. Ivanov. Krasnodar: Publishing house of KSEI, 2012.
8. Korotkov E. M. Corporate social responsibility [Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost']. Series: Bachelor. Basic course. M.: Yurayt, 2013.
9. Krichevsky N. A. Corporate social responsibility [Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost'] / N. A. Krichevsky, S. F. Goncharov. M.: Dashkov & Co., 2007.
10. Kuznetsov O. Social responsibility of business in Russia: private opinion [Sotsial'naya otvetstvennost' biznesa v Rossii: chastnoe mnenie] // Russian business [Rossiiskoe predprinimatel'stvo]. 2005. N 8 (68). P. 98–102.
11. Peregudov S. Corporate citizenship as a new form of relations between business, society and government [Korporativnoe grazhdanstvo kak novaya forma otnoshenii biznesa, obshchestva i vlasti] / S. Peregudov, I. Semenenko. M.: IMEMO RAN, 2006.
12. Tulchin G. L. Corporate social responsibility. Technology and efficiency evaluation [Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost'. Tekhnologii i otsenka effektivnosti]. Series: Bachelor. Basic course. M.: Yurayt, 2014.
13. Turkin C. How to be kind. Make your business socially responsible [Kak vygodno byt' dobrym. Sdelai svoi biznes sotsial'no otvetstvennym]. M.: Alpina Business books, 2007.
14. Friedman M. Capitalism and freedom [Kapitalizm i svoboda] / Trans. from English. M.: New publishing house [Novoe izdatel'stvo], 2006.

Цинченко Г. М.

Семейная социализация и воспитание

Цинченко Галина Михайловна
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры социологии и социальной работы
Кандидат социологических наук, доцент
galina_ts55@mail.ru

РЕФЕРАТ
Статья посвящена теоретическим аспектам семейной социализации и воспитания детей. Представлены различные подходы к социализации, проанализированы причины успешной и неуспешной социализации, влияние дисфункций семьи на социализацию детей. По мнению автора, снижение возможности семьи в решении задач социализации ребенка связано со снижением «качества» института семьи. Кризисные явления семьи в российских условиях можно преодолеть, считает автор, с помощью продуманной социальной политики государства и возрождения ценностей фамилизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
семья, семейное воспитание, социализация, семейные дисфункции

Tsinchenko G. M.

Family Socialization and Upbringing

Tsinchenko Galina Mihailovna
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate professor of the Chair of Sociology and social work
PhD in sociology, Associate Professor
galina_ts55@mail.ru

ABSTRACT
The article is devoted to theoretical aspects of family socialization and education of children. Describes different approaches to socialization, analyzed the reasons for success and failure of socialization, the influence of family dysfunction on the socialization of children. According to the author of the decline of the family in the socialization of the child is associated with a reduction in the “quality” of the family. The crisis of the family in the Russian conditions can be overcome, the author, through judicious social policies of the State and the rebirth of values familizma.

KEYWORDS
family, family education, socialization, family dysfunction

Человек рождается в условиях социума, и социальные условия создают рамки, в которых происходит формирование социально-компетентной личности, иными словами, его воспитание и социализация. Социализация (от лат. socialis — общественный) — приобщение человека к общественной жизни. Социализация и воспитание в семье в значительной мере определяются господствующими в данном обществе идеологическими, политическими, морально-нравственными, правовыми и другими воззрениями. Процессы социализации, семейной социализации и воспитания являются «приобретением» каждого исторического периода общества. Общество, развиваясь, дает новое не только содержательное наполнение обозначенных процессов, но и толкование самих понятий.

Взаимосвязь социализации и воспитания

Существование различных подходов при определении социализации как проблемы включения личности в изменяющуюся социальную среду обусловлено вниманием

ученых таких областей, как социология, педагогика, социальная антропология, социальная и педагогическая психология. Известный американский социолог Н. Смелзер определяет социализацию как «процесс формирования умений и социальных установок индивидов, соответствующих их социальным ролям» [21, с. 652], подчеркивая значение субъектной роли индивида в этом процессе. По мнению польского социолога Я. Щепаньского, социализация — это «влияния среды в целом, которые приобщают индивида к участию в общественной жизни, учат его пониманию культуры, поведению в коллективах, утверждению себя и выполнению различных социальных ролей» [22, с. 51]. Э. Гидденс социализацию определяет как «социальные процессы, в соответствии с которыми дети приобщаются к социальным нормам и ценностям» [5, с. 93]. По определению П. Бергера и Т. Лукмана, социализация — это «всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть», которое имеет первичную и вторичную стадии. «Первичная социализация есть та первая социализация, которой индивид подвергается в детстве и благодаря которой он становится членом общества. Вторичная социализация — это каждый последующий процесс, позволяющий уже социализированному индивиду входить в новые сектора объективного мира его общества. Очевидно, что первичная социализация обычно является наиболее важной для индивида и что основная структура любой вторичной социализации будет сходна со структурой первичной социализации. Каждый индивид рождается в объективной социальной структуре, в рамках которой он встречает значимых других, ответственных за его социализацию» [3, с. 213]. Н. Андреенкова, также выделяя две стадии социализации, считает, что стадия активного становления личности как общественного существа занимает около трети жизненного цикла, в течение которой осуществляется элементарная (первичная) социализация ребенка; нормативно-фрагментарная, маргинальная социализация подростка и концептуально-целостная, результирующая социализация молодежи периода перехода от юности к зрелости (от 17 до 25 лет). На второй стадии происходит развитие личности в процессе функционирования в обществе сначала в качестве трудоспособного члена, а затем после выхода на пенсию [1, с. 4].

По мнению И. С. Кона, воспитание является частью социализации, единым с ней целым, так как «социализация близка русскому слову „воспитание“, значение которого несколько шире английского, несмотря на их тождественную этимологию. Но воспитание подразумевает, прежде всего, направленные действия, посредством которых индивиду сознательно стараются привить желаемые черты и свойства, тогда как социализация наряду с воспитанием включает ненамеренные, спонтанные воздействия, благодаря которым индивид приобщается к культуре и становится полноправным членом общества. Воспитание стремится включаться в процесс социализации как составной части социальной среды с помощью направленного, стимулируемого и сознательно формируемого воздействия на личность. Личность формируют многие, как внутренние (унаследованные и врожденные), так и внешние (среда и воспитание) факторы. Несмотря на то что каждый из этих факторов имеет свои специфические черты и особенности, они неразрывно связаны друг с другом и образуют единое целое» [14, с. 134].

Многообразие имеющихся в научной литературе основных понятий социализации содержит понимание того, что социализация — это процесс, благодаря которому люди усваивают социальные нормы и происходит становление личности. Выработка социальных позиций личности, позволяющих ей эффективно взаимодействовать в обществе, собственно и является содержанием социализации, а ее цель — формирование социально активной личности, действия которой регулируются социальными нормами и общественными интересами, а также воспроизводство общества в целом. Таким образом, социализация — это двухсторонний процесс. С од-

ной стороны, происходит усвоение социального опыта как результат воздействия среды на человека. С другой стороны, в ходе социализации человек также воздействует на среду посредством отношений, своей деятельности и общения при избирательном отношении к нормам и ценностям. Такое понимание социализации характерно для современной науки, тогда как первоначально под социализацией понимали процесс одностороннего влияния среды, общества на человека.

Семья как базовый институт социализации и воспитания

Уникальный общественный институт, каким является семья, самим Творцом, природой предназначен для рождения и воспитания. В ней одной существует возможность тонких душевных взаимовлияний и длительные индивидуальные взаимодействия, что сочетается с достаточно прочной нормативной основой. В семье ребенок оказывается включенным в социальные отношения, которые составят содержание будущей личности. Основополагающей матрицей социализации личности в любом типе культуры выступает семья. Именно этому институту социальной системы принадлежит главная и безусловная роль в воспитании и социализации детей, несмотря на то что в этих процессах участвуют и другие социальные институты, такие как образование, наука, искусство, религия.

Как социальный институт семья представляет собой сложное социальное образование, имеющее специфическую устойчивую совокупность супружеских, родительских и родственных отношений, организационно оформленную для выполнения социально значимых функций. Специфические функции семьи, которые отличают семью от других социальных институтов, — репродуктивная (рождение детей), экзистенциальная (содержание детей) и социализационная (воспитание детей) — объективно необходимы для существования и развития как отдельного индивида, так общества в целом, поскольку они обеспечивают удовлетворение разнообразных социальных потребностей, возобновление не только самого населения, но и его духовного, культурного, морального, образовательного потенциала.

В социологии базовым в реализации функции социализации ребенка также признается институт семьи, который А. Г. Харчев определял как «исторически-конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родительскими отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [25, с. 16]. Роль семьи в жизни общества важна и многогранна потому, что каждый человек на протяжении всего своего жизненного пути является частью семьи, в ней он рождается, развивается, взрослеет, выходит из нее и создает новую. Семья — важнейший из феноменов, сопровождающий человека в течение всей его жизни. Семья является историческим образованием, важнейшим институтом, содействующим как становлению полноценной социально активной личности, так и исторической трансляции культурных, этнических, нравственных ценностей поколений. Передача образцов поведения и моделей деятельности осуществлялась благодаря совместному труду разных поколений и их коллективному проживанию, в результате чего дети осваивали трудовые навыки и статусно-ролевые позиции [24, с. 92]. Семейная социализация является первичной и базовой, так как она должна обеспечить формирование социальной ответственности и умение подчинить общему индивидуальное. Социализация протекает на протяжении всей жизни, однако наиболее интенсивно социализация протекает в детстве и юности. В процессе первичной социализации нередуцируемо значение семьи. Несмотря на то что любой человек испытывает на себе воздействие других людей и это сказывается на поведении индивида на всех

этапах жизненного цикла, семейная социализация является одним из самых первых и самых важных из всех социальных процессов, в которые «погружается» ребенок с момента своего рождения [5, с. 76]. И от этого «погружения» зависит во многом дальнейший жизненный путь ребенка.

Многие ученые считают, что воспитание представляет собой выработку в индивиде определенных человеческих качеств и усвоение им нравственных ценностей, которые закономерно ориентируют личность на отношение к добру, истине, красоте, и реализуется в процессе творческого овладения всеми доступными достижениями культуры, характерными для данного социально-исторического контекста, другими словами, обеспечивает культурное воспроизводство общества [26, с. 63].

Помимо передачи генетической наследственности семья является важным инструментом, который обеспечивает не только интеграцию ребенка в общество, но и определяет приоритет интересов и потребностей индивида, его взаимодействия с обществом как полноправного и полноценного члена. Полноту освоения социальных ролей и навыков социального взаимодействия, сопереживания другому дает опыт, приобретенный в родительской семье. Передача жизненного опыта старших поколений, усвоение культуры и образцы поведения, знаний, норм, принятых в социуме и его подсистемах, происходит в процессе семейного общения. В инкультурации, в формировании ценностно-смысловой сферы личности и ее становлении как активного субъекта социальной действительности — социализации первая роль отводится прежде всего родителям, которые, как правило, являются первыми агентами этого процесса. В дошкольном возрасте главными агентами воспитания являются отец и мать, осуществляющие социализирующее влияние на ребенка в ходе повседневной семейной жизни. Решающими факторами семейного воспитания являются личностные качества матери и отца, уровень их культуры и образования, мировоззрение. Огромную роль играют стиль супружеских и детско-родительских отношений. У всех народов нравственные нормы, правила, моральные идеалы прививаются в первую очередь в семье. Первые нравственные кирпичики закладываются в семье в течение первых 5 лет жизни ребенка. Именно в семье закладываются основы личности, и уже к поступлению в школу многие личностные характеристики человека носят сформированный характер. Исследования психологов свидетельствуют, что чувства, которые сформировались в раннем детстве, впоследствии переносятся на другие объекты и других людей, придавая каждому человеку особый стиль отношений с людьми. Формирующееся отношение ребенка к другим людям определяется прежде всего отношением к нему самому родных и близких в семье. Под влиянием этих отношений формируется и его самопознание. С самого раннего возраста ребенок учится у взрослых. Он учится не только ходить, говорить, играть, трудиться, но и чувствовать, думать, переживать, относиться к другим людям, к самому себе. В зависимости от конкретных обстоятельств жизни семьи, характера взаимоотношений между родителями и детьми, складывающегося в общении и совместной деятельности, особенностей семейного воспитания у детей формируются привычные формы отношений к другим людям, труду, познанию окружающего мира, своим обязанностям, а также устойчивые способы действий, поведения и деятельности [9, с. 52]. В семье родители передают детям душевную доброту, чуткость, сердечность, человечность. То, что ребенок в детские годы приобретает в семье, он сохраняет в течение всей своей дальнейшей жизни, так как развитие ребенка органически вписано в жизнедеятельность семьи.

Как фактор социализации семья обеспечивает непрерывное и устойчивое воздействие, основанное на эмпатийно-родственных чувствах взаимной ответственности и любви. Семья обеспечивает возможность передачи социального опыта детям на основе наследования и в процессе взаимного обучения. В подлинной семье каждый способен одновременно ощутить себя и частицей, и центром се-

мейного целого. Семейная социализация, во-первых, подготавливает к будущей семейной жизни, во-вторых, подготавливает к исполнению разнообразных социальных ролей, в-третьих, семейная социализация стабилизирует поколения по вертикали и социальные группы по горизонтали. Семья оказывает социализирующее воздействие на индивида посредством нормативного и информационного влияния. Семью, как «первую школу», которую осуществляют отец, мать, дедушка и бабушка, братья и сестры, никто и ничто не заменит; ничто не может компенсировать любви и мысли, которые познаются только в семье. Современная наука накапливает все больше данных о роли семейного воспитания также и в стимулировании интеллектуального развития ребенка: ребенок тем быстрее приобретает необходимые знания, навыки речи, мышления, чем содержательней и многообразней общение в семье. Только воспитание в любящей семье может обеспечить благоприятные условия и для детей, перенесших тяжелые психологические травмы и имеющих проблемы в психическом развитии [28, с. 66].

Процессы позитивной и негативной социализации

Положительная и отрицательная направленность социализации ребенка зависит также от семьи. Положительное воздействие семьи на личность ребенка заключается и в том, что никто не любит его так и не заботится так, как близкие для него люди в кругу семьи. Процессы успешной позитивной семейной социализации и идентификации личности в семье как задают долговременные межличностные отношения, так и направляют на реализацию высоких социальных и духовно-нравственных ценностей. Одним из важнейших условий нормального развития и благополучного вхождения в мир социальных отношений и культуры общества является эмоциональный комфорт ребенка в семье. Сегодня, как никогда, человек нуждается в поддержке близких людей: в сопереживании, понимании, ласке, уважении и признании уникальности и самоценности его личности. Семейные ценности уникальны по своей природе, так как именно семья является той нишей, где человек может найти внимание, тепло, понимание и защиту. Для родственного общения важно, чтобы члены семьи были взаимно заинтересованы, доброжелательны, деликатны, понимали и поддерживали своих близких. Эти потребности очень сложно, а порой и невозможно удовлетворить вне семьи: нельзя уподобить семейным не только никакие межличностные связи, но и тем более формальные организации. Происходящие в период детства сензитивные возрастные периоды при условии их целенаправленной реализации закладывают фундамент интеллектуальных, физических, волевых и духовно-нравственных качеств личности ребенка, так как семейная социализация, воспитание и развитие охватывают все сферы жизнедеятельности ребенка.

Однако никакой другой социальный институт не может потенциально навредить формированию личности детей, как семья в случае семейной дисфункции. Данные ученых подтверждают, например, что между плохими отношениями бывших супругов и девиантностью, делинквентностью детей и подростков, проблемами их школьной дезадаптации существует прямая связь [20, с. 415]. Слабая взаимная заинтересованность и информированность родителей и детей нередко формируют негативные отношения, которые лишают семейное общение эмоциональной привлекательности и создают эмоциональный дискомфорт. Наличие эмоционального дискомфорта не способствует позитивному взаимодействию ребенка с окружающей его действительностью, так как доверчивое отношение к миру и людям или ожидание неприятностей и угроз со стороны мира и других людей формируется в раннем детстве. Известно, что травмирующие ситуации, пережитые в детстве, оказывают влияние на всю дальнейшую жизнь человека. Это происходит потому, что такой опыт может сформиро-

вать специфические семейные отношения и запустить особые жизненные сценарии. Известный русский педагог и писатель А. Н. Острогорский так писал о соотношении социализации в семье и семейного воспитания: «Родители воспитывают, а дети воспитываются той семейной жизнью, какая складывается намеренно или ненамеренно. Семья может жить дружно, относиться дружелюбно к чужим людям, — но может и ссориться, злобствовать, проявлять черствость, недоброжелательство не только к посторонним, но и к своим близким» [17].

Последствия деятельности социального института, которые способствуют выживанию и саморегуляции данной системы, Р. Мертон предложил рассматривать как функции, последствия, ведущие к дезорганизации системы, — как *дисфункции* [18, с. 37]. Нарушения, которые возникают в дисфункциональных семьях, затрагивают в первую очередь ребенка, в ней воспитывающегося, оказывая негативное влияние на все уровни его развития, так как в процессе социализации ребенок усваивает специфические свойства, формы поведения, язык, культуру, ценности. Включение в структуры общественной жизни происходит на их основе. Социологи считают этот процесс амбивалентным, связанным с большим риском и возможностями отрицательного развития, которые могут стать источником девиантного поведения. Низкая степень социальной нормативности, повышенная конфликтность, агрессивность, неадекватная самооценка, низкий уровень саморегуляции и самостоятельности, а также отрицательная волевая направленность и дисгармоничность интеллектуальной сферы часто проявляются у детей, воспитывающихся в неблагополучной семье. Семейное неблагополучие приобрело необычайно широкие масштабы, что усугубляет внутрисемейную конфликтность, напряженность, приводит к дезорганизации функционирования семьи и резко понижает ее воспитательный потенциал.

Если семья находится под воздействием разрушающих, дестабилизирующих факторов и не может противостоять им, обеспечить детям чувство безопасности, то это не только нарушает эмоциональную связь, но и затрудняет процесс социализации детей, разрушает внутрисемейные связи и может сильно деформировать семейное взаимодействие. Семейная среда, неблагоприятная для социализации и развития ребенка, являясь эмоционально неустойчивой, часто с признаками деструкций, может стать небезопасной для здоровья и жизни ребенка. Как правило, это происходит в семьях, которые принадлежат к определенной социальной страте. Дисфункциональность таких семей — конфликтность и асоциальный образ жизни — является наиболее распространенной формой. Такие социально депривированные семейные условия и не могут рассматриваться как благоприятные для успешной социализации и воспитания, а также развития ребенка как личности. По мнению А. Антонова, в случае дисфункции семьи возможны крайности в формах социального отчуждения личности. И если в обществе намечаются попытки преодоления тотальной отчужденности, то успех этих намерений не мыслим уже без возрождения homofamulus [2, с. 96–97].

Социализация и социальный статус ребенка

Каждый ребенок имеет определенную статусно-ролевую характеристику. Очевидно, что не подлежит сомнению связь социального статуса семьи и процесса социализации ребенка, так как социальный статус ребенка, находящегося в системе взаимодействий и социальных связей, определяется, как правило, семьей, членом которой он является. Положение в обществе и социальный статус личности зависят от пола, возраста, происхождения, рода занятий, профессии, семейного положения и т. д. В обыденной жизни статус ребенка в обществе определяется статусом его семьи, потому что доступ к благам и правам обусловливается не

собственно положением детей, а общественным положением их родителей. В самом деле невозможно определить условия жизни детей, не учитывая специфику их семей, поскольку общество обычно относится к детям не как к самостоятельным индивидам, а скорее как к продолжению своих родителей.

Модель поведения, которая объективно задается статусом ребенка, в системе межличностных или общественных отношений называется социальной ролью [13, с. 175]. Статусно-ролевая характеристика каждого человека многогранна, так как он имеет множество функций в данной общественной системе. Набор возможных социальных статусов не только у взрослого, но и у ребенка может быть достаточно широким. При богатой сфере контактов ребенка в реальной жизни, его социальных связей и выполняемых им функций, при более полной возможности реализации своих прав, при ответственном отношении ребенка предписанным статусом к тем или иным обязанностям, у него богаче жизнедеятельность и более широкие возможности как для социальной адаптации в обществе, так и для социально-психологического, физического и нравственного развития. Каждый из статусов и ролей ребенка имеет большое значение для его развития и социализации. Утрата или деформация значимой для детского возраста статуса или социальной роли отрицательно сказывается не только на индивидуальном развитии, но и социальном становлении личности ребенка. Социальный статус ребенка может подвергнуться деформации, если в семье возникнет процесс дезорганизации, который вызывает семейное неблагополучие и, как следствие, ее дисфункцию. Последствиями семейной дезорганизации является деформация общественно таких значимых функций семьи, как экзистенциальная и социализационная, которые приводят к уклонению и даже полному устранению родителей от содержания и воспитания своего ребенка. В результате могут возникнуть детская безнадзорность и социальное сиротство вследствие невозможности удовлетворения потребности ребенка в полноценной семейной социализации. Отсутствие заботы родителей о ребенке или ее несоответствие законодательным нормам в области обеспечения права ребенка является отклонением от общепризнанных международных и государственных норм. Нарушение родителями принятых в обществе норм заботы о ребенке, его воспитании соответствует невыполнению семьей институциональных функций, статусных ролей, присущих родителям, т. е. отклоняется от нормы и, следовательно, представляет опасность для общества. Ситуация социального развития подменяется для ребенка «ситуацией невозможности» [16, с. 24], формируя тем самым неуспешность или невозможность реализации его потенциальных возможностей в будущем. Причинами могут быть, например, кризис супружеских отношений; бедность; невротизация родителей, которая передается детям; педагогическая несостоятельность родителей, которая может вызвать у детей такие специфические подростковые поведенческие реакции, как эмансипация и оппозиция [4, с. 13]. В тех семьях, где ведут асоциальный образ жизни, проявляют пренебрежение к нуждам ребенка, не уделяют должного внимания к его воспитанию и содержанию, а то и вовсе уклоняются от них, там, где дети могут подвергаться насилию, может произойти такое, что его статусное положение в семье может расшататься и деформироваться. В таких семьях у ребенка может начать проявляться социальная дезадаптация. Практически это дети — социальные, т. е. сироты при живых родителях. Личные поведенческие девиации, явившиеся следствием дискомфортных и враждебных условий естественной среды жизнедеятельности, и утраты родительского контроля (надзора) за воспитанием ребенка, повышают степень риска при взаимодействии последнего с социальным окружением, могут вести к его безнадзорности, «выпадению» из семьи, уходу на улицу, лишая его, таким образом, социального статуса члена семьи и переводя в категорию детей «группы социального риска».

Неполные семьи, когда ребенок лишен одного из родителей, также могут оказаться дисфукциональными, так как при разводе родителей у ребенка, как прави-

ло, наблюдаются серьезные эмоциональные нарушения, пик которых приходится на раннюю стадию процесса. Часто и у родителя, с которым проживает ребенок после развода, отсутствие ощущения полноты и жизни может сопровождаться дезорганизацией активности, что приводит к общему психофизическому износу организма, последствия которого могут стать для родителя патологическими или направить его на социально неприемлемый путь (алкоголизм, наркотизация, психопатизация, невротизация, преступление, самоубийство и т. п.), а это, в свою очередь, неизбежно негативно повлияет на дальнейшую судьбу ребенка [15, с. 26]. Нельзя не согласиться с К. Г. Юнгом, который считал, что дети, которые «никогда не вкушали счастья быть вскормленными в душевной атмосфере настоящих родителей или вкушали его недостаточно... являют собой жуткое концентрированное выражение эгоцентризма, душевной холодности, бесчеловечности, извращенности, преждевременной сексуальной активности и т. д., то есть прежде всего и больше всего страдает их моральная сфера» [29, с. 77].

Влияние кризисных явлений института семьи на социализацию и воспитание

Сегодня как никогда актуальна проблема социализации детей в связи с нарастанием кризисных явлений в современной семье, выражающихся в деформации в сфере воспитания детей, супружеских и детско-родительских отношений; падении брачности; росте разводов, количества неполных, материнских и альтернативных семей и т. п. Возникающие дисфункции института семьи, их рост и проявление в массовом порядке, а также системность распространения, при которых функционирование данного института приобретает дисфункциональность и деформированность, свидетельствуют о кризисе этого института общества.

Очевидно, что снижаются возможности семьи в решении задач социализации ребенка как будущего семьянина в связи со снижением «качества» института семьи (изменение ее состава, ценностных ориентации, нравственных устоев, уклада, характера детско-родительских отношений, психологического климата, межпоколенных связей и т. д.). А. Карлсон считает, что «исследовательские факты о семье и детях, собиравшиеся на протяжении двух последних столетий, приводят к единственному достоверному выводу: дети оказываются более здоровыми, счастливыми и ответственными, преуспевающими в учебе и жизни, если живут в семьях с двумя биологическими родители, которые состоят в браке. Все другие вариации — сожительство, раздельное проживание супругов, развод, воспитание ребенка одним родителем, повторный брак и т. п. — скорее всего приведут к негативным последствиям» [12, с. 238–243].

В современном цивилизованном обществе рядом с семейным воспитанием выстраивается система государственного, общественного воспитания детей. Семейное и общественное воспитание взаимосвязаны, дополняют друг друга и могут в определенных границах даже заменять друг друга, но в целом они не равнозначны. Даже хорошо развитая социальная инфраструктура современного общества неспособна в должной мере компенсировать функции семьи, так как становление таких сфер, как эмоциональная (умение любить, бережное и внимательное отношение к ближнему, умение понимать других и правильно оценивать свое поведение), социально-психологическая, культура межличностных отношений, призвана обеспечивать семья. Семейное воспитание более эмоционально по своему характеру, чем любое другое воспитание, ибо проводником его является родительская любовь к детям, вызывающая ответные чувства детей к родителям [Там же, с. 133].

Институт семьи выступает посредником между человеком, государством и другими социальными институтами, воздействует на характер отношений в обществе,

течение общественных процессов. Семья, ее формы и функции напрямую зависят как от общественных отношений в целом, так и от уровня культурного развития общества. Функционирование семьи как социального института обусловлено потребностями социальной системы, заинтересованной в сохранении человечества, общности, нации [2, с. 23].

Как известно, семья — это «школа нравственности», «пробный камень», на котором проверяются характеры людей, их человеческие качества. Без высокой культуры чувств невозможно духовное обогащение личности. Семья по праву является не только первичной группой социализации, но и также источником человеческой духовности, а поэтому социальной и духовной культуры государства. Важными критериями эффективности семейного воспитания являются показатели самоидентификации детей со своими родителями, т.е. принятие или непринятие детьми духовно-нравственных, идеологических норм и жизненных ценностей своих родителей. Рассуждая о причинах нестабильности семьи, И.А. Ильин писал, что «семья распадается совсем не от ускорения исторического темпа, но вследствие переживаемого человеком духовного кризиса. Этот кризис подрывает семью и ее духовное единение, он лишает ее главного, того единственного, что может сплотить ее, спаять и превратить в некое прочное и достойное единство, а именно — чувства взаимной духовной сопринадлежности...», и далее «...человеческая семья, в отличие от „семьи“ у животных, есть целый остров духовной жизни. И если она этому не соответствует, то она обречена на разложение и распад» [10, с. 112].

Сложная и неоднозначная динамика современной семьи как социального института демонстрирует кризис в части выполнения своих традиционных социальных функций. Сегодня все больше семей оказывается на грани перехода здоровых семей, способных противостоять деструктивному социально-психологическому воздействию социальной среды и воспроизводить здоровое поколение, в категорию семей социального риска (не выполняющих в достаточной степени своих функций) и даже социально опасных (это семьи, в которых не исполняются обязанности по воспитанию и обучению детей или отрицательно влияют на их поведение, либо жестоко обращаются с ними).

Факторы, способствующие возникновению социальных рисков, могут иметь социально-экономический, медико-санитарный, социально-демографический, социально-психологический, криминальный характер [11, с. 39]. Их действие может привести к утрате семейных связей, росту числа детей, оставшихся без попечения родителей, постоянного места жительства. Нельзя не согласиться с И.А. Григорьевой, что государство должно озаботиться не только прямой помощью попавшим в критическую жизненную ситуацию, но прежде всего уменьшением риска попадания в нее; социальной и психологической адаптацией разных групп населения к новым условиям жизни; достижением экономической и политической стабильности [6].

И.С. Кон отмечал, что в настоящее время претерпевает существенные изменения семья как социальный институт, в рамках которого происходит становление и дальнейшее развитие личности. Нуклеаризация семьи — мировой исторический процесс, который связан не только со структурными изменениями в семейной сфере, но и с разрушением внутрисемейных связей, а также отчуждением межличностных отношений между супругами, родителями и детьми. Если в традиционной расширенной семье главой семьи был отец, а отец и хозяин являлись однозначными понятиями, то в современной семье традиционные мужские роли существенно изменились. Во многих семьях женщина увеличила экономическую самостоятельность и повысила внутрисемейный авторитет, а мужчина, соответственно, утратил свое положение единственного кормильца. Функциональные и структурные изменения привели к ломке традиционного отношения «родители — дети», которое было стержнем расширенной семьи [14, с. 134]. С одной стороны, семья перестала быть приоритетной

сферой включения молодого поколения в профессиональную и культурную традиции, а с другой — значительно возросла социализирующая функция общественных институтов, таких как детские дошкольные воспитательные учреждения, школы, вузы, средства массовой информации. Оптимизировать процесс духовно-нравственного становления личности одна семья не в состоянии. Это задача общегосударственной важности, которую призваны решать все социальные институты, включая и средства массовой информации, и общественное мнение, и общественные организации. Все они призваны оказывать помощь семье в повышении ее воспитательного потенциала. Все это, с одной стороны, актуализирует проблемы семейного воспитания как самостоятельного явления, а с другой — обусловливает необходимость усиления ориентации в системе общественного воспитания на семейные ценности, так как развитие ребенка органически вписано в жизнедеятельность семьи.

В последние два десятилетия в России возросло количество семей, испытывающих серьезные затруднения при адаптации к нестабильным условиям социальной среды. В совокупности функциональные нарушения жизнедеятельности российской семьи столь значительны, что это дает возможность ставить вопрос о ее системной *трансформации к*ак социального института. С. И. Голод и А. Г. Вишневский полагают, что модернизация брака и семьи, происходящая не только в России, но и в европейских и североамериканских странах, оказывает влияние на многие стороны частной жизни. Нестабильность современного брака некоторые исследователи связывают с действием внутренних и внешних сил «отталкивания» и с менее сильным влиянием внутренних и внешних сил «притяжения». В качестве *внешних* сил «отталкивания» называют следующие: либерализация общественной морали, меньшее влияние религии, лояльное отношение общественного мнения к разводам и повторным бракам, упрощение процедуры расторжения брака. *Внутренние* же «силы отталкивания» определяются как возросшие требования мужчин и женщин к супружеству с точки зрения эмоциональности взаимоотношений, баланс «близости — автономии», способность к изменению отношений, качество общения [30]. Прежде всего на формирование нового, современного типа семьи повлияло ослабление зависимости детей от родителей и жены от мужа. Вследствие дефицита живого контакта детей с родителями значительно усилилось на социализацию влияние неформальных групп.

Исследования показывают, что одними из причин отчуждения детей и родителей являются дезорганизация семьи и девальвация ее ценности, культивируемые государством в течение многих десятилетий. Общество в течение лет ориентировалось на внесемейные сферы деятельности, как досуговые, так и профессиональные. В большинстве семей сложился такой образ жизни, в котором практически мало возможностей для общения. Днем родители работают, а дети в детском саду или школе. Если по утрам — нервная спешка всех членов семьи, то по вечерам — поглощенность взрослых семейным бытом, с одной стороны, и общая усталость для всех членов семьи, с другой. Дефицит свободного времени у родителей не дает детям должного родительского внимания: при недополучении необходимой эмоциональной поддержки не формируется у детей культура общения, а постоянная озабоченность родителей насущными проблемами быта часто приводит к формированию излишнего прагматизма. У детей в таких условиях могут сформироваться как внесемейные ценностные ориентации, так и стойкие нормы поведения, которые, как правило, накладывают отпечаток на последующую жизнь. Следовательно, снижается не только возможность воспитания будущих поколений с семейной ориентацией, но и происходит дальнейшая дезорганизация семьи. Именно поэтому обществу необходимо предпринять определенные меры как по изменению условий жизни современной семьи, так и по поддержанию ценностей семьи и фамилистической культуры [19, с. 84]. Очевидно, что здоровье нации в целом зависит не только от физического,

социального, но и нравственного здоровья подрастающего поколения. По мнению Т. А. Гуртко, семья в условиях дестабилизации социально-экономических и духовных отношений в обществе превращается в источник удовлетворения своих эгоистических потребностей. Это означает, что «направленность на значимого другого изменяется в направленность на себя». В этом контексте семья превращается в «совместное проживание одиночеств», что уменьшает и качественно ухудшает воспитательный потенциал семьи и способствует воспроизведению негативного образа семьи. Учитывая факт, что в процессе социализации современное общество закладывает установку на достижение индивидуальных успехов, связанное исключительно с самореализацией в профессиональном плане, а социальная значимость семьи явно недостаточна, можно правомерно ожидать дальнейшую дестабилизацию семьи как социального института. Многочисленные препятствия для полноценного функционирования института семьи создают как продолжающееся снижение уровня жизни, так и распространение ценностей индивидуализма и гедонизма, бездумно насаждаемые худшие образцы зарубежной массовой культуры, межнациональные конфликты [7, с. 99].

Заключение

Социологи считают, что детство является составной частью социальной жизни и что детские роли имеют самостоятельное значение, так как ребенок сохраняет в течение всей последующей жизни все то, что приобретает в семье в детские годы. Трудно не согласиться с русским философом И. А. Ильиным, который писал: «то, что выйдет из человека в его дальнейшей жизни, определяется в его детстве, и притом самим этим детством; существуют, конечно, врожденные склонности и дары; но судьба этих склонностей и талантов — разовьются ли они в дальнейшем или поблекнут и если расцветут, то как именно, — определяется в раннем детстве. Вот почему семья является первичным лоном человеческой культуры... здесь ребенок становится маленьким человеком, из которого впоследствии разовьется великая личность или, может быть, низкий проходимец... Не прав ли немецкий богослов Толук, утверждая: «Мир управляется из детской...»? Мир не только строится в детской, но и разрушается из нее; здесь прокладываются не только пути спасения, но пути погибели» [10, с. 110]. Выдающийся социолог XX в. П. А. Сорокин рассматривал семью в качестве базовой единицы общества, элементарной, качественно уникальной социальной группой. Он отмечал: «...без здоровой семьи невозможно здоровое общество» [23, с. 164].

В условиях культурной трансформации и структурной перестройки экономики с начала 1990-х гг. происходила дезадаптация значительной части населения, включая и родителей. Значительно возросло родительское неблагополучие на фоне растущего социального расслоения, которое статистически отражалось не только в ежегодном увеличении числа родителей, лишенных родительских прав, отказных детей, но и значительном увеличении беспризорных и безнадзорных детей. Даже по мере улучшения экономической ситуации в стране, внимания государства к социальной политике проблема родительского неблагополучия остается крайне актуальной и ее причины не до конца ясны [8].

Необходимо учитывать факт, что в современном обществе качественные изменения макросреды сопровождаются и деформацией семьи, которая не может, а порой и не хочет выполнять важнейшие функции, такие как формирование у детей чувства психологического комфорта, защищенности, уверенности в завтрашнем дне, веры в высшие ценности, т. е. составляющие основу духовности человека. Крайне важно осознание обществом, что проблемы родительства и семейного воспитания не являются сугубо личными, но касаются всего общества. Трансфор-

мация духовных и нравственных идеалов, позитивного правосознания приводит к обострению социальной напряженности в обществе и способствует зарождению и развитию деструктивных начал во многих сферах общественной жизни, в том числе и в главном социальном институте — семье. Г. А. Фомченкова отмечает, что между личностью, семьей и обществом сложились, безусловно, сложные отношения: они взаимосвязаны и взаимозависимы, и в то же время они самостоятельны и суверенны, но тем не менее все же семья является той основой для формирования духовной безопасности ребенка через его ценностную систему, которая способствует сдерживанию рассогласованности между культурной, социальной и идеальной (духовной) сферами общества [27]. Выполняя функции воспитания и социализации ребенка, семья формирует не только правила и нормы поведения, цели, ценности, но и закладывает фундамент духовного, мировоззренческого начала, и только благополучная семья в таких изменяющихся условиях действительности оказывается более сплоченной, позитивной.

В отсутствие эффективной государственной семейной политики в переходный период общества семья пытается выживать сама. Вместе с тем следует признать, что адаптационные возможности большинства российских семей ниже степени нарастания социальных рисков. Вследствие очевидного противоречия между реальными возможностями, обусловленными современным положением и социально-экономической ситуацией в обществе, с одной стороны, и возлагаемыми на семью обязанностями, возникшими из-за отказа государства выполнять ранее взятые в отношении нее обязательства, с другой стороны, семья не может справиться со своими функциями. Однако думается, что кризис семьи в российских условиях можно преодолеть с помощью продуманной социальной политики государства и возрождением ценностей фамилизма. Социальная политика должна, ориентируясь прежде всего на новые положительные тенденции в развитии института семьи, предвидеть отрицательные последствия и вовремя их преодолевать.

Литература

1. *Андреенкова Н*. Роль семьи на разных этапах социализации индивида // Динамика изменения положения женщин и семьи. М., 1972.
2. *Антонов А. И.* Возродить семейную жизнь // Социологические исследования. 1992. № 10.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. *Восстановление* социального статуса безнадзорных детей: Методич. пособие для сотрудников спец. учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в соц. реабилитации / Под ред. Г. М. Иващенко. М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2002. С. 13.
5. *Гидденс Э*. Социология 90-х: учебник. Челябинск, 1999.
6. *Григорьева И. А.* Социальная политика как способ реализации власти // Управленческое консультирование. 1998. № 2: [Электронный ресурс]. URL: http://uk-archive.narod.ru/1998/n02/s98-2-10.htm (дата обращения: 22.03.2014).
7. *Гурко Т. А.* Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 96–99.
8. *Гурко Т. А.* Трансформация института родительства в постсоветской России: Автореф. дисс. ... д-ра социол. наук. М.: Ин-т социологии РАН, 2008.
9. *Дубровина И. В.* Семья и социализация ребенка // Мир психологии. 1998. № 1. С. 52–57.
10. *Ильин И. А.* Путь духовного обновления. Работы разных лет. СПб.: Библиополис. 2005. 235 с.
11. *Инновационные* технологии социальной работы с неполными семьями: Науч.-метод. пособие / Под ред. Л. С. Алексеевой. М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2004.
12. *Карлсон А.* Общество — семья — личность: социальный кризис Америки. М.: Инфра-М, 2003.
13. *Клюев А. В., Лукьянов В. Г., Урсу И. С.* Социология: учеб. пособие / Под общ. ред. А. В. Клюева. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2007. 576 с.

14. *Кон И. С.* Ребенок и общество. М.: Academa, 1988.
15. *Липский И. А.* Парадигмы и стратегии воспитания // Научные труды ГосНИИ семьи и воспитания / Сост. А. К. Быков. М.: ФГУ «Государственный НИИ семьи и воспитания», 2006. Т. II: Актуальные проблемы воспитания детей и молодежи.
16. *Ослон В. Н.* Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006. 368 с.
17. *Острогорский А. Н.* Семейные отношения и их воспитательное значение: [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/pedagog/ostrogorskiy_sem.html (дата обращения: 12.02.2014).
18. *Мертон Р. К.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. М., 1994.
19. *Проблемы* семьи и детства в современной России. Ч. 1. М., 1992.
20. *Райс Ф.* Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2000.
21. *Смелзер Н.* Социология. М., 1994.
22. *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. М., 1969.
23. *Сорокин П. А.* Кризис современной семьи // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 1997. № 3.
24. *Шишкина Е. В.* Семейная социализация: проблема определения // Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып. 3. СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2009. С. 91–95.
25. *Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1979.
26. *Хоруженко К. М.* Культурология. Энциклопедический словарь. Ростов-н/Д: Феникс, 1997.
27. *Фомченкова Г. А.* Семейная социализация как один из факторов формирования духовной безопасности молодежи: [Электронный ресурс]. URL: http://teoria-practica.ru/-1-2011/sociologiya/fomchenkova.pdf (дата обращения: 10.03.2014).
28. *Цинченко Г. М.* Политика в отношении детей, оставшихся без попечения родителей // Управленческое консультирование. 2013. № 9. С. 62–69.
29. *Юнг К.* Душа и миф: 6 архетипов. М., 1996.
30. *Levis R. A., Spanier G. B.* Theorizing about the quality and stability of marriage // Contemporary theories about the family / W. R. Burr, R. Hill, F. I. Nye, I. L. Reiss (Eds.). Vol. 1. N. Y.: Free Press, 1979.

References

1. Andreenkova N. *Role of a family at different stages of socialization of the individual* [Rol' sem'i na raznykh etapakh sotsializatsii individa] // Dynamics of change of position of women and a family [Dinamika izmeneniya polozheniya zhenshchin i sem'i]. M., 1972.
2. Antonov A. I. *To revive family life* [Vozrodit' semeinuyu zhizn'] // Sociological researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 1992. N 10.
3. Berger P., Lukman T. *Social designing of reality. The treatise on knowledge sociology* [Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya]. M.: Medium, 1995. 323 p.
4. *Restoration of the social status of neglected children: Methodical grant for the staff of specialized institutions for the minors needing social rehabilitation* [Vosstanovlenie sotsial'nogo statusa beznadzornykh detei: Metodicheskoe posobie dlya sotrudnikov spetsializirovannykh uchrezhdenii dlya nesovershennoletnikh, nuzhdayushchikhsya v sotsial'noi reabilitatsii] / Under the editorship of G. M. Ivashchenko. M.: State Research and Development Institute of Family and Education [GosNII sem'i i vospitaniya], 2002. P. 13.
5. Giddens A. *Sociology of the 90th* [Sotsiologiya 90-kh]: Tutorial. Chelyabinsk, 1999.
6. Grigoryeva I. A. *Social policy as way power realization* [Sotsial'naya politika kak sposob realizatsiya vlasti] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. N 2. 1998: [Electronic source]. URL: http://uk-archive.narod.ru/1998/n02/s98-2-10.htm (address date: 22.03.2014).
7. Gurko T. A. *Transformation of institute of a modern family* [Transformatsiya instituta sovremennoi sem'i] // Sociological researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 1995. N 10. P. 96–99.
8. Gurko T. A. *Transformation of institute of a parenthood in Post-Soviet Russia* [Transformatsiya instituta roditel'stva v postsovetskoi Rossii]. M.: Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences [Institut sotsiologii RAN], 2008. Doctoral dissertation abstract.
9. Dubrovina I. V. *Family and socialization of the child* [Sem'ya i sotsializatsiya rebenka] // Psychology world [Mir psikhologii]. 1998. N 1. P. 52–57.
10. Ilyin I. A. *Way of spiritual updating* [Put' dukhovnogo obnovleniya] // Works of different years. SPb.: Publishing house "Bibliopolis", 2005. 235 p.

11. *Innovative technologies of social work with incomplete families* [Innovatsionnye tekhnologii sotsial'noi raboty s nepolnymi sem'yami]: Scientific and methodical tutorial / Under the editorship of L. S. Alekseeva. M.: State Research and Development Institute of Family and education [GosNII sem'i i vospitaniya], 2004.
12. Carlson A. *Society — family — personality: social crisis of America* [Obshchestvo — sem'ya — lichnost': sotsial'nyi krizis Ameriki]. M.: Infra-M, 2003.
13. Klyuev A. V., Lukyanov V. G., Ursu I. S. *Sociology* [Sotsiologiya]: Tutorial / Under a general edition of A. V. Klyuev. SPb.: SZAGS publishing house [Izd-vo SZAGS], 2007. 576 p.
14. Kon I. S. *Child and society* [Rebenok i obshchestvo]. M.: Academa, 1988.
15. Lipsky I. A. *Paradigms and education strategy* [Paradigmy i strategii vospitaniya] // Scientific works of State Research and Development Institute of Family and Education [Nauchnye trudy GosNII sem'i i vospitaniya] / Collection A. K. Bykov. M.: State Scientific Research Institute of a Family and Education [FGU «Gosudarstvennyi NII sem'i i vospitaniya»], 2006. Vol. II: Actual problems of education of children and youth [Aktual'nye problemy vospitaniya detei i molodezhi].
16. Oslon V. N. *Life organization of orphan children: professional replacing family* [Zhizneustroistvo detei-sirot: professional'naya zameshchayushchaya sem'ya]. M.: Genesis, 2006. 368 p.
17. Ostrogorsky A. N. *Family relations and their educational value* [Semeinye otnosheniya i ikh vospitatel'noe znachenie]: [Electronic source]. URL: http://dugward.ru/library/pedagog/ostrogorskiy_sem.html (date of the address: 12.02.2014).
18. Merton R. K. *Obvious and latent functions* [Yavnye i latentnye funktsii] // American sociological thought [Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl']. M., 1994.
19. *Family and childhood problems in modern Russia* [Problemy sem'i i detstva v sovremennoi Rossii]. Part 1. M., 1992.
20. Rice F. *Psycology of teenage and youthful age* [Psikhologiya podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta]. SPb.: Piter, 2000.
21. Smelzer N. *Sociology* [Sotsiologiya]. M., 1994.
22. Shchepansky Ya. *Elementary concepts of sociology* [Elementarnye ponyatiya sotsiologii]. M., 1969.
23. Sorokin P. A. *Crisis of a modern family* [Krizis sovremennoi sem'i] // Vestnik of the Moscow University [Vestn. Mosk. un-ta]. Vol. 18: Sociology and political science. 1997. N 3.
24. Shishkina E. V. *Family socialization: definition problem* [Semeinaya sotsializatsiya: problema opredeleniya] // Modern problems of psychology of a family: phenomena, methods, concepts [Sovremennye problemy psikhologii sem'i: fenomeny, metody, kontseptsii]. Vol. 3. SPb.: Publishing house of Autonomous Non-Commercial Organization IPP [Izd-vo ANO «IPP»], 2009. P. 91–95.
25. Harchev A. G. *Marriage and a family in the USSR* [Brak i sem'ya v SSSR]. Second edition. M.: Thought [Mysl'], 1979.
26. Horuzhenko K. M. *Culturology. Encyclopedic dictionary* [Kul'turologiya. Entsiklopedicheskii slovar']. Rostov-on-Don: Publishing house "Phoenix" [«Feniks»], 1997.
27. Fomchenkova G. A. *Family socialization as one of factors of formation of spiritual safety of youth* [Semeinaya sotsializatsiya kak odin iz faktorov formirovaniya dukhovnoi bezopasnocti molodezhi]: [Electronic source]. URL: http://teoria-practica.ru/-1-2011/sociologiya/fomchenkova.pdf (date of the address: 10.03.2014).
28. Tsinchenko G. M. *Policy concerning children without parental support* [Politika v otnoshenii detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei]. // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 9. P. 62–69.
29. Jung C. *Spirit and myth: 6 types* [Dusha i mif: 6 arkhetipov]. M., 1996.
30. Levis R. A., Spanier G. B. *Theorizing about the quality and stability of marriage* // Contemporary theories about the family / W. R. Burr, R. Hill, F. I. Nye, I. L. Reiss (Eds.). Vol. 1. N. Y.: Free Press, 1979.

Договор о транспортно-экспедиционной деятельности в структуре мультимодальных отношений

Бутакова Надежда Александровна
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры гражданского и трудового права
Кандидат юридических наук
nadbutakova@gmail.com

РЕФЕРАТ
В статье рассматриваются правовые аспекты транспортно-экспедиционной деятельности, которые связаны с участием экспедиторов в операторском бизнесе. Автор анализирует договор о транспортно-экспедиционной деятельности, дает его сравнительную характеристику с договорами поручения, комиссии, агентским, определяет место договора о транспортно-экспедиционной деятельности в мультимодальных отношениях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
договор о транспортно-экспедиционной деятельности, экспедитор, оператор, договор мультимодальной перевозки

The Contract on Forwarding Activity in Structure of the Multimodal Relations

Butakova Nadezda Aleksandrovna
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Civil and Labor Law
PhD in Jurisprudence
nadbutakova@gmail.com

ABSTRACT
This article considers fundamental tendencies of development of transport and forwarding activity, which are connected with participation of freight forwarders in the operator's business. The author analyzes the freight forwarding contract, gives it a comparative characteristic of contracts of Agency, Commission, determines the place of the freight forwarding contract in multimodal relations.

KEYWORDS
freight forwarding contract, freight forwarder, operator, multimodal transport contract

Договор транспортно-экспедиционной деятельности во многом похож, а в чем-то конкурентен с договором мультимодальной перевозки. Дело в том, что на практике различают экспедиторский бизнес и операторский. Если экспедитор осуществляет экспедиторскую деятельность, то оператор выступает как организатор мультимодальной перевозки. Однако российское законодательство не различает этих двух дефиниций. Если понятие экспедитора и экспедиторской деятельности определено в законе, то закон о прямой смешанной (мультимодальной) перевозке не принят.

Так, согласно ст. 801 ГК РФ[1], договор транспортной экспедиции определяется как обязанность одной стороны (экспедитора) выполнить или организовать выпол-

[1] *Гражданский* кодекс Российской Федерации (часть вторая): от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 14.06.2012 г.) // Собрание законодательства РФ (СЗРФ). 1996. № 5. Ст. 410.

нение услуг, связанных с перевозкой груза, которые клиент обязан оплатить, а также выплатить экспедитору его вознаграждение. Экспедитор может действовать как от имени клиента, так и от своего имени, а спектр оказываемых им услуг определяется в договоре. Необходимым условием является то, что данные услуги должны быть связаны с перевозочной деятельностью. Услуги можно подразделить на основные — это непосредственно перевозка груза по маршруту, определяемому экспедитором или клиентом, и дополнительные — связанные с осуществлением таможенных формальностей, стивидорные услуги, проверка количества и состояния груза, хранение груза и т. д. В соответствии с п. 3 ст. 801 ГК РФ принят специальный Федеральный закон от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» (далее — Закон о транспортно-экспедиционной деятельности. — Прим. Н. А.)[1], нормы которого имеют приоритет перед соглашением сторон.

В гражданском законодательстве договор о транспортно-экспедиционной деятельности является самостоятельным видом договора, хотя представляет собой сочетание элементов различных видов обязательств: перевозки, поручения, комиссии, агентского, хранения и т. д. Тем не менее обязательство о транспортно-экспедиционной деятельности гораздо шире приведенных примеров договоров и не укладывается в рамки только перевозки или комиссии, поэтому и имеет вполне самостоятельный характер.

Изначально деятельность экспедиторов выражалась в форме посреднических услуг в области транспорта, однако со временем все серьезнее проявляется стремление экспедиторов, с одной стороны, расширить сферу оказываемых услуг, а с другой, диверсифицировать спектр своих услуг и стабилизировать свое положение на рынке путем расширения видов деятельности и перераспределения финансовых потоков за счет получения доходов от другой деятельности.

Аналогично действовали и перевозчики, расширяя свою деятельность за счет оказания дополнительных услуг. Экспедирование разрастается и конкурирует с перевозочной деятельностью. Так, обязательства по транспортно-экспедиционному обслуживанию грузовладельцев могут осуществляться перевозчиком груза на основании договора перевозки (п. 2 ст. 801 ГК). В этом случае договор перевозки содержит в себе элементы договора транспортной экспедиции, т. е. приобретает черты смешанного договора. Поэтому при нарушении перевозчиком обязательств по транспортно-экспедиционному обслуживанию он несет ответственность согласно Закону о транспортно-экспедиционной деятельности.

В настоящее время экспедирование находится на этапе преобразования. По существу, экспедиторы всех размеров проходят период роста, поглощений, объединений и стратегических союзов. Экспедиторы вынуждены отказываться от предоставления только традиционных услуг и брать на себя большую роль в логистических операциях в осуществлении смешанного сообщения. Сейчас это относится преимущественно к крупным экспедиторам, многие из которых постепенно внедряются в информационно-логистические управления, транспорт, хранение, консультирование и т. д. Серьезным импульсом для такого перехода служит конкуренция со стороны перевозчиков, отправителей, т. е. как внутриотраслевая, так и межотраслевая конкуренция.

Таким образом, постепенно экспедиторы, увеличивая набор предоставляемых услуг, перерастают в операторов смешанной перевозки. Можно утверждать, что традиционное экспедирование не имеет будущего, так как потребности рынка транспортных услуг требуют управления всей цепочкой поставки. Однако то, что экспедирование является ядром, первой ступенью развития глобального операторского бизнеса — это несомненно.

---

[1] *О транспортно-экспедиционной* деятельности: Федеральный закон от 3 июля 2003 г. № 87-ФЗ // СЗРФ. 2003. № 27 (часть I). Ст. 2701.

Договор о транспортно-экспедиционной деятельности является консенсуальным, двусторонним, взаимным и возмездным. Понятие консенсуальности договора транспортной экспедиции заложено в ст. 781 ГК РФ и выражается в том, что экспедитор обязуется за вознаграждение и за счет другой стороны выполнить или организовать выполнение определенных договором экспедиции услуг, связанных с перевозкой груза. При этом в законе факт возникновения правоотношений транспортной экспедиции никак не связан с передачей вещи, что является необходимым признаком реального договора. Следовательно, обязательства транспортной экспедиции возникают в момент достижения сторонами соглашения об оказании транспортно-экспедиционных услуг и подписания договора.

По мнению В. В. Витрянского, экспедиционные услуги возникают из факта подписания соглашения независимо от того, выполняет ли экспедитор данные услуги своими силами или с привлечением третьих лиц. Более того, консенсуальный характер договора транспортной экспедиции сохраняется и в том случае, когда экспедитор выполняет экспедиционные услуги «с вверенным ему грузом», поскольку получение груза экспедитором от клиента представляет собой исполнение обязательств по договору транспортной экспедиции, а значит, эти обязательства возникают с момента подписания данного договора [1, с. 46–47].

Сегодня экспедиторы выполняют как посреднические, так и организационные функции. Причем чем крупнее экспедитор, тем явнее проявляется его организационная деятельность. С дальнейшим укрупнением бизнеса экспедитора он в конце концов утрачивает свою исключительно экспедиторскую сущность, перерастает в ранг оператора смешанной перевозки, а спектр экспедиторских услуг поглощается операторским бизнесом. Поэтому с учетом того что современный экспедитор, даже если он является классическим мелким экспедитором, обслуживающим узкую нишу в одном направлении деятельности, его личное участие в исполнении договора или выполнение представительских функций все равно будут связаны с организационной деятельностью. В связи с чем договор будет иметь исключительно консенсуальный характер.

Договор транспортной экспедиции может иметь черты обязательств по поручению, комиссии, агентированию, оказанию услуг, перевозке.

Так, договор транспортной экспедиции будет близок к договору поручения в случае, если экспедитор выступает во взаимоотношениях с клиентом от его имени и за его счет. Например, это может быть выполнение таможенных формальностей, страхование груза и т. д. В. В. Витрянский определил главный момент соотношения договора транспортной экспедиции и договора поручения в том, что договор транспортной экспедиции в некоторых случаях может включать в себя отдельные элементы обязательства, вытекающего из договора поручения [Там же, с. 66].

Договор транспортной экспедиции может иметь сходство с договором комиссии, если экспедитор действует от своего имени, а не от имени клиента. Данный договор будет иметь вид договора комиссии, в частности, в следующих случаях: фрахтование судов, аренда самолетов; заключение стивидорных и тальманских контрактов; аренда и субаренда терминалов, причалов, подъездных путей, контейнеров, трейлеров; оформление поручений на выполнение транспортно-экспедиторских услуг и работ с грузами (например, перемаркировка, ремонт тары, перегрузка и т. д.). Исполнение экспедиторского поручения на основе договора комиссии предоставляет экспедитору определенную хозяйственную самостоятельность. Клиент же, в свою очередь, может распределить свои транспортно-логистические операции между несколькими экспедиторами [2, с. 131].

Основное различие договора транспортной экспедиции с договором комиссии заключается в цели договора. Так, целью договора транспортной экспедиции является обеспечение перевозки груза, а целью договора комиссии — заключение

сделки с третьими лицами и представление интересов комитента в этих сделках. По договору комиссии комиссионер, заключая сделки с третьими лицами, во всех случаях действует от своего имени и приобретает права и обязанности, вытекающие из этих сделок, для себя; экспедитор же, вступая в сделки с третьими лицами, может действовать как от своего имени, так и от имени клиента и по доверенности последнего. В первом случае экспедитор приобретает права и обязанности по заключенным сделкам для себя, а во втором — управомоченным и обязанным лицом по указанным сделкам становится непосредственно клиент. При этом действия экспедитора по заключению сделок от своего имени, но в интересах клиента имеют сходство с договором комиссии, но представляют собой лишь один из возможных вариантов действий экспедитора, исполнение которых не исчерпывает предмета договора транспортной экспедиции [1, с. 72].

Оформление договора экспедиции по модели агентского договора одновременно дает экспедитору возможность расширить рамки своей предпринимательской инициативы, заключать договоры не только от имени клиента, но и от своего имени, а также совершать в интересах клиента как юридические, так и фактические действия. Особенностью агентского договора является возможность, предоставленная законом, определить границы региона обслуживания и исключительное положение агента (ст. 1007 ГК РФ).

Так, например, очень часто судовладельцы предпочитают назначать эксклюзивных судовых агентов в наиболее часто заходимых портах определенного региона плавания, которые осуществляют индивидуальное или приоритетное обслуживание судозаходов данного судовладельца. Поэтому к заключению агентского договора экспедитор прибегает, когда либо ему самому, либо его клиенту требуется обеспечить определенный уровень эксклюзивного предпринимательского взаимодействия.

Хранение груза также является одной из обязанностей экспедитора. И здесь возможны два варианта рассмотрения обязательств по хранению. Первый вариант, когда обязательство по хранению входит в состав экспедиционного обязательства. В данном случае, даже если обязательства по хранению груза специально не оговорены в договоре транспортной экспедиции, будет подразумеваться, что экспедитор обязан осуществить хранение груза в рамках традиционного набора экспедиторских услуг: прием груза, погрузка на транспортное средство, перегрузка, перевалка, доставка груза в пункт назначения, выгрузка и выдача его получателю; и при всем этом требуется обеспечить сохранность груза. Второй вариант — это когда обязательство по хранению груза включено в текст договора. В этом случае договор транспортной экспедиции имеет вид договора складского хранения как самостоятельного обязательства, а договор будет носить характер смешанного договора.

Договор транспортной экспедиции также будет включать в себя обязательства по перевозке. В данном случае экспедиторы делятся на две категории. Первая категория — экспедиторы, не владеющие транспортными средствами, которые должны от своего имени заключить договоры с фактическими перевозчиками о доставке груза, переданного клиентом. Вторая категория — экспедиторы, владеющие транспортными средствами и оказывающие услуги по перевозке в рамках договора транспортной экспедиции. Здесь экспедитор выступает в качестве фактического перевозчика. Однако независимо от того, фактическим или номинальным перевозчиком является экспедитор, его ответственность перед клиентом такая же, как у перевозчика (п. 2 ст. 6 Закона о транспортно-экспедиционной деятельности). Поэтому на него распространяются правила гл. 40 ГК РФ, а также соответствующие положения транспортных уставов и кодексов; договор следует квалифицировать как смешанный.

Таким образом, договоры перевозки и транспортной экспедиции в любом случае являются «самостоятельными однопорядковыми обязательствами» [3, с. 20]. В случае когда в договор транспортной экспедиции включаются дополнительные обязательства, такой договор следует считать смешанным и к отношениям сторон применять элементы обязательств, содержащихся в смешанном договоре.

При смешении обязательств по перевозке и транспортной экспедиции деятельность транспортного экспедитора проявляется в двух качествах: договорного перевозчика (принципала) и посредника (агента). Особенно ярко такая тенденция выражена при правовом регулировании деятельности крупных экспедиторов, выступающих в качестве операторов смешанной перевозки грузов.

Следовательно, характеризуя договор транспортной экспедиции как самостоятельный вид договора, мы вынуждены констатировать, что на практике возникает достаточное количество ситуаций, когда при смешении выполняемых услуг их регулирование не укладывается только в рамки договора транспортной экспедиции, договорное регулирование принимает смешанный характер, когда услуги, объединенные единым производственным процессом, регулируются разными нормами права.

Из изложенного явствует, что сфера транспортного организационного бизнеса, когда фактические исполнители услуг зачастую настолько удалены от непосредственного потребителя в связи с наличием горизонтальной или вертикальной системы развитого посредничества (оператор нанимает морских агентов, морские агенты нанимают стивидоров и т. д.), что эти обязательства не укладываются уже в рамки экспедиторства. И здесь полноценной заменой выступает договор прямой смешанной (мультимодальной) перевозки.

Литература

1. *Витрянский В. В.* Договоры о транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. М.: Статут, 2003. 320 с.
2. *Метелева Ю. А.* Товарный оборот. Право. Практика. Тенденции регулирования. М.: Юриспруденция, 2008.
3. *Морозов С. Ю.* К вопросу о соотношении договоров транспортной экспедиции и перевозки грузов // Транспортное право. 2003. № 2. С. 18–20.

References

1. Vitryansky V. V. *Contracts on transport expedition and other services in the transport sphere* [Dogovory o transportnoi ekspeditsii i inykh uslugakh v sfere transporta]. M.: Statute, 2003. 320 p.
2. Meteleva Yu. A. *Commodity turn. Right. Practice. Regulation tendencies* [Tovarnyi oborot. Pravo. Praktika. Tendentsii regulirovaniya]. M.: Law [Yurisprudentsiya], 2008.
3. Morozov S. Yu. *On a question of a ratio of contracts of transport expedition and transportation of goods* [K voprosu o sootnoshenii dogovorov transportnoi ekspeditsii i perevozki gruzov] // Transport law [Transportnoe pravo]. 2003. N 2. P. 18–20.

Александрова С. П.

Реализация Конвентом обещаний, данных Карлом II в Бредской декларации

Александрова Светлана Петровна
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры гражданского и трудового права
Кандидат юридических наук, доцент
svetaabandon@gmail.com

РЕФЕРАТ
В статье рассматривается вопрос о реализации Конвентом тех обещаний, которые были даны Карлом II в Бредской декларации при реставрации монархии в Англии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
Конвент, Карл II, Бредская декларация

Aleksandrova S. P.

The Convent's Realization the Promises Which Was Give by Charles II in the Declaration of Breda

Aleksandrova Svetlana Petrovna
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of Civil and Labour Law
PhD in jurisprudence, Associate Professor
svetaabandon@gmail.com

ABSTRACT
In the article the question of realization by Convention the promises made by Karl II in "Declaration of Breda" at monarchy restoration in England is considered.

KEYWORDS
Convent, Charles II, the Declaration of Breda

В мае 1660 г. в Англии была реставрирована монархия, и для ее реставрации Карл II принял все меры, чтобы заручиться поддержкой парламента, армии и Лондона. Но главную роль в этом сыграла Бредская декларация. Как писал А. Каррель, «если у Конвента и были какие-то колебания относительно желательности восстановления монархии в Англии, то Бредская декларация прекратила все колебания в парламенте»[1].

В Бредской декларации Карл II:

- обещал прощение всем, независимо от степени вины, кто в течение 40 дней прибегнет к его милости и выразит свое желание каким-либо публичным образом, за исключением тех, кто будет впоследствии исключен парламентом из билля об амнистии;
- обещал также, что никакое преступление, совершенное до издания этой Декларации против него или его отца никогда не будет служить предметом обвинения, и призывал своих подданных к объединению под его защитой для восстановления его и их прав в свободном парламенте, с которым обещал советоваться;

[1] *Каррель А.* История контрреволюции в Англии при Карле II и Якове II. С.-Петербург: Издание Николая Тиблена, 1866. С. 64, 66–67.

- объявлял о свободе вероисповедания, «поскольку страстность и жестокость времени привели к возникновению различных мнений в религии, благодаря которым люди были вовлечены в партии и во враждебные действия друг против друга»;
- объявлял о том, что «никто не будет подвергаться гонениям за различие в религиозных взглядах, которые не будут нарушать мира в королевстве, и что он готов согласиться с актом парламента, который будет ему представлен для полной гарантии свободы вероисповедания»;
- желал, «поскольку во время революции много земель было даровано солдатам и офицерам и приобретено ими и другими», чтобы «все, что касается таких продаж, даров и покупок, было определено парламентом, который может наилучшим образом обеспечить справедливое удовлетворение всем, кого это касается»;
- был готов согласиться с любым актом парламента для полной выплаты задолженности солдатам и офицерам генерала Монка [3, p. 57–58].

Обещания, данные Карлом II в Бредской декларации, были реализованы Конвентом следующим образом. Меньше всего споров в Конвенте и требований со стороны Карла II вызвал вопрос о роспуске армии, поскольку и Карл II, и Конвент видели в сохранении армии опасность для себя. Именно в армии в ее низах были сильно распространены демократические идеи, и именно армия с момента смерти Кромвеля определяла того, кто должен стоять у власти. Об этом М. Эшли писал, что первым вопросом, который встал перед Карлом II после реставрации, был вопрос о том, стоит ли для поддержания своей позиции сохранять постоянную армию. Сомнения Карла II, как далее писал М. Эшли, состояли в том, что, несмотря на лояльность генерала Монка, «было явно чрезвычайно опасно сохранять силу столь долго преданную идеям Кромвеля и республики» [1, p. 371].

План роспуска армии, подготовленный Комитетом по делам армии [2, col. 115], палата Общин получила 30 августа 1660 г., и в результате его обсуждения палата решила:

1. «Все вооруженные силы, имеющиеся в настоящее время в Англии, независимо от того, находятся ли они в Англии, в Шотландии или еще где-нибудь, должны быть распущены так скоро, как возможно.

2. Солдатам и офицерам, находящимся в армии и гарнизонах на 25 апреля 1660 г. и не уволенным за отказ принести присягу на верность короне и признания короля главой церкви, должно быть выплачено их содержание, с учетом их задолженности за жилище» [2, cols. 116–117].

На основании данного решения палаты общин были приняты два акта: «Акт для быстрого роспуска армии и гарнизонов королевства» [3, p. 802–803] и «Акт для быстрого обеспечения деньгами роспуска всех вооруженных сил королевства, как морских, так и сухопутных и причитающихся им выплат» [3, p. 313–316]. И армия была распущена.

Вопрос о земельных владениях был одним из самых трудных вопросов, который было необходимо урегулировать Конвенту, поскольку вернувшиеся вместе с королем в Англию дворяне желали получить обратно свои земли. «Акт о продажах», которым должен был быть решен вопрос о земельных владениях тех, кто приобрел земли короны и церкви, так и не был принят Конвентом. Обсуждая данный законопроект 11 июля 1660 г., Конвент решил, что издание билля не требуется, для того чтобы возвратить королю и королеве все принадлежащие им ранее земли и доходы [2, cols. 80–82]. И в этом, как отметил Д. Р. Грин, была заслуга сэра Гайда, благодаря уловкам которого приготовленные для этой цели Конвентом билли были отложены[1].

[1] *Грин Д. Р.* История английского народа. Т. 3. М.: Издание К. Т. Солдатенкова, 1892. С. 287.

В результате все земли, принадлежащие королевской семье, а также церкви, были возвращены [7, p. 98]. Земли таких знатных лиц, как Ньюкастль и Бэкингем, были возвращены им специальным актом Конвента [7, p. 94–95]. Остальному дворянству, пострадавшему во время революции, благодаря своей верности короне были возвращены только конфискованные земли. Земли же, которые были проданы, оставались за теми, кто их приобрел. Но даже конфискованные земли не все были возвращены. После конфискации они неоднократно продавались, и доказать на них права было не так-то просто. Но никаких легальных мер, как отмечал М. Эшли, не было принято, чтобы компенсировать потери их прежним владельцам, которым пришлось через судебные тяжбы пытаться получить обратно свою собственность [1, p. 372]. К. Хилл также указывал на то, что «множество мелких землевладельцев роялистов, которые просто продали свои владения перед бегством из страны, не получили возмещения» [4, p. 58].

Таким образом, как справедливо отметил Д. Р. Джоунс, «второй по важности предмет спора, оставленный на рассмотрение парламента, — вопрос о земельной собственности, проданной или конфискованной в период гражданской войны и междуцарствия, неожиданно стал относительно неважным и в конечном итоге от него избавились, не прибегая к законодательству» [5, p. 135].

Вопрос об амнистии лиц, участвовавших в революции, был тем вопросом, который длительное время обсуждался парламентом. Карл II в Бредской декларации обещал прощение всем, независимо от степени вины, кто прибегнет к его милости в течение 40 дней, за исключением тех, кто будет исключен из акта амнистии парламентом. Следовательно, парламенту было предоставлено право решать, кого следует исключить из акта амнистии.

Палата общин начала обсуждать «Акт об амнистии» в начале июня 1660 г., и уже 12 июня 1660 г. Карл II направил парламенту послание относительно «Акта об амнистии», в котором рекомендовал парламенту со всей возможной скоростью принять столь необходимый акт. Как писал король, благодаря этому акту «добрые подданные не будут более сомневаться в том, что их безопасность находится в их собственных руках и зависит от их действий в будущем, что они не будут ответственны за прошлое, а все старания плохих людей потерпят поражение» [2, cols. 72–73]

После напоминаний короля о необходимости принятия акта от 11 июля 1660 г. был принят общинами и направлен палате лордов [2, col. 73, 80], где подвергся дальнейшему обсуждению. Как отмечал Д. Р. Джоунс, при обсуждении «Акта об амнистии» лорды проявили непонимание необходимости безотлагательного принятия данного акта, внося бесконечные поправки, что «заставило Карла вмешаться в ход обсуждения, для того чтобы билль был наконец принят» [5, p. 134].

27 июля 1660 г. Карл II, желая ускорить принятие акта, обратился с речью к палате лордов, в которой попросил лордов не предаваться злобе и мести, а принять акт, исключив из него тех, кто непосредственно виновен в убийстве его отца. Король также обратил внимание палаты на то, что мир в королевстве не может быть обеспечен до тех пор, пока лица, придерживающиеся опасных принципов, остаются на свободе, и ничто не позволит им причинить больший вред, чем медлительность в принятии акта [2, cols. 89–90]. Таким образом, хотя король призывал не предаваться злобе и мести, в речи, произнесенной перед лордами, он нарушил свое обещание, данное в Бредской декларации, и прямо указал, кого следует исключить из «Акта об амнистии».

Карл II, как писал Д. Р. Джоунс, был заинтересован в быстром принятии «Акта об амнистии», поскольку акт «являлся необходимой предпосылкой для восстановления старого порядка» [5, p. 133]. Но, несмотря на явное желание Карла II как можно быстрее принять «Акт об амнистии», палата лордов только 10 августа приняла данный акт с большим количеством поправок [2, col. 93] и 11 августа 1660 г.

передала его палате общин [2, col. 96]. Затем данный акт обсуждался палатами парламента на четырех конференциях, и сначала из амнистии были исключены только семь из оставшихся в живых судей Карла I, но по мере обсуждения билля благодаря усилиям роялистских фанатиков из него были исключены почти все оставшиеся в живых судьи[1]. После четвертой конференции, состоявшейся 25 августа 1660 г., акт был окончательно принят [2, cols. 96–111]. 29 августа 1660 г. «Акт о добровольном и всеобщем прощении, амнистии и забвении» был представлен на утверждение спикером палаты общин королю и в тот же день утвержден им [2, cols. 111–114].

В Акте указывалось, что все лица, совершившие различные преступления с 1 января 1637 г. по 24 июня 1660 г., кроме тех, кто будет в дальнейшем исключен из акта, остаются без наказания, получают прощение, им гарантируется безнаказанность, они восстанавливаются в правах, и все, что было, предается забвению [3, p. 164].

Так же, как указано во второй статье акта, лица, которые своими действиями, советом, помощью, поощрениями и рекомендациями способствовали совершению преступлений в указанный период времени, кроме тех, кто будет в дальнейшем исключен из акта, остаются без наказания, получают прощение, им гарантируется безнаказанность, и они восстанавливаются в правах [3, p. 165].

Неконкретность положений акта, который оставлял на усмотрение парламента вопрос о том, кого следует исключить из амнистии, без указания каких-либо критериев такого отбора уже само по себе создавала основу для расширения репрессий. Если к этому добавить требование Карла II исключить из акта тех, кто непосредственно виновен в убийстве его отца, и тех, кто придерживается столь опасных принципов, что мир в королевстве не может быть обеспечен, пока они остаются на свободе, то это также создавало в дальнейшем возможность для расширения репрессий. Из сферы действия акта впоследствии были исключены многие деятели революции, и парламент начал судебные преследования лиц, принимавших участие в революции.

Для рассмотрения религиозного вопроса палата общин создала комитет. Результатом деятельности комитета стало решение от 16 июля 1660 г., оставляющее рассмотрение вопроса о церковном устройстве на усмотрение «короля и тех духовных лиц, которые будут им выбраны для этого», а в деятельности комитета был объявлен перерыв до 22 октября 1660 г. [2, cols. 79–80, 82, 84]. Это свидетельствовало о том, что комитет не смог предложить такое решение вопроса о религии, которое обеспечило бы веротерпимость, которую, как справедливо отметил Р. Лодж, необходимо было разделить с католиками, индепендентами, анабаптистами и пресвитерианами [6, p. 13].

Перерыв в деятельности комитета позволил Карлу II подготовить и обнародовать 25 октября 1660 г. «Декларацию ко всем преданным его подданным Англии и доминиона Уэльс относительно церковных дел» [2, cols. 131–141], где предлагался компромисс между протестантами и англиканами.

В статье первой декларации король довел до всеобщего сведения, что его «целью и решением является и будет являться поддержка набожности, поощрение осуществления культа как публично, так и лично, забота о соблюдении воскресенья без излишних развлечений; и что несоответствующим нерадивым и скандальным священникам не будет позволено оставаться в церкви». Кроме того, король пообещал оставить на своих местах тех епископов, «которые в течение своей жизни были людьми образцового благочестия, которое они проявили и в дни последних беспорядков» [3, p. 367].

---

[1] *Грин Д. Р.* История английского народа. Т. 3. М.: Издание К.Т. Солдатенкова, 1892. С. 286.

В статье второй декларации содержится обещание назначить в епархии «такое количество епископов, которое будет достаточным для лучшего исполнения их работы», поскольку епархии занимают большие территории [3, p. 387].

Статья третья декларации запрещала:

- епископам «посвящать в духовный сан или осуществлять какую-либо юрисдикцию, относящуюся к церковному порицанию, без совета и содействия пресвитериан»;
- канцлеру епархии, судье Кентерберийского епархиального суда или члену церковного суда осуществлять какую-либо юрисдикцию, относящуюся к церковному порицанию, в частности при отлучении от церкви, отпущении грехов «или в чем другом, касающемся священников, со ссылкой на их пастырские обязанности». При этом указанные лица не могли вынести решение об отлучении от церкви или отпущении грехов «или быть судьей в делах касающихся священников, как вышеупомянуто»;
- архидьяконам[1] осуществлять «какую-либо юрисдикцию без совета и содействия шести священников подвластной ему территории, из которых три назначаются епископом и три выбираются большинством пресвитериан подвластной архидьякону территории» [3, p. 367–368].

В статье четвертой декларации Карл II проявил заботу о том:

- чтобы «по службе продвигались наиболее обученные и благочестивые пресвитериане епархии», что необходимо для того, чтобы «деканы[2] и собрания каноников были лучше подготовлены к тому, чтобы быть в состоянии давать советы и содействовать епископам как при рукоположении в духовный сан, так и в других церковных обрядах»;
- чтобы «количество священников, входящих в собрание каноников епархии, соответствовало количеству наиболее ученых, благочестивых и благоразумных пресвитериан той же самой епархии, ежегодно избираемых большинством голосов всех пресвитериан этой епархии, участвующих в таких выборах»;
- чтобы пресвитериане, избранные для участия в собрании каноников епархии, всегда принимали участие в заседаниях собрания каноников епархии «при посвящении в сан и при осуществлении любой другой юрисдикции, относящейся к церковному порицанию и всем другим, серьезным и важным действиям при осуществлении церковной юрисдикции»;
- чтобы на собраниях каноников епархии число священников, входящих в это собрание, и число избранных для этой цели пресвитериан было равным и не превышало друг друга. При превышении количества священников, участвующих в собрании, должен быть исключен самый младший из них, поскольку остаться должны самые мудрые»;
- чтобы «любой из викарных епископов должен посвящать в духовный сан или осуществлять упомянутые выше церковные обряды и акты духовной юрисдикции только по совету и при содействии наиболее здравомыслящих и благочестивых пресвитериан, ежегодно избранных как указано выше, на принадлежащих викарным епископам территориях»;
- чтобы «посвящение в сан постоянно и торжественно осуществлялось епископами и пресвитерианами в установленное церковью для этих целей время и сроки» [3. p. 368].

Статья пятая декларации посвящена конфирмации. В ней Карл II обещал проявить заботу о том, чтобы конфирмация совершалась торжественно и должным образом,

---

[1] Архидьякон — духовное лицо ниже сана епископа, осуществляющее надзор над сельскими дьяконами и возглавляющее церковный суд низшей инстанции с правом духовного порицания.

[2] Декан — титул старшего после епископа духовного лица в англиканской церкви.

о ней было объявлено заранее и на ее проведение было получено согласие священника. Священник должен был допустить к причастию только тех, кто проявил свою твердость в вере, и не допускать тех, кто не проявит «намерения к раскаянью и исправлению их прошлых дурных жизней, как это требуется по церковным канонам» [Ibid.].

Жалобы лиц, не допущенных к причастию, подавались священникам и церковным старостам приходов. Такие жалобы рассматривались раз в месяц «лицами, имеющими права голоса, и их пресвитериями, вместе с благочинными, назначенными епископом епархии, и тремя или четырьмя священниками, избранными большинством священников церковного округа» [Ibid.].

Также было установлено, что «благочинный и его помощники должны наблюдать за обучением основам христианства детей и молодежи священниками каждого прихода и быть готовы представить отчет об их лояльности и знаниях и провести с ними религиозную беседу перед тем, как они будут допущены к причастию епископом» [Ibid.].

Статья шестая декларации обязывала епископов «не осуществлять свою власть произвольно, а действовать в отношении духовенства и народа в соответствии с существующими законами» [3, p. 369].

Порядку отправления церковной службы посвящена статья седьмая декларации. Сначала Карл II сообщал своим подданным о том, что, по мнению всех, с кем он советовался, литургия или установленный порядок церковной службы является законным, что, по его мнению, является необходимым для сохранения единства и единообразия в церкви. И он сам оценивает литургию церкви Англии, содержащуюся в требнике и установленную законом, лучшей из тех, какие он знает. Но поскольку были обнаружены положения, противоречащие тому, что содержится в требнике, то будет назначена комиссия, состоящая из равного количества ученых богословов от обоих вероисповеданий, чтобы проверить их и внести необходимые изменения [3, p. 369].

В восьмой статье декларации Карл II высказывает свое мнение по поводу «обрядов, давших повод для разногласий и споров, которые были введены мудростью и властью церкви в целях наставления и совершенствования благочестия». «Мы только можем сказать, — указано в Декларации, — что с уважением относится ко всем и с почтением к большинству из них, находивших применение в тех церквях, где большинство из них упразднено или не вызывает одобрения» [3, p. 369].

По мнению короля, «любая национальная церковь, с одобрения и разрешения верховной власти, может вводить определенные обряды, которые при данном стечении обстоятельств представляются наиболее подходящими для наставления и необходимого улучшения благочестия и набожности народа, хотя их применение и не предусмотрено Библией». В создавшихся условиях главным является «удовлетворение совести тех лиц, которые огорчены тем, что определенные обряды используются благодаря их снисходительности, а без других обходятся благодаря их упущению». Но «при этом не имеется в виду полностью отменить обряды, которые установлены на основании закона (но если они применялись вопреки закону, то должны быть прекращены), поскольку это будет несправедливо и плохим примером, и совесть одних будет обманчиво удовлетворена за счет совести других» [3, p. 369].

Таким образом, Карл II предложил в декларации компромиссное решение религиозного вопроса, пытаясь как-то смягчить религиозные противоречия между англиканами, умеренными пресвитерианами и индепендентами. В принципе декларация Карла II могла бы иметь успех, но, как писал Д. Р. Грин, часть духовенства, которая состояла из индепендентов, никогда бы не согласилась с епископством[1].

[1] *Грин Д. Р.* История английского народа. Т. 3. М.: Издание К. Т. Солдатенкова, 1892. С. 289.

Попытка превратить декларацию в билль потерпела неудачу. Первое чтение билля состоялось 28 ноября 1660 г., и итог длительному обсуждению билля был подведен адвокатом высшей категории Мэйнардом, который высказался против билля на том основании, что тот предоставит слишком большую свободу при решении религиозных вопросов. По его просьбе вопрос о втором чтении билля был поставлен на голосование. 153 депутата были за проведение второго чтения, а 188 депутатов были против второго чтения билля [2, cols. 152–154]. На этом процесс принятия билля был завершен.

Провалу билля, как писал Д. Р. Грин, способствовала оппозиция епископальной партии, которая была тайно поддержана роялистской частью министерства. При отсутствии парламентского акта, которым было бы определено церковное устройство, изгнанные ранее священники получили обратно свои приходы, епископы были возвращены в свои епархии, а роспуск Конвента в декабре 1660 г. означал конец надежды на достижение религиозного компромисса[1].

Но восстановление епископальной церкви не означало, как отмечал К. Хилл, что она вернула себе полностью то положение, в котором она находилась до революции. Церковь после реставрации, как далее пишет К. Хилл, уже не обладала прежней независимой властью и монополией на обработку общественного мнения, перестав быть инструментом власти. Если при Карле I епископы были «наиболее преданными ему рабочими инструментами», то в правление Якова II епископы стали первыми, кто отказался ему подчиняться [4, p. 58].

Таким образом, как и было обещано в Бредской декларации, именно Конвент рассматривал и принимал решения по вопросам об армии, церкви, возврате земель и амнистии, хотя и не без влияния самого Карла II. Можно сказать, что вопрос об армии был решен к обоюдному удовлетворению как короля, так и парламента. В вопросе об амнистии Конвент не только выполнил требования короля о привлечении к суду лиц, осуществлявших суд над Карлом I, но и расширил репрессии по собственному усмотрению. Вопрос о возврате земельных владений не был разрешен парламентом на уровне принятия общего билля, где бы были четко прописаны положения о том, каким лицам земли просто возвращаются, а каким — при соблюдении определенных условий. Так же и вопрос о религии. Существующие между членами парламента противоречия по поводу устройства церкви не позволили парламенту принять акт, которым бы определялось церковное устройство, что привело к восстановлению англиканской церкви. Кроме того, благодаря деятельности Конвента экономические результаты революции в виде отмены рыцарских держаний и феодальных повинностей, права парламента вотировать налоги были сохранены. Чрезвычайные суды также не были восстановлены. Были признаны действующими все акты парламента, принятые в период с 3 ноября 1640 г. по август 1642 г., на которые было получено согласие короля. Все это свидетельствовало о том, что в Англии была восстановлена не абсолютная, а дуалистическая монархия, а Карлу II пришлось пока довольствоваться ролью конституционного монарха.

Литература

1. *Ashley M.* Great Britain to 1688. Anne Arbor: University of Michigan Press, 1961.
2. *Cobbett's* Parliamentary History of England from the Norman Conquest in 1066, to the year 1803. Vol. IV. London: Printed by T. Curson Hansard, Peterborough-court, Fleet-street, 1808.
3. *English* Historical Documents, 1660–1714. Vol. VIII / Edited by A. Browning. London: Eyre and Spottiswoode, 1966.
4. *Hill Ch.* The English revolution 1640. London: University of Michigan Press, 1955.

[1] Там же.

5. *Jones J.R.* Country and Court England, 1658–1714. Harvard, Cambridge, Massachusetts: The University Press, 1978.
6. *Lodge R.* The History of England from the Restoration to the death of William III. 1660–1702. London, N.Y., Bombay and Calcutta: Longmans, Green, and Co., 1910.
7. *The Cambridge* Modern History / Edited by A.W. Ward, G.W. Prothero, S. Leathers. Vol. V. Cambridge: The University Press, 1908.

References

1. Ashley M. *Great Britain to 1688*. Anne Arbor: University of Michigan Press, 1961.
2. *Cobbett's Parliamentary History of England from the Norman Conquest in 1066, to the year 1803*. Vol. IV. London: Printed by T. Curson Hansard, Peterborough-court, Fleet-street, 1808.
3. *English Historical Documents, 1660–1714*. Vol. VIII / Edited by A. Browning. London: Eyre and Spottiswoode, 1966.
4. Hill Ch. *The English revolution 1640.* London: University of Michigan Press, 1955.
5. Jones J.R. *Country and Court England, 1658–1714*. Harvard, Cambridge, Massachusetts: The University Press, 1978.
6. Lodge R. *The History of England from the Restoration to the death of William III. 1660–1702.* London, N. Y., Bombay, and Calcutta: Longmans, Green, and Co., 1910.
7. *The Cambridge Modern History* / Edited by A.W. Ward, G.W. Prothero, S. Leathers. Vol. V. Cambridge: The University Press, 1908.

Чимаров С. Ю.

Обер-священник армии и флота России П. А. Моджугинский: страницы истории армейского и флотского духовенства (13.11.1826–3.09.1827)

Чимаров Сергей Юрьевич
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой управления общественными отношениями
Доктор исторических наук, профессор
chimarov@szags.ru

РЕФЕРАТ
Статья посвящена деятельности третьего в истории Вооруженных сил России обер-священника армии и флота П. А. Моджугинского, закономерному взлету его по карьерной линии и резкому низложению до уровня иеромонаха отдаленной обители. Короткий период служения П. А. Моджугинского на посту обер-священника армии и флота отмечен разработкой инструкции военному духовенству, увеличением численности своей канцелярии и некоторой регламентацией культовой стороны военной службы евреев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
обер-священник армии и флота, благочинный, иеромонах, военное духовенство

Chimarov S. Yu.

The Russian Army and Navy Ober-priest P. A. Modzhuginsky: the Pages Ofhistory of the Army and Navy Clergy (13.11.1826–3.09.1827)

Chimarov Sergey Yuryevich
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of the Public Relations Management
Doctor of Science (History), Professor
chimarov@szags.ru

ABSTRACT
The article is devoted to the activity of P. A. Modzhuginsky, the third ober-priest of the Army and Navy in the history of Russian Armed Forces, his natural career promotion anddramaticdepositionto level of the hieromonk of there mote monastery. The short period of service of P. A. Modzhuginsky on the post of the Army and Navy ober-priest is marked by development of the instructions for military clergy, increase in number of the office and some regulation of the cult party of military service for Jews.

KEYWORDS
the Army and Navy ober-priest, rural dean, hieromonk, military clergy

После смерти в марте 1826 г. И. С. Державина[1] третьим по счету руководителем военно-церковного правления в Вооруженных силах Российской империи, а именно обер-священником армии и флота стал Павел Антонович Моджугинский. Лич-

[1] Наиболее подробно о деятельности обер-священника армии и флота И. С. Державина см.: «Попечительская деятельность обер-священника армии и флота И. С. Державина (1807–1827) по совершенствованию системы подготовки военного и морского духовенства Российской империи // Управленческое консультирование. 2013. №3. С. 106–111.

ность П. А. Моджугинского в историческом плане привлекательна тем, что, имея несомненные личностные заслуги в деле 20-летнего духовно-нравственного служения по окормлению воинов непосредственно в условиях гарнизонной, походной и боевой службы, священнослужитель волею судеб и с высочайшего императорского соизволения занял высший пост в иерархии военного духовенства, продержался в должности обер-священника армии и флота менее одного года и при весьма туманных обстоятельствах в звании иеромонаха был отправлен в обособленную монашескую обитель (пустынь), где и провел остатки своей жизни в смиренном уединении.

По завершении обучения в Черниговской духовной семинарии П. А. Моджугинский исполнял обязанности эконома, а после принятия в 1798 г. священнического сана стал преподавателем риторического класса в родной ему духовной школе. В 1803 г. о. Павел определяется священником в Куринский мушкетерский полк (с 22.02.1811 г. — Куринский 79-й пехотный полк, с 30.03.1834 г. — Куринский егерский полк).

Полковой священник П. А. Моджугинский неотлучно находился с личным составом своего полка в составе оккупационного корпуса, с 1804-го по 1806 г. непосредственно участвующего в боевых действиях против французского воинского контингента на Ионических островах. В 1807 г. Куринский полк был включен в состав Дунайской армии и отличился своими героическими действиями в битвах при блокаде Измаила, а также в штурмовых действиях под Базарджиком, Шумлой и Рущуком. В Отечественной войне 1812 г. воины-куринцы в составе 3-й резервной армии отличились в боях при Городечне, Стахове и Выжве, а в кампании 1813 г. Куринский полк осаживал Торн и участвовал в сражениях при Бауцене, Вайпине, Гольдберге и Гольмансдорфе.

В опубликованном журналом «Вестник военного и морского духовенства» списке священнослужителей — участников Отечественной войны 1812 г. отмечено, что «священник Курского пехотного полка протоиерей Павел Моджугинский находился в действительных сражениях под Витебском, при селе Бородине, Смоленске, Тарутине, Малом Ярославце и за границею до взятия Парижа» [цит. по: 1].

В 1813 г. о. Павел назначается полевым обер-священником 1-й действующей армии. Важно заметить, что многолетняя и чрезвычайно насыщенная трудными походными условиями пастырская служба о. Павла была отмечена заслуженными наградами, в число которых входили:

- скуфья (от греч. — «чаша») — повседневный головной убор православных духовных лиц: фиолетовая бархатная скуфья вручается лицам из числа белого духовенства в качестве церковной награды;
- камилавка (от греч. kamelos — «верблюд») — головной убор священнослужителей красного, фиолетового или черного цвета: с 1798 г. камилавка была отнесена к числу церковных наград;
- золотой наперсный крест от Св. Синода;
- орден Св. Анны II степени. Орден Святой Анны — императорский орден, учрежденный в 1735 г. в качестве династической награды и в 1797 г. введенный императором Павлом I в наградную систему Российской империи для отличия широкого круга государственных чиновников и военных. Орден Св. Анны II степени — крест на шее на ленте шириной 4,5 см («Анна на шее»).

В период с 1813-го по 1824 г. П. А. Моджугинский пребывает в должности полевого обер-священника 1-й действующей армии. В 1824 г. по представлению главнокомандующего 1-й армии за отличия и усердие в службе, примерное преподавание воинам закона Божия император Александр I пожаловал священнослужителю золотые часы.

3 июля 1826 г. высочайшим повелением императора Николая I П. А. Моджугинский назначается исполняющим обязанности по должности обер-священника армии

и флота. По возвращении из Москвы святейшего правительствующего Синода с церемонии, посвященной коронации императора Николая I, последовал высочайший указ от 9 октября 1826 г., согласно которому П.А. Моджугинский утверждается в должности синодального члена с пожалованием ему митры, а соответствующим указом от 13 ноября того же года — в должности обер-священника армии и флота.

12 января 1827 г. обер-священник армии и флота обращается с прошением на имя обер-прокурора Святейшего Синода князя П.С. Мещерского. Суть прошения заключалась в увеличении штатного состава канцелярии обер-священника до следующих пределов: секретарь, помощник секретаря, регистратор, два писца. «На канцелярские расходы при этом затрачивалась сумма в 600 рублей в год. Высочайшее решение по запрашиваемому вопросу состоялось 3 апреля 1827 г., когда император Николай I начертал: «Быть по сему» [2].

Несомненной заслугой нового обер-священника и самым заметным следом за кратковременный период его управления военно-духовным ведомством явилась разработанная лично П.А. Моджугинским «Инструкция благочинному». Вобрав в себя ранее накопленный опыт тридцатилетней практики духовно-нравственного служения военного и морского духовенства, «Инструкция благочинному» после незначительной ее доработки духовником императора Николая I протопресвитером П.В. Криницким в январе 1828 г. была утверждена и с синодального разрешения в качестве руководящего правила направлена священнослужителям армии и флота [3].

Следует заметить, что под благочинным в Русской православной церкви понимается административное должностное лицо, возглавляющее один из округов, на которые разделана епархия. В Вооруженных силах Российской империи должность благочинного была утверждена при императоре Павле I. Изначально в служебных правах и по должностному окладу военный священнослужитель в должности благочинного приравнивался к армейскому чину капитана, с 1859 г. — майора, а с 1889 г. — полковника. Сама же должность благочинного военного духовенства предназначалась для консолидации деятельности подведомственных ему священнослужителей и посреднической миссии между низовым составом священников и высшей духовной властью в армии и на флоте.

Согласно вышеотмеченной инструкции, корпусные или дивизионные благочинные назначались обер-священником армии и флота из числа достойных протоиреев или священников. Благочинные отдельных корпусов, флотских соединений, крепостей и госпиталей все необходимые предписания высшего духовного начальства получали непосредственно от обер-священника армии и флота. Во время походов все необходимые циркуляры в адрес благочинных приходили через полевого обер-священника. Важно и то, что по всем делам своего ведомства дивизионные, корпусные, флотские, крепостные и госпитальные благочинные обязаны были извещать соответствующих командиров и других воинских начальников.

В случае совместных действий армии и флота под началом одного главнокомандующего флотские благочинные поступали под руководство полевого обер-священника армии. Являясь по месту дислокации воинского соединения первенствующим духовным лицом, благочинный «должен быть в достоинстве своего сана осмотрителен, прилежен, трезв, во всех случаях благопристоен, чтобы не подать собою ни в чем случая к соблазну других; и таковое же поведение должен внушать подчиненным ему священникам» [4].

Осматривая подведомственные ему церкви, благочинный обязан был обращать внимание на следующие моменты:

1. поддержание во всех церковных помещениях чистоты;
2. наличие необходимых принадлежностей для совершения христианских треб;
3. «благоговейность» хранения «святых даров»;
4. сохранность ризницы и должный учет материальных ценностей;

5. наличие предусмотренных церковным уставом богослужебных книг и синодальных «на особенные случаи книжицы»;
6. учет церковного денежного прихода и расхода, а также порядок хранения церковной суммы;
7. порядок хранения церковных архивных бумаг [5].

Разработанная П. А. Моджугинским «Инструкция благочинным» стала основным руководящим документом для армейских и флотских благочинных включительно до принятия в 1890 г. «Положения об управлении военным и морским духовенством». В период управления П. А. Моджугинским военно-духовным ведомством на посту обер-священника армии и флота, а именно 27 августа 1827 г. было утверждено «Постановление о военной службе евреев». В силу того что в конфессиональном плане иудаизм в данный период относился к вере терпимой, то евреям-военнослужащим разрешалось посещение синагог. В случае же отсутствия специального помещения для обрядовой иудейской церемонии евреям-военнослужащим разрешалось собираться вместе для совершения необходимых молитвословий и других обрядовых нужд. До 1827 г. воинская служба в России заменялась податью. С 1827 г. евреев стали призывать на 25-летнюю действительную службу. Из каждой тысячи мужчин-евреев на воинскую службу рекрутировалось 10 человек ежегодно. Для сравнения: из каждой тысячи мужчин-христиан на воинскую службу рекрутировалось 7 человек через год.

В сентябре 1827 г. в святейший правительствующий Синод поступил высочайший указ об увольнении обер-священника армии и флота П. А. Моджугинского от занимаемых постов «за болезнью» и назначении местопребыванием ему Валаамского монастыря.

В Валаамском монастыре П. А. Моджугинский пробыл около одного года, а затем обратился с просьбой об увольнении его из монастыря и определении по какой-либо должности по линии военного ведомства. Учитывая просьбу П. А. Моджугинского, император Николай I повелел постричь бывшего обер-священника в монашество и перевести его в один из монастырей, отличающихся строгостью жизни и порядка правления. В последующем, по синодальному указу, П. А. Моджугинский был отправлен в Глинскую пустынь Курской епархии и 4 мая 1831 г. был пострижен в сан иеромонаха под церковным именем Петр. Новопостриженному иноку Петру во имя церковной службы разрешалось иметь все полученные им знаки отличия в период службы в составе белого духовенства, кроме митры. В Глинской пустыни иеромонах Петр провел остаток своей жизни в монашеском служении и «безызвестности» [6].

История не сохранила убедительных свидетельств произошедшего карьерного низложения бывшего обер-священника армии и флота и члена Святейшего Синода П. А. Моджугинского до иеромонашеского уровня рядового церковного священнослужителя — иеромонаха Петра.

К настоящему времени существует три версии о причине освобождения П. А. Моджугинского от должности обер-священника армии и флота.

Версия первая — «*состояние здоровья*»: в официальном указе от 3 сентября 1827 г. отмечается: «присутствующего в Св. Синоде обер-священника армии и флота Павла Моджугинского, уволить за болезнию от нынешних должностей, на место его избрать достойных претендентов и поставить» [7].

Версия вторая — «*финансовая*»: по утверждению обер-секретаря Святейшего Синода и профессора Санкт-Петербургской духовной академии Т. В. Барсова, истинная причина освобождения П. А. Моджугинского от должности обер-священника армии и флота и члена Св. Синода заключается в растрате им казенных денег в личных целях[1].

[1] *Военное* духовенство: [Электронный ресурс]. URL: http://www.drevo-info.ru/articles/4755.html/.

Третья версия — «*бытовая*»: в поведении П. А. Моджугинского была выявлена «предосудительная связь с прислугой» [8; 9].

Литература

1. *Букреева Е. М.* Еще один портрет в галерее участников Бородинского сражения: полковой священник В. Я. Сицилийский: [Электронный ресурс]. URL: http://www.borodino.ru/.
2. *Барсов Т. В.* Об управлении русским военным духовенством. — СПб.: Типография Ф. Г. Елеонского и К°, 1879. С. 86–87.
3. *Карташов А. В.* Очерки по истории Русской церкви. М.: Терра, 1992.
4. *Карчевский С.* «Метеориты» воинской славы: из истории военного духовенства // Наука и религия. 1995. № 2. С. 6–7.
5. *Руководство* по истории Русской церкви. Рязань: Типография наследников З. П. Поздняковой, 1889. С. 144–146.
6. *Карчевский С.* Церковь и армия // Вера и мужество. 1995. № 4. С. 25–26.
7. *Цитович Г.* Храмы Армии и Флота (состояние в ведомстве Протопресвитера военного и морского духовенства). Историко-статистическое описание. Часть 1. Пятигорск: Типо-литография А. П. Нагорова, 1913. С. 9.
8. *Русское* православие: вехи истории: [Электронный ресурс]. URL: http://www.books.saboa.ru/titles/russkoe_pravoslavie.html.
9. *Раздольский С. А.* Монастырские обители юга России, их роль в религиозном и культурном развитии края в XIX — начале XX в.: [Электронный ресурс]. URL: http://www.adygnet.ru/science/razdolskiy/monast/chernomorel.htm/.

References

1. Bukreeva E. M. *One more portrait in gallery of participants of the Borodino battle: regimental priest V. Ya. Sitsiliysky* [Eshche odin portret v galeree uchastnikov Borodinskogo srazheniya: polkovoi svyashchennik V. Ya. Sitsiliiski]: [Электронный ресурс]. URL: http://www.borodino.ru/.
2. Barsov T. V. *On management of the Russian military clergy* [Ob upravlenii russkim voennym dukhovenstvom]. SPb.: Printing house F. G. Eleonsky and Co [Tipografiya F. G. Eleonskogo i K°], 1879. P. 86–87.
3. Kartashov A. V. *Sketches on stories of the Russian Church* [Ocherki po istorii Russkoi Tserkvi]. M.: Terra, 1992.
4. Karchevsky S. *"Meteorites" of military glory: from history of military clergy* [«Meteority» voinskoi slavy: iz istorii voennogo dukhovenstva] // Science and religion [Nauka i religiya]. 1995. N 2. P. 6–7.
5. *Guide to history of the Russian Church* [Rukovodstvo po istorii Russkoi Tserkvi]. Ryazan: Printing house of Successors of Z. P. Pozdnyakova, 1889 [Tipografiya naslednikov Z. P. Pozdnyakovoi]. P. 144–146.
6. Karchevsky S. *Church and army* [Tserkov' i armiya] // Religion and courage [Vera i muzhestvo]. 1995. N 4. P. 25–26.
7. Cytovich G. *Army and Fleet Temples (a state in department of the Protopresbyter of military and sea clergy)* [Khramy Armii i Flota (sostoyanie v vedomstve Protopresvitera voennogo i morskogo dukhovenstva)]. Historical and statistical description. Part 1. Pyatigorsk: Tipo-litografiya of A. P. Nagorov, 1913. P. 9.
8. *Russian Orthodoxy: history milestones* [Russkoe pravoslavie: vekhi istorii]: [Электронный ресурс]. URL: http://www.books.saboa.ru/titles/russkoe_pravoslavie.html.
9. Razdolsky S. A. *Monasteries of the South of Russia, their role in religious and cultural development of edge in XIX — the beginning of the XX centuries* [Monastyrskie obiteli yuga Rossii, ikh rol' v religioznom i kul'turnom razvitii kraya v XIX — nachale XX v.]: [Электронный ресурс]. URL: http://www.adygnet.ru/science/razdolskiy/monast/chernomorel.htm/.

Катцова М. А.

Прибалтика или Скандинавия? К проблеме внешнеполитической ориентации Финляндии в 1920-е гг.

Катцова Мария Андреевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Аспирант IV курса кафедры истории Нового и Новейшего времени
kattsova@gmail.com

РЕФЕРАТ
1920-е гг. стали одним из наиболее проблемных периодов для Финляндии с точки зрения выбора внешнеполитической ориентации. Поскольку финское правительство не определило четкого внешнеполитического курса, развитие отношений с великими европейскими державами в этот период представлялось затруднительным. В этой ситуации во внешней политике Финляндии господствовали две альтернативы, естественные в контексте географии страны, — скандинавская и балтийская. В статье исследуются перспективы двух стратегий регионального сотрудничества для Финляндии, а также вопрос о том, являлись ли они взаимоисключающими или взаимодополняющими с точки зрения финского МИДа в 1920-е гг. Хотя получение военной помощи из скандинавских стран было маловероятно, для Финляндии выгоднее было принадлежать экономически, политически и цивилизационно к Скандинавии, с ее умеренным внешнеполитическим курсом, чем к нестабильной группе стран-лимитрофов. В этой ситуации Финляндия стремилась позиционировать себя скорее северной, нежели балтийской страной. Несмотря на провал попыток совместить балтийскую и скандинавскую ориентации во внешней политике, Финляндия выступала в роли «моста» между Прибалтикой и Скандинавией в Лиге Наций. Нерешительность финской дипломатии в конечном итоге обусловила противоречивость и неэффективность внешней политики Финляндии в 1920-е гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
Финляндия, внешняя политика, Скандинавия, международное сотрудничество, безопасность, Балтийская лига, межвоенный период

Kattsova M. A.

Baltic Countries or Scandinavia? On the Problem of Foreign Policy Orientation of Finland in the Period of 1920s

Kattsova Mariia Andreevna
Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Faculty of History
Graduate student of the fourth year, the Chair of Modern and Current History
kattsova@gmail.com

ABSTRACT
The years of 1920–1929 are considered as one of the most problematic period in history of the foreign policy of Finland. Since Finnish government failed to determine its priorities in the question of the foreign policy orientation, it was hard to establish the international cooperation with the Great European powers. In this situation two major lines, natural from the geographical point of view, were disputed in the Foreign ministry of Finland, specifically Baltic and Scandinavian orientations. The article examines the perspectives of Finland in putting into practice these two strategies of regional cooperation in 1920s, paying special attention to the question whether these orientations were perceived as alternative or complementary in official Finnish foreign policy. Though Finland could hardly reckon on military assistance from Scandinavian countries in case of a new war, Scandinavian orientation, despite its limitations, was considered to be more advantageous for Finland than Baltic cooperation, with the numerous internal differences among the Border States and low international profile of Baltic countries. Therefore the image of Nordic country better corre-

sponded with the national interests of Finland, than that of Baltic country. As a result it turned out impossible for Helsinki to reconcile Baltic and Scandinavian orientations of foreign policy, but Finland still continued to be indicated as a “bridge” between Baltic and Scandinavian countries in the League of Nations during this period. Indecision of Finnish diplomatic methods determined contradictoriness and inefficiency of the foreign policy of Finland in 1920s.

KEYWORDS
Finland, foreign policy, Scandinavia, international cooperation, security, Baltic League, interwar period

«Мы не шведы, русскими мы стать не можем, так будем же финнами!» [1, с. 28]. Этот выразительный лозунг удачно характеризует своеобразие исторического пути финского народа, на протяжении столетий испытывавшего значительное влияние как с Запада, так и с Востока и сохранившего при этом глубокую национальную самобытность. Если в культурном, лингвистическом, этническом смысле финны предстают в исторической ретроспективе как малочисленная, но уникальная в своем роде нация, то в политических вопросах «быть финнами» оказывалось подчас гораздо труднее. Один из наиболее проблемных с точки зрения политического самоопределения страны периодов последовал за обретением Финляндией независимости в 1917 г. Становление молодого государства было сопряжено с решением целого комплекса сложных задач, касавшихся внешнеполитической ориентации страны.

К моменту провозглашения независимости финны обладали устойчивым национальным самосознанием, активное формирование которого продолжалось на протяжении длительного предшествующего периода. Долгожданное обретение суверенитета потребовало от руководства страны определить место финской нации в международном контексте и заручиться надежными внешнеполитическими партнерами. Стабилизация внутриполитической ситуации в Финляндии после окончания гражданской войны располагала к безотлагательному решению этой принципиальной задачи.

В 1919 г. глава финского МИДа Рудольф Холсти, проводя предварительный анализ тенденций внешней политики страны, обозначил пять возможных направлений: строгий нейтралитет, сотрудничество с Россией, партнерство с Германией, альянс с новообразованными государствами Восточной Европы (так называемыми лимитрофами) и, наконец, ориентация на скандинавские страны. По мнению Холсти, лишь две последние альтернативы имели при сложившейся после окончания Первой мировой войны расстановке сил реальные перспективы [5, с. 310]. Сам министр, представляющий Прогрессивную партию, как и многие его политические сторонники, усматривал наибольший потенциал в сотрудничестве с «окраинными государствами» — Польшей и прибалтийскими странами.

Таким образом, вскоре после обретения независимости во внешней политике Финляндии наметились две закономерные в контексте географии страны господствующие ориентации: скандинавская и балтийская. Скандинавская ориентация была обусловлена давними и тесными культурными, экономическими, социальными связями страны со Швецией. При этом наличие протяженной неспокойной границы с Советской Россией (а также этно-лингвистического родства с эстонцами) представляло финскому МИДу веский аргумент для сближения со странами Прибалтики и Польшей. Учитывая, что в 1920-е гг. ни одно из быстро сменяющих друг друга правительств молодой Финляндской Республики не сформулировало четких целей во внешней политике, развитие отношений с любой из великих европейских держав представлялось весьма затруднительным [2, с. 18]. В этой ситуации для Хельсинки имелось две возможности: конструировать идентичность и выстраивать политику безопасности в союзе с другими «окраинными государствами», либо актуализировать вопрос о причастности к северной, скандинавской общности. В силу различных при-

чин в межвоенный период скандинавский дискурс оказался для Хельсинки предпочтительным.

В то время как в правительствах скандинавских стран интерес к северному региональному сотрудничеству был утрачен вскоре после окончания Первой мировой войны, в Финляндии, напротив, появилось немало сторонников сближения со Скандинавией. Многие признавали скандинавскую ориентацию лучшим вариантом для молодой северной страны, получившей в Европе дипломатическое признание, но не политическую поддержку.

Подсоединение Финляндии к скандинавскому сообществу затрудняли тем не менее националистические настроения, которые сопутствовали становлению финской государственности и отличались (особенно в языковом вопросе) резкой антишведской риторикой. Планы финских политиков заручиться в лице скандинавских стран стабильными дипломатическими партнерами вступали, таким образом, в противоречие с финской национальной идеей, подчеркивающей самобытность финского этноса и болезненно отрицавшей в этот период углубление контактов с обеими бывшими метрополиями — как с Россией, так и со Швецией [14, с. 140–141].

Политику Хельсинки в отношении соседних государств усложняли и неразрешенные территориальные споры. Если в отношениях с Москвой камнем преткновения являлись земли Восточной Карелии, то ведение диалога со Стокгольмом затрудняли противоречия вокруг статуса архипелага Аландских островов. Хотя шведская позиция во время кризиса финско-шведских отношений в 1918–1921 гг. отличалась большой уступчивостью и мягкостью, после урегулирования Аландского конфликта сохранилось взаимное недовольство, охладившее отношения между странами по обе стороны Ботнического залива на последующие несколько лет. Лишь к середине 1920-х гг. в финском МИДе начали рассматривать возможность «преодолеть все еще существующую изолированность от Европы» через «присоединение к северной группе с аналогичными внешнеполитическими приоритетами»[1].

Скандинавская альтернатива рассматривалась в Финляндии в 1920-е гг. как часть прозападной политической ориентации и воспринималась большинством партий как удачный вариант для молодой страны, не имеющей устойчивых дипломатических связей в Европе [6, с. 26–28]. Ориентация на Скандинавию была присуща в первую очередь центристским партиям. После банкротства «окраинной политики» ее весьма активно поддерживала настроенная наиболее проевропейски Прогрессивная партия. Скандинавский дискурс отличал (в силу специфики программных установок) и позицию Шведской национальной партии, одним из самых влиятельных «скандинавистов» в рядах которой являлся Я. Прокопе, занимавший пост министра иностранных дел в 1924–1925 и 1927–1931 гг. [9, с. 260–300]. Финским социал-демократам, придерживавшимся принципов социалистического интернационализма, сотрудничество с успешными скандинавскими коллегами также приносило ощутимые преимущества [12, с. 307].

Наряду с партиями либерального толка скандинавской ориентации придерживалась также часть финских консерваторов, мотивация которых в данном вопросе определялась конкретными вопросами безопасности страны. Невзирая на Аландский конфликт и сомнительные перспективы военной помощи из Швеции, консерваторы (прежде всего, Коалиционная партия), вынужденные ввиду ослабления Германии искать новый противовес «русской угрозе», также искали поддержки на Скандинавском полуострове. В финских правых кругах считалось целесообразным добиваться заключения финско-шведской военной конвенции, гарантирующей помощь шведов в обороне финляндской восточной границы, с возможным привлечением к этому военному союзу также Эстонии [11].

[1] *Suomen* Sosialidemokratti, 19.01.1924.

Единственной политической группой в Финляндии, неизменно отвергавшей возможность скандинавской ориентации как таковую, являлись праворадикальные националисты и, в частности, участники Патриотического народного движения. Движимые не прагматическими, а идеологическими соображениями, они односторонне трактовали северное сотрудничество как государственную измену и торжество шведско-язычного меньшинства. В глазах «истых финнов» Швеция выглядела скорее «малым империалистом», тайно стремящимся к восстановлению своей власти на финской земле, чем выгодным партнером. Более того, в планы самих финских правых радикалов входила экспансия к Баренцеву морю за счет территорий шведских и норвежских северных провинций. При этом националистический пафос не мешал финским ультраправым выдвигать требование получить от Швеции максимум военной поддержки, которую та была готова предоставить [7, с. 58].

В целом, очевидно, что сотрудничество со Скандинавией в любых формах в межвоенный период соответствовало национальным интересам Финляндии, остро нуждавшейся во внешнеполитических ориентирах и партнерах. Следует иметь в виду, что для большинства финнов «скандинавская ориентация» являлась синонимом развития отношений исключительно со Швецией. Это представляется закономерным, учитывая, что связи Финляндии с остальными скандинавскими странами оставались на протяжении 1920–1930-х гг. достаточно слабыми и по большей части формальными. В отличие от шведов датчане и норвежцы практически не имели общих интересов с Финляндией в сфере безопасности, поскольку географическое положение и, следовательно, потенциальные источники военной угрозы для стран были совершенно различными.

Вплоть до середины 1930-х гг. вопросы регионального политического сотрудничества, однако, считались в скандинавских странах, возлагающих во внешней политике надежды на Лигу Наций, периферийными. Такая ситуация обуславливала невозможность выработки стройной совместной концепции взаимодействия четырьмя странами Северной Европы. В целом в МИДах северных королевств в межвоенный период имелось понимание того, что Финляндия «входит в сферу скандинавских интересов»[1]. Но большинством политиков и граждан Скандинавии северное сотрудничество как политический проект рассматривалось либо как утопия, либо как дело отдаленного будущего.

Поскольку получение военной помощи из Скандинавии было маловероятно, нерешенные проблемы обороны побуждали финский МИД к диалогу с «окраинными государствами» Восточной Европы, также находившимися в активном поиске гарантий безопасности. Серия международных конференций и консультаций, организованных в 1919–1926 гг. между странами-лимитрофами, получила название Балтийской лиги, за время работы которой было проведено более 40 встреч, семь из них — на министерском уровне [8].

Хотя Финляндию с балтийскими республиками объединяло множество общих целей в сфере безопасности, в целом идея Балтийского союза была чужда финнам, которые обычно играли роль скептиков в балтийском сотрудничестве. Поведение Финляндии на конференциях Балтийской лиги характеризовалось осторожностью и сдержанностью. Финны не забывали постоянно подчеркивать тот факт, что Финляндия — «не совсем балтийская страна», воспринимая сотрудничество с Балтийской группой как превентивную оборону, своего рода страховку, и никогда — как военный или политический альянс [8, с. 520].

Для Финляндии всегда гораздо выгоднее было принадлежать экономически, политически и цивилизационно к Скандинавии с ее умеренным внешнеполитическим курсом, чем к нестабильному блоку лимитрофов, взаимоотношения которых с внеш-

[1] Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). АВПРФ. Ф. 04. Оп. 30. П. 199. Д. 26. Л. 12.

ним миром и между собой были сотканы из слишком большого количества противоречий [2, с. 7]. Тем не менее в ситуации послевоенной политической нестабильности в Восточной Европе в начале 1920-х гг. курс на сотрудничество с «окраинными государствами» мог оказаться целесообразным.

Активная «лимитрофная» политика, отстаиваемая министром иностранных дел Р. Холсти, достигла своей кульминационной развязки в 1922 г., когда Финляндия, обеспокоенная обострившимися отношениями с Советской Россией из-за кризиса в Восточной Карелии, подписала так называемый «Варшавский пакт» с Эстонией, Латвией и Польшей, предполагающий сотрудничество «окраинных государств» в вопросах обороны восточных рубежей. После того как финский парламент отказался ратифицировать данный документ (в поддержку политики Холсти выступили только Аграрная и Прогрессивная партии), возможности балтийской ориентации были для Хельсинки исчерпаны, а Финляндия стала постепенно превращаться в слабое звено Балтийской лиги [3, с. 173–174]. Интересам Финляндии отныне соответствовало поддержание контактов и координирование политики с «окраинными государствами», но без обязательств военно-политического характера. Для Хельсинки «лимитрофная политика» ограничилась в дальнейшем развитием двустороннего сотрудничества с Эстонией в области военной разведки и координации планов обороны [15].

Одна из дилемм при выборе Финляндией внешнеполитической ориентации в 1920-е гг. заключалась в том, что прибалтийский и скандинавский варианты регионального сотрудничества различались кардинальным образом. Интересам восточно-балтийских стран соответствовал «жесткий» вариант сотрудничества, нацеленный на заключение политического или военного союза с четкими взаимными обязательствами; скандинавские же страны, напротив, стремились к налаживанию «мягкого» сотрудничества, основанного на общественных и гражданских связях. Несмотря на малый потенциал такого варианта с точки зрения обороны страны, участие в северном сотрудничестве в культурной и гуманитарной сферах способствовало налаживанию доверительных политических отношений между Финляндией и Скандинавией.

Стремление Финляндии подсоединиться к стабильной скандинавской группе выражалось и в ее поведении на международной арене. После вступления в Лигу Наций в декабре 1920 г. финское правительство зачастую поддерживало скандинавских коллег, проводя «схожую политику, разнящуюся со скандинавской подчас лишь в деталях процедуры» [10, с. 247].

Несмотря на то что представители североевропейского региона в Женеве нередко воспринимались как сплоченная «Северная Антанта», позиции скандинавских стран и Финляндии не были идентичны. Скандинавы, которые на момент вступления в Лигу Наций уже обладали ценным опытом межгосударственного сотрудничества в защите «скандинавского» нейтралитета, представляли на международной арене весьма обособленную группу [4]. Международный авторитет Финляндии как молодого суверенного государства, чья внешнеполитическая ориентация находилась в процессе становления, был пока невелик, а сами скандинавские страны не стремились принимать финнов в свою группу, что было в немалой степени обусловлено опасениями лишних осложнений отношений с Советской Россией [5, с. 316–318].

Существенные различия между скандинавскими и финскими интересами обнаруживались и в вопросах безопасности. Дипломатия «блока скандинавских стран» была ориентирована в большой степени на мнение главного торгового и политического партнера региона — Великобритании. Участие в коллективных военных санкциях расценивалось скандинавами как серьезная угроза свободе внешнеполитических действий и даже суверенитету их стран. Финны, в отличие от скандинавов, стремились обеспечить безопасность путем получения военных гарантий для своей страны, что побуждало их наряду с другими «окраинными государствами» поддерживать французскую линию и всемерно содействовать утверждению четкой системы санкций.

Занимая ответственный пост члена совета Лиги Наций в 1927–1930 гг., финны стремились выполнять функции связного между Скандинавией и государствами «южного направления», пытаясь лоббировать интересы обеих региональных групп — балтийской и скандинавской. Впрочем, как и при ведении переговоров на уровне региона, финские представители не желали открыто солидаризироваться с «лимитрофным фронтом» в Женеве, предпочитая играть менее обязывающую роль «блюстителей интересов» или опекунов прибалтийских стран [8, с. 418–428].

В восприятии международного сообщества Финляндия находилась в 1920-е гг. на промежуточных позициях между Прибалтикой и Скандинавией, сохраняя при этом изрядную обособленность. «Независимость» во внешнеполитических делах, демонстрируемая финским МИДом, не являлась, однако, свидетельством мастерства финской дипломатии, а напротив, свидетельствовала о «беззубости» финской внешней политики и фактическом отсутствии в ней четкого курса [12, с. 312]. Отказ Финляндии от роли моста между Скандинавией с одной стороны и Польшей и Прибалтикой с другой лишь усугублял ее «блистательную изоляцию», к которой привели страну во второй половине 1920-х гг. «усилия собственной, запутавшейся во внешнеполитических пристрастиях, политической элиты» [2, с. 8].

По истечении 10 лет после обретения независимости во внешнеполитическом курсе Финляндии сохранялась неопределенность, оправдываемая надеждами на поддержание имеющегося европейского баланса сил посредством активного участия в Лиге Наций. По мере того, как в течение 1930-х гг. Лига Наций теряла свою эффективность в качестве инструмента обеспечения безопасности, руководство Финляндии все отчетливее придерживалось курса на альянс со странами Скандинавии, с их проверенной временем политикой нейтралитета [13]. Хотя скандинавская ориентация представлялась, вероятно, наиболее адекватным решением проблемы финской национальной безопасности, она не смогла обеспечить финнам с началом советско-финляндской войны осенью 1939 г. желаемой военной поддержки.

Балтийская и скандинавская ориентации в 1920-е гг. являлись в отсутствие иных альтернатив доминирующими во внешней политике Финляндии. Недостатки обоих вариантов в финском правительстве осознавали более или менее отчетливо, стремясь обеспечить себе пространство для политического маневра и в зависимости от меняющихся обстоятельств использовать преимущества каждой из них. Подобная нерешительность, определявшаяся как некоторой медлительностью финской дипломатии, так и неопределенностью динамики всей международной ситуации в Европе в 1920-е гг., в конечном итоге обусловила противоречивость и неэффективность финских внешнеполитических инициатив. Надежды Хельсинки на возможность совмещения в межвоенный период двух естественных с точки зрения геополитики стратегий регионального сотрудничества исчезли в свете нового обострения противоречий между великими европейскими державами.

Литература

1. *Вихавайнен Т.* Столетия соседства: Размышления о финско-русской границе. СПб.: Нестор-История, 2012. 248 с.
2. *Рупасов А. И.* Советско-финляндские отношения. Середина 1920-х — начало 1930-х гг. СПб.: Европейский дом, 2001. 310 с.
3. *Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии 1809–2009. М.: Весь мир, 2010. 472 с.
4. *Gram-Skjoldager K., Tønnesson Ø.* Unity and Divergence. Scandinavian Internationalism 1914–1921 // Contemporary European History. 2008. Vol. 17, N 3. P. 301–324.
5. *Holsti K. J.* The origins of Finnish foreign policy, 1918–1922: Rudolf Holsti's role in the formulation of policy. Helsinki: Tammi, 1963. 266 p.
6. *Kalela J.* Grannar på skilda vägar. Det finländsk-svenska samarbetet i den finländska och sveska utrikespolitiken 1921–1923. Helsingfors, 1971. 313 s.

7. *Kurunmäki J.* "Nordic Democracy" in 1935: On the Finnish and Swedish rhetoric of democracy // Rhetorics of Nordic Democracy. Helsinki, Finnish Literature Society, 2010. P. 37–82.
8. *Lehti M.* A Baltic League as a Construct of the New Europe. Envisioning a Baltic region and small state sovereignty in the aftermath of the First World War. Frankfurt am Mein: Lang, 1999. 550 p.
9. *Lemberg M*. Hjalmar J. Procopé som aktivist, utrikesminister och svensk partiman. Procopes politiska verksamhet till år 1926 / Skrifter utgivna av svenska litteratursällskapet i Finland, 524. Helsingfors, 1985. 371 s.
10. *Lindgren R. E.* Norway-Sweden: Union, Disunion and the Scandinavian Integration. Princeton N. J.: Princeton University Press, 1959. 298 p.
11. *Norman T.* Drömmen om Fennoskandia. Alexis Gripenberg och det fria Finlands utrikespolitiska orientering // Studier i modern historia tillägnade J. Torbacke den 18 aug. 1990. Kristianstad, 1990. S. 169–189.
12. *Paasivirta J*. Finland and Europe: The early years of independence 1917–1939. Helsinki: SHS, 1988. 555 p.
13. *Steinby T.* Då Finland mognade för den nordiska neutraliteten // Historiska och litteraturhistoriska studier. 1980. Vol. 55. S. 127–154.
14. *Tingsten H.* The Debate on the Foreign Policy of Sweden 1918–1939. London: Oxford University Press, 1949. 324 p.
15. *Turtola M*. Aspects of Finnish-Estonian military relations in the 20's and 30' // The Baltic in International Relations between the two World wars: Symp. Organized by the Centre for Baltic studies, Nov. 11–13, 1986, Univ. of Stockholm (ed. J. Hiden & A. Loit). Stockholm, 1988. P. 101–110.

References

1. Vikhavaynen T. *Centuries of the neighbourhood: Reflections about the Finnish-Russian border* [Stoletiya sosedstva: Razmyshleniya o finsko-russkoi granitse]. SPb.: Nestor History [Nestor-Istoriya], 2012. 248 p.
2. Rupasov A. I. *Soviet-Finnish relations. The middle 1920 — the beginning of the 1930th* [Sovetsko-finlyandskie otnosheniya. Seredina 1920-kh-nachalo 1930-kh gg.]. SPb.: The European House [Evropeiskii Dom], 2001. 310 p.
3. Yussila O., Hentilya S., Nevakivi Yu. *Political history of Finland 1809–2009* [Politicheskaya istoriya Finlyandii 1809–2009]. M.: Whole world [Ves' mir], 2010. 472 p.
4. Gram-Skjoldager K., Tønnesson Ø. *Unity and Divergence. Scandinavian Internationalism 1914–1921* // Contemporary European History. 2008. Vol. 17, N 3. P. 301–324.
5. Holsti K. J. *The origins of Finnish foreign policy, 1918–1922: Rudolf Holsti's role in the formulation of policy.* Helsinki: Tammi, 1963. 266 p.
6. Kalela J. *Grannar på skilda vägar. Det finländsk-svenska samarbetet i den finländska och sveska utrikespolitiken 1921–1923*. Helsingfors, 1971. 313 s.
7. Kurunmäki J. *"Nordic Democracy" in 1935: On the Finnish and Swedish rhetoric of democracy* // Rhetorics of Nordic Democracy. Helsinki, Finnish Literature Society, 2010. P. 37–82.
8. Lehti M. *A Baltic League as a Construct of the New Europe. Envisioning a Baltic region and small state sovereignty in the aftermath of the First World War*. Frankfurt am Mein: Lang, 1999. 550 p.
9. Lemberg M. *Hjalmar J. Procopé som aktivist, utrikesminister och svensk partiman. Procopes politiska verksamhet till år 1926* / Skrifter utgivna av svenska litteratursällskapet i Finland, 524. Helsingfors, 1985. 371 s.
10. Lindgren R. E. *Norway-Sweden: Union, Disunion and the Scandinavian Integration.* Princeton N. J.: Princeton University Press, 1959. 298 p.
11. Norman T. *Drömmen om Fennoskandia. Alexis Gripenberg och det fria Finlands utrikespolitiska orientering* // Studier i modern historia tillägnade J. Torbacke den 18 aug. 1990. Kristianstad, 1990. S. 169–189.
12. Paasivirta J. *Finland and Europe: The early years of independence 1917–1939*. Helsinki: SHS, 1988. 555 p.
13. Steinby T. *Då Finland mognade för den nordiska neutraliteten* // Historiska och litteraturhistoriska studier. 1980. Vol. 55. S. 127–154.
14. Tingsten H. *The Debate on the Foreign Policy of Sweden 1918–1939.* London: Oxford University Press, 1949. 324 p.
15. Turtola M. *Aspects of Finnish-Estonian military relations in the 20's and 30'* // The Baltic in International Relations between the two World wars: Symp. Organized by the Centre for Baltic studies, Nov. 11–13, 1986, Univ. of Stockholm (ed. J. Hiden & A. Loit). Stockholm, 1988. P. 101–110.

На пути от «франкофонии» к «Франкофонии»

Советникова Ольга Васильевна
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Ведущий специалист отдела международных связей
Аспирант
sovetnik23@mail.ru

РЕФЕРАТ
Статья посвящена историческим предпосылкам формирования франкофонного сообщества под эгидой Франции, превратившегося из культурного объединения, базировавшегося на языковой общности, в существенную геополитическую силу на мировой арене — в Международную организацию франкофонии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
франкофония, французский язык, Международная организация франкофонии, франкофон, культура, устав, демократия, культурное взаимодействие, культурное разнообразие

On the Way from «francophony» to «Francophony»

Sovetnikova Olga Vasilyevna
North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Leading specialist of the Department of International Relations
Graduate student
sovetnik23@mail.ru

ABSTRACT
The article is devoted to the historical prerequisites of the formation of the francophone community under the aegis of France, transformed from the cultural association which was based on the linguistic community to the essential geopolitical force on the world scene — to the International Organization of Francophony.

KEYWORDS
francophony, French language, International Organization of Francophony, francophone, culture, charter, democracy, cultural cooperation, cultural diversity

> Языки являются лишь носителями определенного мировоззрения, мышления, культуры, и поэтому исчезновение или сокращение употребления какого-либо языка в каждом отдельном случае является трагедией всего человечества.
>
> *Кристиан Понселе [1, с. 148]*

Французский язык по праву можно считать международным языком, так как он является одним из официальных рабочих языков во многих международных организациях таких, как Африканский союз, Организация Объединенных Наций, Всемирная организация здравоохранения, Всемирная торговая организация, ЮНЕСКО и многие другие. Сегодня на французском языке говорят, пишут и читают во всем мире около 220 млн человек. В 32 государствах он является официальным языком. Учат французский язык на планете примерно 116 млн человек: 44% — в Тропической Африке, 23,4% — в Европе, 22,6% — в Северной Африке и на Среднем Востоке, 8% — в Америке и Карибском бассейне и 2% — в Азии и Океании [1, с. 141].

Французский язык как иностранный преподается на всех пяти континентах. И, несмотря на то что в последнее время во всех сферах жизни наиболее прочные позиции занял английский язык, французский остается одной из мировых культурных ценностей, языком, на котором говорили и писали Дидро, Вольтер, Гюго, Бальзак, Дюма.

Невероятную популярность в Европе французский язык приобретает начиная с XVII в., вытесняя тем самым латынь. Последние значимые международные соглашения, составленные на латинском языке, — Вестфальские договоры 1648 г., знаменовавшие окончание Тридцатилетней войны.

В XVIII в. популярность французского языка достигает своего апогея. Вытесняя латынь из дипломатии, международного культурного обмена, литературы и науки, французский распространяется в аристократических и ученых кругах Италии, Германии, Англии, России, Австрии, Польши, Скандинавских стран, Венгрии, Румынии. В России во второй половине XVIII в. популярность французского языка не имеет границ. Книги французских авторов читают не только в переводе, но и в оригинале. Более того, русское дворянство начинает с детства осваивать французский, а потом уже и свой родной язык. Декабрист Н. И. Тургенев писал: «Имена знаменитых французских публицистов были в России также популярны, как и у себя на родине» [3].

В качестве основного дипломатического языка французский язык удерживал свои позиции достаточно долгое время. Можно сказать, что до Первой мировой войны французский язык оставался единственным официально признанным международным языком, но фактически уже сдавал свои позиции перед английским. Так, в 1919 г. Версальский договор был составлен уже на двух языках — французском и английском, хотя до этого все дипломатические документы писались исключительно на французском языке.

Именно это событие заставило задуматься французских властей об укреплении роли французского языка и культуры в мире. С этой целью в 1883 г. создается специальная организация — «Альянс Франсез», более 1000 комитетов которой и по сей день продолжают успешно справляться со своей основной задачей по обучению французскому языку и продвижению культуры франкоязычных стран в 146 странах мира [2].

В 1880 г. французским географом и исследователем Онезимом Реклю, предпринявшим попытку классифицировать жителей планеты в зависимости от языка, на котором они говорили, впервые был употреблен термин «франкофония» в работе «Франция, Алжир и колонии».

После смерти О. Реклю термин «франкофония» выпадает из употребления до ноября 1962 г., когда в специальном тематическом номере журнала «Эспри» под названием «Французский язык в мире» президент Сенегала Леопольд Седар Сенгор в своей статье «Французский язык, язык культуры» первым озвучил идею создания организации франкоязычных стран.

Благодаря высокому уровню развития культуры и экономики Франции колониальный период способствовал распространению французского языка в Америке, Канаде, Африке, Индокитае, бассейне Индийского и Тихого океанов. Высокий уровень искусства и культуры Франции обусловил распространение французского языка в Англии, Восточной и Западной Европе, России.

В 1958–1960 гг. Франция предоставила независимость большей части своих африканских колоний. Однако, несмотря на то что французский язык, являвшийся официальным языком в большинстве бывших африканских колоний, использовался весьма редко в повседневном общении, его значимость нельзя было недооценивать. Французский язык широко применялся в сфере административного управления, образовательной сфере, являлся языком политических элит и интеллигенции,

средств массовых информаций. И что особенно важно отметить, французский язык воспринимался африканскими государствами как язык международного общения. Развивая сотрудничество с Францией и такими богатыми франкофонными странами Севера, как Швеция, Бельгия, Канада, страны Африки стремились разрешить свои экономические проблемы.

Принимая во внимание вышеизложенное, неудивительно, что уже в начале 1960-х гг. лидеры таких бывших колоний, как Леопольд Седар Сенгор (Сенегал), Амани Диори (Нигер), Хабиб Бургиба (Тунис), а также Нородом Сианук (Камбоджа), начали предлагать проекты по сохранению солидарности и прочных связей с бывшей метрополией. Проект Х. Бургиба заключал в себе проведение регулярных переговоров между франкофонными странами, в то время как проект Л. Сенгора был обращен к культурным и лингвистическим вопросам. По мнению Л. Сенгора, франкофония — «это образ мысли и действия, определенная манера ставить проблемы и искать пути их решения. К тому же это духовное сообщество: своеобразная ноосфера вокруг земли. Одним словом, франкофония — это, помимо языка, французская цивилизация. А более точно — разум цивилизации, то есть французская культура», которую Сенгор называл «французскостью» [5].

Л. Сенгор, убеждая президента Франции Шарля де Голля в том, что Франция должна поддерживать сохранение французского языка в новых государствах, заявлял: «На развалинах колониализма мы нашли этот удивительный инструмент — французский язык» [4]. Однако Франция долгое время весьма настороженно относилась к любой идее политического объединения франкоговорящих стран, опасаясь различных обвинений в неоколониализме и гегемонизме. Стоит отметить, что к самому движению франкофонии как общественному явлению и инструменту для развития культурного диалога Шарль де Голль относился весьма положительно, за исключением идеи создания межправительственной организации на этой основе, к чему так стремились бывшие французские колонии.

Первой межгосударственной структурой, объединившей 27 франкоязычных государств, стала Служба культурного и технического сотрудничества, созданная согласно соглашению, подписанному 20 марта 1970 г. в Ниамее (Нигер). Основной задачей данной службы было создание неофициальных объединений и организаций, объединяющих университеты, преподавателей и общественных деятелей разных стран. Данная структура фактически стала предшественницей современной Международной организации франкофонии (МОФ), поэтому с 1990 г. жители всего мира, говорящие на французском языке и изучающие этот язык, отмечают именно 20 марта Международный день франкофонии (Journee Internationale de la Francophonie). В 1989 г. в Париже состоялся Первый саммит франкоговорящих стран, на котором были определены основные направления деятельности организации. С это времени за термином «франкофония» закрепилось два значения:

- франкофония (со строчной буквы) — совокупность народов, которые используют французский язык в своей повседневной жизни или для общения;
- Франкофония (с заглавной буквы) — совокупность государств, стран или официальных инстанций, которые входят в Международную организацию франкофонии (Organisation Internationale de la Francophonie-OIF).

Высшим советом МОФ определены также понятия:

- франкофон — человек, способный вести повседневное общение на французском языке;
- частичный франкофон — человек, обладающий ограниченными знаниями французского языка, позволяющими ему говорить на французском в отдельных ситуациях [6].

Международная организация франкофонии представляет собой политическое объединение 77 государств и правительств из пяти частей света (из них 57 явля-

ются членами и 20 наблюдателями)[1], способствующее развитию и укреплению многосторонних отношений между правительствами в политической, экономической, социальной, культурной сферах. МОФ во многом является уникальным явлением. В отличие от многих политических, экономических и военных союзов, существующих в мире, она стала одной из первых международных организаций, главным принципом формирования и деятельности которой выступают французский язык и культура. Однако следует подчеркнуть, что МОФ, изначально базировавшаяся на культурных ценностях, постепенно превратилась в полноценную международную политическую организацию.

Штаб-квартира МОФ расположена в Париже. Организация имеет представительства при ООН (в Нью-Йорке и Женеве) и при ЕС (в Брюсселе). Девизом организации служит французское изречение: «Равенство, дополнение, солидарность».

Главным критерием для вступления в организацию считают не степень владения французским языком населения того или иного государства, хотя это приветствуется, а скорее, культурные связи с Францией, сложившиеся на протяжении десятилетий и даже веков. Именно поэтому среди членов организации имеются такие государства, как Армения, Египет, Кипр, Греция.

Принятый проект нового Устава (Хартии) МОФ на 10-м саммите в ноябре 2004 г. в Уагадугу (Буркина-Фасо) закрепил сформировавшиеся уже к тому времени руководящие органы МОФ:

- Конференция глав государств и правительств стран МОФ (саммит),
- Конференция министров МОФ,
- Генеральный секретариат,
- Постоянный совет МОФ.

Конференция глав государств и правительств стран франкофонии (Саммит), проходящая один раз в 2 года, определяет направление деятельности МОФ и акцентирует внимание на актуальных вопросах. По результатам обсуждения вопросов экономического, политического и культурного сотрудничества принимаются основные стратегические решения, декларация и план действий. На время проведения саммита и в период до проведения следующего саммита в МОФ председательствует глава государства или правительства страны-организатора. Ниже представлена авторская таблица всех проведенных и ближайших саммитов МОФ.

Конференция министров Франкофонии, созданная в 1991 г. для обеспечения политической преемственности деятельности организации между саммитами, собирается ежегодно. Возглавляет конференцию министр иностранных дел страны-хозяина саммита. Срок полномочий этого министра длится в течение одного года до проведения саммита и одного года после его проведения. Страны-члены, наблюдатели МОФ представлены их министром иностранных дел или министром, ответственным за МОФ. Конференция МОФ контролирует выполнение решений, принятых на саммите, и подготавливает следующий саммит.

Генеральный секретарь МОФ является главным распорядительным лицом организации. Он осуществляет политическую деятельность МОФ, имеет статус международного чиновника. Председательствует в Постоянном совете Франкофонии и Совете по сотрудничеству. Генеральный секретарь назначает администратора МОФ, который осуществляет его функции по поручению. Кроме того, к его полномочиям относится руководство текущей работой секретариата МОФ. Генеральный секретарь избирается на 4 года руководителями государств МОФ. Мандат его может быть продлен. Впервые эта должность введена в 1997 г. на саммите МОФ

[1] 77 états et gouvernements. [Электронный ресурс]// Le site official de l'organisation internationale de la Francophonie: [Электронный ресурс]. URL: http://www.francophonie.org/-77-Etats-et-gouvernements-.html (дата обращения: 14.01.2014).

№ саммита	Время проведения	Место проведения	Обсуждаемые вопросы
1	17–19 февраля 1986 г.	Версаль (Франция)	Определение основных направлений совместной деятельности. Выработаны три стратегических направления: 1. Постоянное согласование действий, позволяющее играть реальную роль в мировом равновесии. 2. Французский язык, способ прогресса и модернизации. 3. Учреждение конкретных и активных программ
2	2–4 сентября 1987 г.	Квебек (Канада)	Усиление экономической роли — создан Деловой форум Франкофонии. Франкофония заявила о себе как об акторе мировой политики
3	24–26 мая 1989 г.	Дакар (Сенегал)	Начало диалога Север-Юг, Франция списала долг 35 африканским государствам
4	19–21 ноября 1991 г.	Париж (Франция)	Вопросы экономического и политического измерения деятельности Франкофонии
5	16–18 октября 1993 г.	Гранд Бэй (Маврикий)	«Права человека и развитие», «единство в многообразии». Разработаны основные экономические параметры деятельности участников Франкофонии
6	2–4 декабря 1995 г.	Котону (Бенин)	Изменения политического, экономического, институционального характера. Учреждена должность Генерального секретаря. АССТ стало главным оператором Франкофонии во главе с Генеральным секретарем
7	14–16 ноября 1997 г.	Ханой (Вьетнам)	Решались вопросы по предотвращению конфликтов в государствах-членах, созданию франкофонного экономического пространства. Избран первый Генеральный секретарь — Бутрос Гали
8	3–5 сентября 1999 г.	Монктон (Канада)	Основными темами обсуждения стали молодежная политика, вопросы прав человека, правового государства и демократии в странах Франкофонии
9	18–20 октября 2002 г.	Бейрут (Ливан)	Генеральным секретарем избран бывший президент Сенегала Абду Диуф. Главная тема встречи — «диалог культур». Это первый саммит в арабской стране. Принята Бейрутская декларация
10	26–27 ноября 2004 г.	Уагадугу (Буркина Фасо)	Приняты два документа: Декларация Уагадуга «Единое пространство для долговременного развития», посвящена разрешению региональных конфликтов; Стратегический 10-й план (2005–2014 гг.)
11	28–29 сентября 2006 г.	Бухарест (Румыния)	Новые информационные технологии в образовании

Окончание табл.

№ саммита	Время проведения	Место проведения	Обсуждаемые вопросы
12	17–19 октября 2008 г.	Квебек (Канада)	Сделан отчет о работе Франкофонии за последние 2 года, обсуждались вопросы защиты французского языка и укрепления демократии
13	22–24 октября 2010 г.	Монтре (Швейцария)	Место французского языка в мировой политике и международных отношениях; разработка стратегии солидарности франкоязычных стран перед проблемами современного общества от соблюдения принципов устойчивого развития до климатических изменений
14	13–14 октября 2012 г.	Киншаса (Демократическая Республика Конго)	Борьба с пиратством в Гвинейском заливе. Восстановление мира и спокойствия в восточных районах Демократической Республики Конго
15	29–30 ноября 2014 г.	Дакар (Сенегал)	Пройдет под темой: «Женщины и молодежь: сторонники мира и развития»

в Ханое. Пять лет ее занимал бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали (Египет). На девятом саммите МОФ в Бейруте (в октябре 2002 г.) Генеральным секретарем МОФ был избран бывший президент Сенегала Абду Диуф (переизбранный дважды: в сентябре 2006 г. и в октябре 2010 г., и имеющий мандат до 2014 г.).

Постоянный совет Франкофонии является действующим на постоянной основе институциональным и политическим органом МОФ, который возглавляет Генеральный секретарь МОФ. Все страны — члены МОФ назначают в совет своего официального представителя. Главной задачей совета является подготовка и проведение саммитов МОФ, обеспечение выполнения решений саммитов и министерских конференций.

Важными составными частями так называемой системы МОФ также являются:

Парламентская ассамблея Франкофонии, созданная в 1967 г. и являющаяся консультативной Ассамблеей МОФ. Парламентская ассамблея МОФ объединяет 78 парламентов и межпарламентских организаций, участвует в становлении и усилении демократических институтов, организует межпарламентское сотрудничество и деятельность по поддержанию мира, демократии и прав человека.

Постоянные правительственные конференции:

- Конференция министров образования франкофонных стран, созданная в 1960 г., объединяет раз в 2 года 41 правительство франкофонных стран;
- Конференция министров по делам молодежи и спорта франкофонных стран, созданная в 1969 г. и объединяющая 42 государства. С 1985 г. конференция организует общий праздник МОФ — «Игры франкофонии», которые проходят один раз в 4 года в форме встреч спортсменов.

Совет по сотрудничеству, возглавляемый Генеральным секретарем МОФ. В состав совета входят администратор по многостороннему сотрудничеству, ответственные за Парламентскую ассамблею и представители «непосредственных» операторов и операторов, признанных МОФ, по отдельным направлениям дея-

тельности МОФ. Состав совета назначается Генеральным секретарем. Задачами совета являются разработка соответствующих программ и обеспечение их финансирования.

«Операторами», признанными саммитом МОФ, являются:

- *Международная ассоциация мэров* франкоязычных столичных городов, в задачу которой входит установление демократии, модернизация муниципального управления. В нее входит более 200 городов в 49 странах мира[1];
- *Университетское агентство франкофонии* было учреждено в 1961 г., представляет собой сеть университетов, которые являются полностью или частично франкоязычными. К его компетенции относятся вопросы высшего образования и научных исследований. Ректорат агентства находится в Монреале, кроме того, существует девять региональных бюро. Агентство объединяет около 739 высших учебных заведений и исследовательских учреждений в 94 странах мира;
- *Телевизионный международный канал TV5*. Главный франкофонный канал, вещание которого осуществляется 24 часа в сутки. Был создан по инициативе трех стран: Франции, Бельгии и Швейцарии 2 января 1984 г., в Квебеке вещание ведется с 1998 г., в Латинской Америке, Карибском бассейне и Африке — с 1992 г., в Азии — с 1997 г., в США — с 1998 г.;
- *Международный университет французского языка для развития Африки* (Университет Сенгора). Создан в 1989 г. в Александрии (Египет) с целью обеспечения повышения квалификации кадров высшего звена африканских франкоговорящих стран в сферах администрации и управления, охраны окружающей среды, продовольствия и здравоохранения, культуры.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что сравнительно недавно на международной арене смело заявила о себе новая крупная многосторонняя организация с четко сформированной организационной структурой. Пройдя длительный этап эволюции, благодаря значительным усилиям Франции и ее союзников МОФ превратилась из чисто культурного сообщества, нацеленного на распространение и популяризацию французского языка и культуры во всем мире, в политико-экономическое сообщество, способное решать вопросы регионального и глобального характера.

Литература

1. *Косенко С. И.* Политика и система франкофонии в эпоху глобализации (европейские аспекты) // Вестник МГИМО-Университета. 2011. №2. С. 141–150.
2. *Альянс* Франсез в мире // Официальный сайт Альянс Франсез в России: [Электронный ресурс]. URL: http://afrus.ru/ru/alyans-fransez-v-mirie (дата обращения: 23.01.2014).
3. *Влияние* идей просветителей на мировоззрение декабристов // История: [Электронный ресурс]. URL: http://www.historiar.ru/histos-543-1.html (дата обращения: 23.01.2014).
4. *Косачев К.* От франкофонии к симфонии русского мира // Русский век: портал для российских соотечественников: [Электронный ресурс]. URL: http://www.rus-ua.info/news/6126.html (дата обращения: 23.01.2014).
5. *Федоров С.* «Уроки французского» для Русского мира: опыт франкофонии // Перспективы: Фонд исторической перспективы: [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36178 (дата обращения: 25.01.2014).
6. *Яценко Е. П.* Франкофония в современном мире // Информкультура: ведущий научно-информационный центр России по вопросам культуры и искусства: [Электронный ресурс]. URL: http://infoculture.rsl.ru/niklib/home/news/KVM_archive/articles/2011/03/2011-03_r_kvm-s1.pdf (дата обращения: 25.01.2014).

[1] Association internationale des maires francophones // Le site official de l'organisation internationale de la Francophonie: [Электронный ресурс]. URL: http://www.francophonie.org/Association-internationale-des-12.html (дата обращения: 14.01.2014).

References

1. Kosenko S. I. *Politics and Francophonie system during a globalization era (the European aspects)* [Politika i sistema frankofonii v epokhu globalizatsii (evropeiskie aspekty)] // Messenger of MGIMO — University [Vestnik MGIMO — Universiteta]. 2011. N 2. P. 141–150.
2. *Alliance Fransez in the world* [Al'yans Fransez v mire]. [An electronic resource] // The Official site Alliance Fransez in Russia [Ofitsial'nyi sait Al'yans Fransez v Rossii]: [Электронный ресурс]. URL: http://afrus.ru/ru/alyans-fransez-v-mirie (date of the address: 23.01.2014).
3. *Influence of ideas of Educators on outlook of Decembrists* [Vliyanie idei prosvetitelei na mirovozzrenie dekabristov] // History [Istoriya]: [Электронный ресурс]. URL: http://www.historiar.ru/histos-543-1.html (address date: 23.01.2014).
4. Kosachev K. *From Francophonie to the symphony of the Russian world* [Ot frankofonii k simfonii russkogo mira] // Russian Century: portal for the Russian compatriots: [Электронный ресурс]. URL: http://www.rus-ua.info/news/6126.html (address date: 23.01.2014).
5. Fyodorov S. *"French lessons" for the Russian world: Francophonie experience* [«Uroki frantsuzskogo» dlya Russkogo mira: opyt frankofonii] // Prospects: Fund of historical prospect [Perspektivy: Fond istoricheskoi perspektivy]: [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36178 (address date: 25.01.2014).
6. Yatsenko E. P. *Frankophonie in the modern world* [Frankofoniya v sovremennom mire] // Information Culture: leading scientific information center of Russia concerning culture and art [Informkul'tura: vedushchii nauchno-informatsionnyi tsentr Rossii po voprosam kul'tury i iskusstva]: [Электронный ресурс]. URL: http://infoculture.rsl.ru/niklib/home/news/KVM_archive/articles/2011/03/2011-03_r_kvm-s1.pdf (address date: 25.01.2014).

Становление дальневосточной приграничной политики России

Каширская Анна Валерьевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет международных отношений
Аспирант кафедры американских исследований
AVkashirskaya@yandex.ru

РЕФЕРАТ
Рассматриваются процесс формирования приграничной политики на Дальнем Востоке России и взаимодействие региональных акторов по осуществлению трансграничного регулирования отношений в АТР. Раскрываются особенности сотрудничества России со странами АТР в процессе построения приграничной политики в области экономики и трудовой миграции. В статье также освещается современное состояние приграничной политики России на Дальнем Востоке и освещены подходы центральных и местных ведомств к ее совершенствованию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
приграничная политика, Дальний Восток России, региональное трансграничное сотрудничество, АТР, правовое регулирование межгосударственных отношений

Formation of Far East Border Policy of Russia

Kashirskaya Anna Valerievna
Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
International Relations Faculty
Graduate Student of the Chair of American researches
AVkashirskaya@yandex.ru

ABSTRACT
The article focuses on the process of organizing of Russian Far East near-border policy and cooperation of regional actors in transborder governing of relations in Asia-Pacific region. The author step-by-step reveals peculiarities of cooperation of Russia and ATR countries in the course of constructing of near-border national economy and labor migration. The author analyses current condition of the Russian Far East near-border policy, indicates and interprets central and local departments' approaches to the improvement of near-border policy Russian-Chinese human migration negative consequences.

KEYWORDS
Russian Far East near-border policy, regional transborder policy in ATR, legal control of interstate relations

На Дальнем Востоке процессы трансграничного сотрудничества и обособления региональной политики начались раньше других территорий. Роль региональных международных отношений в этом регионе возрастает с 1980-х гг. Основой для этих процессов послужили одновременно неспособность советского государства обеспечить превращение региона в высокоразвитый народнохозяйственный комплекс и быстрый рост трансграничных отношений дальневосточного региона (ДВР), прежде всего, со смежными районами КНР. В 1988 г. СССР заключает с КНР соглашения о развитии торгово-экономических связей регионального и местного уровня (июнь 1988 г.) и о взаимных поездках граждан (июль 1988 г.) [4].

Важное значение для стимулирования внешнеэкономической деятельности ДВР имели постановление Совета министров СССР о развитии внешнеэкономической деятельности от 2 декабря 1988 г., а также указ Президента РФ о либерализации данной деятельности (ноябрь 1991 г.). Одновременно благодаря установлению режимов безвизовых перевозок туристических групп между приграничными районами СССР и КНР (1988 г.) возросли перспективы использования дальневосточного транспорта в международных коммуникациях [5].

Однако такое сотрудничество носило исключительно антикризисный характер и не могло стать основой долгосрочных внешнеэкономических связей. Процессы политического и экономического распада, начавшиеся в стране к концу 1980-х гг., привели к ослаблению централистской внешнеэкономической политики в СССР и резкому переходу на открытые формы регионального и международного сотрудничества. Изучение опыта других стран привело к созданию свободных экономических зон — локальных правовых режимов, выделенных из национального экономического пространства (СЭЗ). В 1990 г. было принято Постановление Совмина СССР «Об образовании зон свободного предпринимательства», и в ДВР было стихийно образовано пять СЭЗ, при создании которых ставка делалась на привлечение иностранного капитала [8].

Также с 1991 г. российскими и китайскими властями обсуждалось создание в регионе совместных институтов для координации трансграничного сотрудничества в больших географических масштабах. Однако результаты к началу 1990-х гг. ограничились открытием в городах Приморского края представительств администраций провинций и городов Северо-Восточного Китая, а также учреждением Консультативного совета из представителей руководства Амурской области и г. Хейхе [6, с. 290–300].

Попытки развивать трансграничные отношения в ДВР осуществлялись не только с Китаем, но и с Японией, Республикой Корея, США и КНДР. На рубеже 1990-х с этими странами были подписаны первые международные соглашения России, нацеленные на стимулирование двустороннего торгово-экономического сотрудничества. В этот период появляются новые направления во внешнеэкономических взаимодействиях, основанные на возможности устанавливать прямые контакты с зарубежными партнерами и привлекать иностранные инвестиции в регионы.

Однако взаимная заинтересованность региональных акторов сдерживалась из-за отсутствия опыта такого рода взаимодействия, наступившей политической нестабильности в СССР, несовершенных правовых механизмов. На практике условия для привлечения иностранного капитала были недостаточными, и перспективы свободного предпринимательства в регионе оставляли желать лучшего. До конца не были определены полномочия местных советских органов и администраций свободных зон, кроме того, в этот период происходит появление в РСФСР законов, направленных на либерализацию предпринимательства, все это снизило привлекательность дальневосточных проектов. Важной причиной, замедлявшей трансграничное взаимодействие с Японией и КНДР, были серьезные противоречия, существовавшие на уровне межгосударственных отношений.

В целом попытки к трансграничному регулированию отношений ДВР с сопредельными странами оживили эти отношения, но так и не привели к желаемому результату — подъему и модернизации экономики региона. Более того, уже к середине 1993 г. стало ясно, что активизация региональных связей в условиях несформировавшейся законодательной базы может иметь и негативные последствия: деформация отраслевой структуры регионального хозяйства, неконтролируемой миграции и т. д. Подобные последствия были обусловлены также слабостью дальневосточной экономики, не готовой к интеграции в «мировое сообщество» на паритетной основе, чрезмерной либеральной идеологизированностью новой экономики, практически бесконтрольным процессом открывания границ региона [5].

Негативные последствия трансграничной открытости и, прежде всего, плохо регулируемый быстрый приток китайских мигрантов во второй половине 1993 г. побудили администрации приграничных регионов принять постановления, ужесточавшие правила въезда и пребывания китайских граждан. Под давлением региональных администраций федеральный центр взял курс на барьеризацию трансграничных миграционных потоков. В 1993 г. заключены российско-китайские соглашения о визовых поездках граждан, а также вышли постановления Правительства РФ об иммиграционном контроле и предупреждении неконтролируемой миграции (1994 г.), Федеральный закон «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ» (1996 г.) [3, 6, с. 380–400].

В середине 1990-х гг. происходят изменения в экономической пограничной политике. Государственная стратегия экономической безопасности (утверждена указом Президента РФ в 1996 г.) рассматривает усиление зарубежного капитала в региональной экономике как возможную угрозу экономической безопасности государства, приводящую к возможности потери контроля над частью национального богатства. К тому же к середине 1990-х, в условиях обострившегося экономического кризиса в стране, снижения объемов производства, российские предприятия оказываются в состоянии дефицита оборотных средств. Соответственно, для них привлекательность бартерных сделок снижается. Эти обстоятельства также становятся сдерживающим фактором во взаимной торговле до начала 2000-х гг.

В 1997 г. вступило в силу двустороннее Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Россией и ЕС, согласно которому на взаимную торговлю распространялось большинство норм ВТО. Активизировался рост внешней торговли со странами Запада, и Россия оказалась в стороне от участия в Азиатских интеграционных процессах и от процесса взаимодействия ЕС и Восточной Азии, который начался с созданием в 1996 г. международной организации «Азия — Европа» (АСЕМ), форума постоянных встреч между руководителями Восточной Азии и ЕС. Для России своевременное присоединение к АСЕМ (постоянным членом которой Россия становится в 2011 г.) сыграло бы необходимую роль для участия в торгово-экономических связях между ЕС и Восточной Азией.

Смена курса в 1993–2000 гг. и отказ правительства от радикально-либеральной пограничной политики имели целью организовать приграничное сотрудничество, сократить долю нелегального участия в нем множества субъектов, тем самым увеличить возможность привлечения в регион крупного иностранного капитала. В эти годы в ДВР возникают трансграничные институты межрегионального типа, такие как Российско-Китайский координационный совет по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству (1998 г.), Дальневосточный комитет по приграничному сотрудничеству с Японией, Российско-Японская инициативная рабочая группа по региональному сотрудничеству.

Изменения в регулировании трансграничных отношений ДВР в 1993–2000 гг. не привели к установлению скоординированной политики в регионе. Причиной этому было существование одновременно острых внутренних противоречий в российской политико-административной элите и противоречий межгосударственного характера. В эти годы между федеральным центром и администрациями дальневосточных краев и областей шла борьба за контроль над государственной границей и трансграничными потоками товаров и ресурсов. Приграничное и межрегиональное сотрудничество осуществлялось при отсутствии специального законодательства. Действующее законодательство не предусматривало каких-либо преференций для приграничного сотрудничества. В связи с этим возникли серьезные разногласия по вопросам выбора оптимальных географических и отраслевых направлений трансграничного сотрудничества и распределения доходов от него региональными и местными властями [1].

В результате принятые государством в 1993–2000 гг. меры привели не к упорядочиванию миграционных и товарных потоков на Дальнем Востоке, а к их превращению в нелегальные. Подобная модель экономических отношений в регионе способствовала не социально-экономическому прогрессу, а дальнейшей деградации региона.

С начала нового десятилетия начинают меняться институциональные условия приграничного сотрудничества. Централизация власти и финансовых ресурсов в федеральном центре и перераспределение полномочий между уровнями и ветвями власти оказали значительное влияние на формирование пограничной политики на Российском Дальнем Востоке, хотя и напрямую его не ограничили. В период с 2000-го по 2006 г. правительством были разработаны новые концепции охраны границы, таможенного и миграционного контроля, информационной безопасности РФ, проведена работа по дополнению и унификации центрального и регионального законодательства в этих сферах. С 2004-го по 2006 г. была существенно расширена пограничная зона (с 5 до 30 км — в некоторых случаях) по всему периметру российских границ, в которой Федеральной службой безопасности жестко регламентируются поездки населения и хозяйственная деятельность [2].

Пограничная политика в ДВР в 2000–2006 гг. в целом стала более дифференцированной. Особенно ярко это проявлялось в регулировании трансграничных отношений в экономической сфере. Закон № 122-ФЗ от 2004 г. еще сильнее ограничил финансовые возможности регионов, бюджетные расходы которых должны жестко соответствовать их властным полномочиям. Активизировалась борьба с нелегальным импортом (с 2004 г.), ограничиваются возможности для челночного бизнеса, одновременно эти меры сопровождаются либерализацией валютного контроля и снижением таможенных пошлин. Более жесткий характер приобретает пограничная политика в социально-демографической сфере.

В период становления и активной институционализации ШОС, т. е. в 2001–2004 гг., основными донорами иностранной рабочей силы на дальневосточном рынке труда были страны, создавшие эту международную организацию, прежде всего КНР, чему способствовало прошлое российско-китайских миграционных связей, которое характеризуется оформлением концептуальных основ национальных миграционных политик. Принятые федеральные законы «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «О гражданстве Российской Федерации» и сопутствующий им пакет ведомственных актов устранили накопившиеся за десятилетие (1990-е гг.) проблемы правового регулирования в миграционной сфере [7].

С 2007 г. регулирование внешних связей ДВР вступило в новый этап развития, продолжающийся до настоящего времени. Важнейшей предпосылкой к этому стал общий пересмотр правительством РФ своей политики в отношении дальневосточного региона. В ноябре 2007 г. правительством была утверждена третья редакция федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья», которая предусматривала реализацию комплекса мер по стимулированию международного сотрудничества ДВР как важного фактора модернизации экономики и социальной сферы региона.

В 2007–2012 гг. правительством были дифференцированы задачи по конкретным направлениям трансграничных отношений. Так, наиболее значительное понижение жесткости функционирования границы на этом этапе произошло в социально-демографической сфере. В соответствии с вступившим в действие с начала 2007 г. ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан» разрешительный порядок учета иностранцев был заменен уведомительным, а его процедура существенно упростилась. После вступления в 2007 г. в действие нового миграционного законодательства вводится система квотирования иностранной рабочей силы (ИРС) с целью регулирования объемов ее привлечения в целом по стране и по регионам и защиты национального рынка труда.

В то же время правительство приняло ряд решений, направленных на ограничение экспорта необработанного леса и импорта продовольствия. В соответствии с постановлением Правительства РФ № 158 от 24 марта 2006 г. в качестве одного из приоритетных направлений внешнеторговой политики РФ была выбрана постепенная переориентация России из сырьевого поставщика необработанных лесоматериалов в продавца готовой конкурентоспособной продукции.

Подписание в 2009 г. РФ и КНР «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.)» можно рассматривать как шаг к трансформации пограничной политики России на Дальнем Востоке в трансграничную. В рамках этой программы работают два института: Российско-китайский координационный совет по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству и Российско-китайская постоянная рабочая группа по приграничному и межрегиональному торгово-экономическому сотрудничеству, деятельность которых должна способствовать более тесной координации пограничных политик регионов. Стоит отметить, что продолжают свое развитие совместные с Китаем свободные экономические зоны, планы на создание таковых содержит в себе и Программа сотрудничества между регионами России и КНР (2009–2018 гг.).

В октябре 2013 г. в Комсомольске-на-Амуре состоялось заседание правительственной комиссии по развитию Дальнего Востока. Участники заседания, прошедшего под председательством Премьер-министра РФ, обсудили вопросы социально-экономического развития Дальнего Востока. Д. Медведев, открывая заседание, признал, что модели, используемые для развития Дальнего Востока в последние годы, не были абсолютно удачными и не дали экономического эффекта, на который были рассчитаны. На заседании был констатирован факт, что если СЭЗ привязывать к конкретному региону, это сразу же порождает местную коррупцию, и была рассмотрена идея создания единой особой экономической зоны. А полномочия Минэкономразвития по ее организации планируется передать Минвостокразвития. Чтобы исключить коррупционные риски, Минвостокразвития будет курировать каждый проект[1].

Либерализация пограничной политики в регионе осуществляется российским правительством крайне медленно и осторожно, и это обусловлено внутренней экономической и демографической слабостью дальневосточных регионов России, которые в случае слишком открытых границ попадут в прямую зависимость от сильных региональных акторов. Определенные риски для перспектив эволюции российской пограничной политики в трансграничную связаны с возможным обострением межгосударственных противоречий в сопредельных странах [4].

Литература

1. *Вардомский Л. Б.* Внешнеэкономическая открытость и региональные процессы в России // Голос России. 2000. № 1 (8). С. 30–32.
2. *Вардомский Л. Б.* Приграничное сотрудничество на «новых и старых границах» России // Евразийская экономическая интеграция. Алматы, 2008. С. 90–108.
3. *Гельбрас В.* Россия в условиях глобальной китайской миграции. М.: ЮНИТИ, 2009. 162 с.
4. *Киреев А. А.* Регулирование трансграничных отношений российского Дальнего Востока в 1988–2011 гг. // Ойкумена. 2011. № 3. С. 7–19.
5. *Лаврентьев А. В.* Изменение внешнеэкономической политики государства на Дальнем Востоке СССР (вторая половина 1980-х – 1991 г.): основные результаты и противоречия // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 119–123.

[1] Правительственная комиссия по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока // Правительство России, Новости: [Электронный ресурс] URL: http://government.ru/news/7718 (дата обращения: 10.11.2013).

6. *Ларин В. Л.* В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
7. *Мишунина А. А.* Системный подход государственного регулирования миграционных процессов в Российской Федерации // Право и политика. 2009. № 11. С. 25–27.
8. *Моисеева Л. А.* Создание на Дальнем Востоке России совместных предприятий с предпринимателями стран АТР в 1985–2000 гг. // Россия и АТР. 2005. № 2. С. 58–70.
9. *Орешкин В. А.* Внешнеэкономический комплекс России — проблемы и перспективы // Мировая экономика и международные экономические отношения. 2001. № 5. С. 31–43.

References

1. Vardomsky L. B. *External economic openness and regional processes in Russia* [Vneshneekonomicheskaya otkrytost' i regional'nye protsessy v Rossii] // Voice of Russia [Golos Rossii]. 2000. N 1 (8). P. 30–32.
2. Vardomsky L. B. *Border cooperation on "new and old borders" of Russia* [Prigranichnoe sotrudnichestvo na «novykh i starykh granitsakh» Rossii] // Eurasian Economic integration [Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya]. Almaty, 2008. P. 90–108.
3. Gelbras V. *Russia in the conditions of global Chinese migration* [Rossiya v usloviyakh global'noi kitaiskoi migratsii]. M.: UNITI, 2009. 162 p.
4. Kireev A. A. *Regulation of the cross-border relations of the Russian Far East in 1988–2011 years* [Regulirovanie transgranichnykh otnoshenii rossiiskogo Dal'nego Vostoka v 1988–2011 gg.] // Oecumene [Oikumena]. 2011. N 3. P. 7–19.
5. Lavrentev A. V. *Change of the external economic policy of the state in the Far East of the USSR (the second half of the 80th – 1991): the main results and contradictions* [Izmenenie vneshneekonomicheskoi politiki gosudarstva na Dal'nem Vostoke SSSR (vtoraya polovina 80-kh – 1991 gg.): osnovnye rezul'taty i protivorechiya] // Humanities in Siberia [Gumanitarnye nauki v Sibiri]. 2009. N 2. P. 119–123.
6. Larin V. L. *In a shadow of the woken-up dragon: Russian-Chinese relations at a boundary of the XX–XXI centuries* [V teni prosnuvshegosya drakona: Rossiisko-kitaiskie otnosheniya na rubezhe XX–XXI vv.]. Vladivostok: Dalnauka, 2006. 424 p.
7. Mishunina A. A. *System approach of state regulation of migratory processes in the Russian Federation* [Sistemnyi podkhod gosudarstvennogo regulirovaniya migratsionnykh protsessov v Rossiiskoi Federatsii] // Right and policy [Pravo i politika]. 2009. N 11. P. 25–27.
8. Moiseeva L. A. *Creation in the Far East Russia of joint ventures with businessmen of the countries of ATR in 1985–2000* [Sozdanie na Dal'nem Vostoke Rossii sovmestnykh predpriyatii s predprinimatelyami stran ATR v 1985-2000 gg.] // Russia and ATR [Rossiya i ATR]. 2005. N 2. P. 58–70.
9. Oreshkin V. A. *External economic complex of Russia — a problem and prospect* [Vneshneekonomicheskii kompleks Rossii — problemy i perspektivy] // World economy and the international economic relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya]. 2001. N 5. P. 31–43.

Кадровая политика как одна из основ рекрутирования политической элиты

Субботин Платон Александрович
Санкт-Петербургский государственный университет
Факультет политологии
Аспирант
platon-sub@yandex.ru

РЕФЕРАТ
В статье рассматриваются место и функции политической элиты в современном обществе. Описаны каналы, механизмы и типы рекрутирования элиты. Также в статье проводится сопоставление каналов рекрутирования политических элит на Западе, в Советском Союзе и постсоветской России. Институт «кадровый резерв» рассматривается в статье как одна из попыток оптимизации системы рекрутирования политико-административной элиты нашей страны. Автор проводит сегментацию участников резерва управленческих кадров в Санкт-Петербурге и анализирует требования, предъявляемые к кандидатам. Важнейшим критерием рекрутирования элиты должна стать способность человека к управлению другими людьми. Именно люди, обладающие организаторскими способностями, умеющие нестандартно мыслить и прогнозировать результаты своей работы, должны попасть в политико-административную элиту и стать генераторами новых идей для дальнейшего преобразования политического и экономического уклада России. Автор приходит к выводу, что современная Россия нуждается в новой, соответствующей принципам демократии и социальности государственной кадровой политике, способствующей созданию эффективного, демократического и социально справедливого государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
политическая элита, функции элиты, рекрутирование элиты, механизмы рекрутирования, кадровый резерв, элит-качества, кадровая политика

Personnel Policy as one of the Foundations of Recruitment of the Political Elite

Subbotin Platon Aleksandrovich
Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Faculty of Political Sciences
Graduate student
platon-sub@yandex.ru

ABSTRACT
The article considers the place and function of the political elite in modern society. Described channels, mechanisms and types of recruitment the elite. The article also be conducted mapping channels for the recruitment of the political elite in the West, the Soviet Union and post-Soviet Russia. The Institute personnel reserve is considered in the article as one of the attempts to optimize the system of recruitment of the political and administrative elite of our country. The author conducts a segmentation of the participants of the Reserve of administrative staff in St. Petersburg and analyzes the requirements to candidates. The most important criterion for recruiting elite should become a person's ability to control other people. It's the people, have organizational skills, able to think outside the box and to predict the results of their work must get in the political and administrative elite and to become generators of new ideas for the further transformation of political and economic life of Russia. The author comes to the conclusion that modern Russia needs a new, consistent with the principles of democracy and the sociality of the state personnel policy conducive to the creation of effective, democratic and socially just state.

KEYWORDS
political elite, the functions of the elite recruitment of the elite, the mechanisms of recruitment, personnel reserve, elite-quality, human resources policy

Опыт политической практики стабильных демократических государств доказывает, что в процессе распределения власти отсутствует равноправное участие в нем всех граждан. Власть осуществляется узким кругом лиц, представляющих собой меньшинство, которое в силу ряда факторов манипулирует массами. Научное обоснование неизбежности разделения общества на меньшинство, обладающее властью, и управляемое им большинство представляет собой в политической науке концепцию элиты.

Классическим является вариант концепции элиты, предложенный представителями итальянской школы политической социологии и основанный на наблюдении за поведением элиты в политической жизни страны. Итальянским правоведом Гаэтано Моска в труде «Основы политической науки» была обоснована идея о существовании во всех обществах, начиная с едва достигших зачатков цивилизации и заканчивая просвещенными и мощными, класса управляющих и класса управляемых. Класс управляющих, несмотря на малочисленность, осуществляет все политические функции и монополизирует власть, класс управляемых является многочисленным, но регулируется первым, а также поставляет ему материальные средства, необходимые для жизнеспособности политического организма.

Политическим элитам в обществе даются определенные функции:

1) выражение общего интереса всех классов или слоев, которые элиты представляют;
2) формирование и осуществление политического курса, основываясь на общенациональном интересе;
3) поддержание кадровой политики на высшем уровне, взращивание и выдвижение политических лидеров;
4) защита ценностей, характеризующих данное общество;
5) распределение ценностей и ресурсов в обществе;
6) принятие конкретных управленческих решений [3, с. 74].

Важное значение для цивилизованного общества имеют создание эффективной элиты, обеспечение ее социальной представительности, предотвращение склонности к олигархизации. Обществу больше подходит устойчивая демократическая элита, способная наладить стабильную связь с населением с высокой степенью сплоченности, способная понимать политических оппонентов и находить компромиссные решения в конфликтных ситуациях, от чего зависит длительность пребывания политической элиты у власти.

Элиты разрабатывают цели и перспективы развития общества, принимают стратегически важные решения и используют ресурсы государственной власти для их осуществления. Политическая элита характеризуется наличием права выдвигать из своей среды политических лидеров, права на привилегии, закрытости или полузакрытости для чужих социальных слоев, наличия психологии превосходства, собственной идеологии, а также разрешенный доступ к закрытой информации и высокой культуре.

Основное место в исследованиях элит принадлежит каналам и механизмам рекрутирования.

Под рекрутированием политической элиты понимается процесс, в котором участники переводятся на высшие политические должности. Исследование процесса рекрутирования способствует четкому пониманию, какими способами люди вовлекаются в политику и выдвигаются на руководящие посты, устанавливают политические контакты и как делают политическую карьеру [2, с. 85].

На Западе вовлечение элиты осуществляется в соответствии с тщательно разработанными процедурами, в результате чего происходит периодическое обновление персонального состава элиты, и вместе с тем структура элиты остается и не терпит значительных изменений. По-другому дело обстоит, когда ломается вся

политическая система и в периоды политической нестабильности. В то же время происходит смена в государственном управлении людей, занимающих ключевые позиции в государстве. Чиновники высших эшелонов власти лишаются своих постов и, как следствие, возникает много вакансий, заполняющихся с нарушением правил. Одним из основных моментов рекрутирования элиты является широта ее социальной базы, круга лиц, отбирающего элиту, и сама процедура этого отбора.

Следует учесть и тип вовлечения элиты. Так, отечественный исследователь Г. К. Ашин выделяет два типа рекрутирования: открытый и закрытый. Открытое рекрутирование основывается на отборе в виде честного конкурса, когда благополучный исход решают личные качества человека, его способности, образованность, нравственные характеристики, а не его анкетные данные, социальная принадлежность. Если же на элитные должности выдвигаются не по личным данным, а по принципу «своего» человека, то этот тип является закрытым типом [1, с. 26].

В Советском Союзе государственная власть в основном распространяла идейно-политические взгляды партии «большевиков». В реализации методов власти особую роль играла политическая идеология, представляющая собой совокупность теоретических и практических предложений, взглядов, идей, мнений и установок, осуществляемых в процессе функционирования политической власти. Формирование идеологии политической власти происходило в двух, связанных между собой, направлениях:

1) разрабатывались идейно-политические установки РКП согласно принятому ею стратегическому курсу на построение социализма в Советской стране;
2) утверждалась и получала широкое распространение в обществе идеология партии, которая впоследствии преобразовывалась в идеологию государства. Из-за этого советский период характеризовался закрытым типом рекрутирования элиты, предполагавшим строгое прохождение всех ступеней номенклатурных должностей, от секретаря райкома или горкома КПСС до члена ЦК КПСС или секретаря ЦК КПСС. Обязательное условие для продвижения по номенклатурной лестнице заключалось в членстве в руководящей партии.

Но, согласно исследованиям руководителя Центра изучения элиты Института социологии РАН О. Крынтановской, процесс обновления элиты в России советского периода шел за счет внеэлитных слоев, так как он проходил в государстве с однопартийной системой, когда элите негде было черпать кадры для пополнения самой себя, кроме как из народа. Поэтому вертикальная мобильность в советское время была уникальной, но часто и принудительной, так как многие социальные группы по решению партии должны были быть представлены в высших органах власти [4, с. 56].

Реформы Горбачева начали длительный период трансформации. В период перестройки были заложены основы для формирования класса собственников, которые пока оставались полностью зависимыми от государства. В тот период элита открылась: возник новый канал рекрутации — альтернативные выборы. Были подорваны устои моноцентрического государства — центр власти перемещается от Коммунистической партии к Советам народных депутатов. Конкуренции элит пока нет. Но уже исчезает принудительная мобильность, и «слабые» социальные группы (молодежь, женщины, рабочие, крестьяне) безвозвратно потеряли свое представительство в законодательных органах власти.

Волна демократизации охватила страну. Подобно принципу домино, рушились старые устои. И элита уже не могла управлять этим процессом. Более того, элита стала заложником общественных настроений. Начавшаяся плюрализация политического поля, возникновение неустойчивой полиархии, экопомизация и появление класса независимых от государства собственников происходили не столько под управлением элиты, сколько были следствием глобальных изменений в обществе. Но как только ушел президент, позволивший разгуляться стихии, политический

класс постепенно стал восстанавливать управляемость страной. Сработали старые традиции и многолетний опыт: чиновники начали восстанавливать государство, построенное на принципах авторитаризма. Начался процесс *советизации*, который означал, что демократизация идет вспять.

В середине 1990-х гг. политическая элита постепенно избавлялась от представителей гражданского общества, так как ее составляют уже фактически две группы, между которыми развернулась конкурентная борьба, — это представители чиновничества и представители хозяйствующих субъектов, позднее к которым присоединились представители крупного частного бизнеса.

Сравнивая каналы рекрутирования элит в различных странах, Р. Патнем показывает, что роль политических партий в формировании высших эшелонов власти значительна в парламентских режимах большинства западных стран [12, с. 77]. В России 1990-х гг. с развитием многопартийной системы партии так и не стали механизмом представительства интересов различных групп населения во власти, а следовательно, и не являются тем институтом, через который происходит рекрутирование политической элиты.

Именно при Б. Ельцине возникла конфронтация законодательной власти с верховной властью, что резко критиковалось общественным мнением, — бурную жизнь Думы часто называли «болтовней». Плюрализм мнений воспринимался не как шаг к демократическому государству, а как фактор, который мешает верховной власти принимать решения. Анализируя эту ситуацию, отечественный исследователь демократии М. В. Яковлев пришел к выводу, что одной из основных ее причин стало «пренебрежение формированием институциональных основ демократии» в период ельцинского правления [11, с. 115]. Как результат: Дума перестала быть центром власти и сегодня постепенно переходит в подчинение верховной власти, выполняя функцию ее кадрового резерва.

Последние годы ельцинского периода российских реформ можно назвать периодом нелегитимного регентства. Происходит острейшая борьба кланов за влияние на «отсутствующего» президента. Менялось все: политическая система, правила игры и сами люди на высоких постах. Приход к власти Владимира Путина стал облегчением для российской элиты, которая утратила уверенность в завтрашнем дне из-за непредсказуемых действий верховной власти.

Одним из результатов деятельности второго президента России стало вступление в силу официального механизма рекрутирования элит. Речь идет о Федеральном законе от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». В этом документе, в частности, описывается процедура конкурсного отбора представителей бюрократии на основании ряда критериев, а также должности, классные чины и т. д.[1]

Анализируя властную элиту России начала 2000-х гг., многие отечественные исследователи указывают на постепенный переход элиты от открытого состояния к состоянию закрытости [8, с. 103], подчеркивая, что современная политическая реформа позволяет говорить о восстановлении государственной вертикали власти и моноцентрического типа государства, при котором конкуренция элит уже невозможна [10, с. 241].

Это произошло из-за того, что власть не обладала четко разработанной и продуманной позицией по смене управленческой элиты, также не были определены четкие параметры отбора кандидатов. Все эти обстоятельства в совокупности требовали от властной элиты проведения ротации кадров для дальнейшего реформирования политического и экономического уклада страны.

---

[1] О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Российская газета. 31.07.2004.

Поэтому в 2009 г. президент Д. А. Медведев внес предложение о введении кадрового резерва, который позволит провести «всестороннюю модернизацию... основанную на ценностях и институтах демократии»[1]. В кадровый резерв, по словам президента Д. Медведева, должны попасть лучшие управленцы страны. Основным критерием при отборе кандидатов в кадровый резерв должны стать их управленческие способности.

Задача кадрового резерва заключается в обеспечении удовлетворения потребности в руководящих кадрах системы государственного и муниципального управления и служебного продвижения специалистов.

Под кадровым резервом понимается специально созданная, на основе установленных критериев, группа перспективных работников, имеющих необходимые для выдвижения профессиональные деловые, личностные и морально-этические качества, а также проявивших себя на занимаемых должностях с положительной стороны, прошедших необходимое обучение и предназначенные занять определенные должности в организации.

Государственные кадровые резервы создаются на всех уровнях власти: от Президента РФ, Правительства РФ, субъектов Федерации до муниципалитетов.

Резервы создаются с учетом наиважнейших потребностей государства, а также перспективных, стратегических целей. Эта серьезная работа идет с опережением и не должна сводиться к бюрократическим процедурам и формальным показателям.

Например, в целях усовершенствования государственного, муниципального и хозяйственного управления в Санкт-Петербурге, согласно Перечню поручений Президента Российской Федерации, созданному по итогам совещаний по формированию резерва управленческих кадров от 01.08.2008 г. № 1573, был сформирован резерв управленческих кадров в Санкт-Петербурге.

Кадровый резерв Санкт-Петербурга формируется на основе кадровых резервов государственных органов Санкт-Петербурга.

Включение гражданского служащего (гражданина) в кадровый резерв Санкт-Петербурга оформляется распоряжением администрации Губернатора Санкт-Петербурга.

Кандидат, заявленный в резерв управленческих кадров, должен владеть знаниями и навыками, необходимыми для оперативного принятия взвешенных и адекватных решений, обладать инициативностью, уметь нестандартно мыслить и прогнозировать результаты своей работы. Наряду с этими требованиями кандидат в резерв обязан обладать знаниями современных технологий и уметь стремительно реагировать на изменение ситуации.

Е. О. Подолько считает, что представители современной политической элиты должны обладать следующим набором субъективных и личностных качеств, как:

1) духовно-нравственными позициями и просоциальными установками в области социальной полезности и ответственности политического деятеля;
2) высокой рефлексивностью, способность к быстрому принятию решений в условиях неопределенности;
3) мобильностью, которая трактуется в виде интегрального показателя доверия, высокой вариативности поведения и коммуникативного потенциала [6, с. 119].

По утверждению губернатора Санкт-Петербурга Г. С. Полтавченко, резерв управленческих кадров никогда не рассматривался как некий элитный закрытый клуб. Резерв в первую очередь является открытым каналом для притока свежих сил, пополнения экономической сферы, государственного и муниципального управления молодыми перспективными руководителями [7].

---

[1] Послание Президента РФ Медведева Федеральному собранию Российской Федерации от 13.11.2009 г. // Российская газета. 13.11.2009. № 214.

И это подтверждается изменением принципов формирования Реестра кадрового резерва Санкт-Петербурга. Если в самом начале существования резерва он в основном наполнялся по рекомендациям руководителей государственных органов, то теперь появилась возможность выдвигать в резерв своих кандидатов у ряда других органов и структур, например, таких как Торгово-промышленная палата, комиссия по Президентской программе подготовки управленческих кадров.

Вне зависимости от того, кто рекомендовал кандидата, его личностные и деловые качества оцениваются специальной комиссией при проведении конкурса на включение его в кадровый резерв государственного органа, также претендент проходит процедуру психологического тестирования. Комплексная оценка кандидата с использованием современных методик направлена на выявление уровня знаний и навыков претендентов, степени их управленческой компетенции, личных и деловых качеств.

На данном этапе резерв управленческих кадров Санкт-Петербурга включает в себя три сегмента.

Первая группа представляет собой людей, уже занимающих какие-либо должности в государственных органах, и не только в госорганах Санкт-Петербурга. Сюда причисляются сотрудники федеральных министерств или прокуратуры.

Вторая группа включает в себя представителей реального сектора экономики, сюда относятся бизнесмены и руководители государственных предприятий.

В третью группу входят представители органов местного самоуправления, как исполнительных, так и выборных.

Численность всего резерва составляет 191 человек [9].

Интересно отметить, что в Санкт-Петербурге действует и молодежный кадровый резерв. Рассказывая о его работе, губернатор Санкт-Петербурга Г. Полтавченко привел данные о том, что в 2013 г. «20 первых выпускников начали работу в городских органах исполнительной власти».[1]

Губернатор Санкт-Петербурга планирует внести особый законопроект, закрепляющий принятие госслужащих на руководящие должности только по срочным контрактам, а также требующий обосновывать достоинства принимаемых на работу кандидатов, в резерве не состоящих. Как предполагает администрация Санкт-Петербурга, такая система будет способствовать установлению более строгого контроля за руководящими кадрами и будет стимулировать разработку единых критериев.

Но, как считают некоторые петербургские политики, новые правила использования резерва не способны полностью решить главную кадровую проблему Петербурга. Депутат от фракции КПРФ Ирина Комолова высказывает мнение, что с введением кадрового резерва произойдет то, что власть еще больше замкнется в самой себе. «Раньше хотя бы теоретически была надежда, что через конкурс туда сможет попасть человек со стороны, — говорит она. — Теперь, чтобы попасть в элиту, нужны будут длительные заслуги перед этой элитой». По мнению И. Комоловой, список качеств, которые наиболее ценятся в такой системе, заключается в преданности определенным людям и определенному режиму, а также способности выполнять указания в армейском стиле. Именно поэтому создание наиболее совершенного механизма государственной службы она сравнивает со строительством завода, производящего одинаковые винтики. Даже если в результате проводимых реформ существующая бюрократическая машина станет работать более слаженно, это не обязательно отразится на улучшении положения в государстве.

[1] Губернатор Санкт-Петербурга Георгий Полтавченко — о прошлой работе в КГБ, буднях губернатора, строительстве в центре города, отношениях с церковью и будущих выборах // Ведомости. 2013. 17 декабря.

«Когда система замыкается в самой себе, она обречена на вырождение» [9], — подвела итог своему высказыванию И. Комолова.

Итак, несмотря на принятые меры, механизм рекрутирования элит остается в регионах исключительно закрытым. Региональные политические элиты, сложившиеся на местах, всячески противятся привлечению в свои ряды государственных служащих из других регионов либо людей, не относящихся к миру политики.

Приход профессионалов из других сфер деятельности (кроме регионального бизнеса, который тесно связан с местной властью) воспринимается региональными политическими элитами как угроза собственной безопасности и стабильности.

По-прежнему преобладает номенклатурный подход, когда чиновники проходят долгий путь внутреннего отбора, поднимаясь по управленческой иерархии.

Согласно концепции Гаэтано Моска, динамика изменения политических элит подразделяется на аристократическую, характеризуемую стремлением политического класса стать наследственным, если не юридически, то фактически (в случае доминирования этой тенденции происходят вырождение элиты и общественный застой) и демократическую, выражающуюся в обновлении политического класса за счет выдвижения наиболее способных и активных низших слоев, способных управлять и оперативно реагировать на происходящие изменения в государстве, предотвращая, таким образом, вырождение элиты и делает ее способной эффективно руководить обществом.

Введение кадрового резерва без учета потребностей общества может стать имитацией бурной псевдодеятельности по преобразованию нынешней управленческой элиты, а не кадровым лифтом для людей, имеющих способность к управлению, обладающих организаторскими способностями, которые могут и хотят стать генераторами новых идей в дальнейшем преобразовании политического и экономического уклада России.

Как считает автор, действующие критерии отбора не способствуют реализации одной из основных задач кадрового резерва, заключающейся в увеличении эффективности работы органов государственной власти.

Данное мнение также основывается на результатах опроса «Что является, на Ваш взгляд, наиболее значимым критерием при оценке кандидата в кадровый резерв?», проведенного на сайте Федерального портала управленческих кадров. В опросе приняли участие 1772 человека, в основном незарегистрированные пользователи Федерального портала управленческих кадров (95,5%). Наибольшая часть респондентов (38,5%) считают наиболее значимым критерием при оценке кандидата в кадровый резерв ориентацию на достижение результата. По мнению примерно четверти участников голосования (23,3%), критерии оценки непосредственно должны зависеть от занимаемой должности. На умение оптимизировать имеющиеся ресурсы в качестве основного критерия оценки кандидата в кадровый резерв указывают 17,1% участников анкетирования. Практически одинаковую оценку получили такие факторы, как способность к решению социальных конфликтов в интересах работников и дела, а также стаж работы по профилю деятельности (7,5 и 7,1% соответственно). Скорость принятия решений как значимый критерий оценки кандидатов в кадровый резерв выделили 3,7% респондентов. И, наконец, 2,8% участников опроса отметили готовность к обоснованному риску в качестве определяющего фактора оценки[1].

[1] Подведены итоги анкетирования пользователей Федерального портала управленческих кадров по вопросу «Что является, на Ваш взгляд, наиболее значимым критерием при оценке кандидата в кадровый резерв?» // Федеральный портал управленческих кадров: новости, документы, вакансии, аналитика: [Электронный ресурс]. URL: http://hghltd.yandex.net/yandbtm (дата обращения: 23.02.2014).

Безусловно, современная Россия нуждается в новой, соответствующей принципам демократии и социальности государственной кадровой политике, способствующей созданию эффективного, демократического и социально справедливого государства. В этом заключается стратегия и тактика государства с целью формирования, развития и рационального использования интеллектуально-трудовых ресурсов страны.

Уровень открытости и опора на социальную базу определяют оптимальность государственной кадровой политики в сфере элит. В демократическом обществе ориентиром является качественная элита, когда учитываются воля и интересы наиболее перспективных социальных слоев — предпринимателей, интеллигенции, квалифицированных рабочих, крестьян, служащих, всех тех, кто является носителями прогрессивных политических и социально-экономических отношений.

Исходя из опыта многих стран, можно рассмотреть существующие пути оптимизации системы рекрутирования политико-административной элиты. В первую очередь этими путями являются наличие выборности и конкурсов претендентов на государственные посты, квалификационные экзамены и работа с «резервом», плотное и плодотворное взаимодействие с политическими партиями, профсоюзами и иными общественными организациями.

Литература

1. *Ашин Г. К.* Рекрутирование элиты // Власть. 1997. №5. С. 25–31.
2. *Ашин Г. К.* Элитология. М.: МГИМО — Университет, 2005.
3. *Елизарова В. П.* Элитистская теория демократии и современный российский политический процесс // Полис. 1999. №1. С. 72–77.
4. *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
5. *Орех Е. А.* Изучение механизмов рекрутирования во власть в современной российской этиологии: Постановка проблемы // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / Отв. ред. В. Г. Игнатов, О. В. Гаман-Голутвина, А. В. Понеделков, А. М. Старостин. Ростов н/Д.: СКАГС, 2004.
6. *Подолько Е. О.* Личность и элита в социальной траектории. Тверь: Научная книга, 2011.
7. *Полтавченко Г. С.* Резерв управленческих кадров // Ресурсный центр: сайт Санкт-Петербургского межрегионального ресурсного центра: [Электронный ресурс]. URL: http://n.spbmrc.ru/personnel-reserve (дата обращения: 23.01.2014).
8. *Понеделков А. В., Старостин А. И.* Российские элиты на рубеже XX–XXI вв.: Особенности генезиса, взаимодействия и позиционирования во власти // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / Отв. ред. В. Г. Игнатов, О. В. Гаман-Голутвина, А. В. Понеделков, А. М. Старостин. Ростов н/Д.: СКАГС, 2004.
9. *Смирнова М.* Кадровое замыкание // ЗАГС.ру – политическая жизнь Санкт-Петербурга: Новостной сайт. Политические новости, публикации СМИ, публицистика, аналитика. Биографии политиков, депутатов, VIP-персон, рейтинг влиятельности: [Электронный ресурс]. URL: http://www.zaks.ru/new/archive/view/118227 (дата обращения: 21.01.2014).
10. *Старкова М. А.* Политический дискурс элит как репрезентация политической стратегии и тактики // Власть и элиты в российской трансформации: Сб. науч. статей. СПб.: Интерсоцис, 2005. С. 238–245.
11. *Яковлев М. В.* Особенности современной демократии в России // Перспективы науки. 2013. №1. С. 114–117.
12. *Putnam R.* The Comparative Study of Political Elites. N.Y., 1976.

References

1. Ashin G. K. *Recruitment of the elite* [Rekrutirovanie elity] // Power [Vlast']. 1997. N 5. P. 25–31.
2. Ashin G. K. *Elitology* [Elitologiya]. M.: MGIMO — University, 2005.
3. Elizarova V. P. *Elity theory of democracy and modern Russian political process* [Elitistskaya teoriya demokratii i sovremennyi rossiiskii politicheskii protsess] // Polis. 1999. N 1. P. 72–77.
4. Kryshtanovskaya O. *Anatomy of the Russian elite* [Anatomiya rossiiskoi elity]: M.: Zakharov, 2005. 384 s.

5. Walnut E. A. *Study of the mechanisms of recruitment into government in modern Russian etiology: Formulation of the problem* [Izuchenie mekhanizmov rekrutirovaniya vo vlast' v sovremennoi rossiiskoi etiologii: Postanovka problem] // the elite of modern Russia is in the process of political transformation [Vlastnye elity sovremennoi Rossii v protsesse politicheskoi transformatsii] / Resp. amended by V. G. Ignatov, O. V. Gaman-Golutvina, A. V. Ponedelkov, A. M. Starostin. Rostov n/D: Academy is under the direct, 2004.
6. Podolko E. O. *Personality and the elite social trajectories* [Lichnost' i elita v sotsial'noi traektorii] // Tver: Scientific book [Nauchnaya kniga], 2011.
7. Poltavchenko G. S. *Reserve of the managerial personnel* [Rezerv upravlencheskikh kadrov] // Resource centre: website of St. Petersburg interregional resource center: [Electronic resource]. URL: http://n.spbmrc.ru/personnel-reserve (date of access: 23.01.2014).
8. Ponedelkov A. V., Starostin A. I. *Russian elite at the turn of XX–XXI centuries: Features of Genesis, Genesis, interaction and positioning in the power* [Rossiiskie elity na rubezhe XX–XXI vv.: Osobennosti genezisa, genezisa, vzaimodeistviya i pozitsionirovaniya vo vlasti] // The elite of modern Russia is in the process of political transformation [Vlastnye elity sovremennoi Rossii v protsesse politicheskoi transformatsii] / Resp. amended by V. G. Ignatov, O. V. Gaman-Golutvina, A. V. Ponedelkov, A. M. Starostin. Rostov n/D: Academy is under the direct, 2004.
9. Smirnova M. *Personnel circuit* [Kadrovoe zamykanie] // ZAGS.ru — political life of St. Petersburg: news website. Political news, publications, media, journalism, analyst. Biographies of politicians, deputies, VIPs, influence rating: [Electronic resource]. URL: http://www.zaks.ru/new/archive/view/118227 (date of access: 21.01.2014).
10. Starkova M. A. *Political discourse elites as representation of political strategy and tactics* [Politicheskii diskurs elit kak reprezentatsiya politicheskoi strategii i taktiki] // Power and the elite in Russian transformation [Vlast' i elity v rossiiskoi transformatsii]: Sat. scientific articles. SPb.: Intersocis, 2005. C. 238–245.
11. Yakovlev M. V. *Features of Modern Democracy in Russia* [Osobennosti sovremennoi demokratii v Rossii]// Science Prospects [Perspektivy nauki]. 2013. N 1. P. 114–117.
12. Putnam R. *The Comparative Study of Political Elites*. N.Y., 1976.

Королева А. В.

Внешнеторговая деятельность Северо-Западного федерального округа со странами региона Балтийского моря

Королева Анастасия Валерьевна
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Аспирант кафедры международных экономических отношений
Koroleva.anastasiia@gmail.com

РЕФЕРАТ
В статье рассматривается внешнеторговая деятельность Северо-Западного федерального округа (СЗФО), в частности внешнеторговые отношения СЗФО со странами региона Балтийского моря (РБМ). Автор анализирует товарооборот между СЗФО и РБМ, характеризует статьи экспорта и импорта, предоставляет составленные рейтинги.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
внешняя торговля, межотраслевая торговля, регион Балтийского моря, Северо-Западный федеральный округ

Koroleva A. V.

Foreign Trade of the North-West Federal District with the Countries of the Baltic Sea Region

Koroleva Anastasiia Valerievna
Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate student of the Chair of International Economic Relations
Koroleva.anastasiia@gmail.com

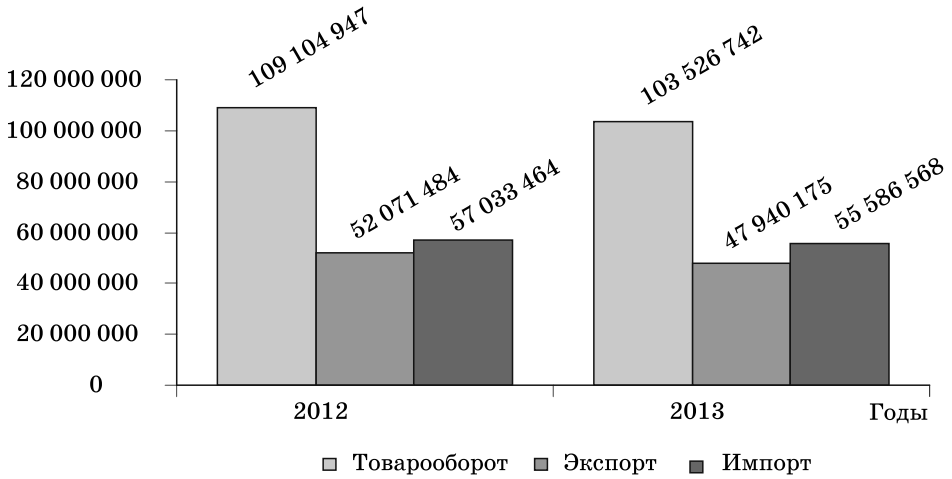
ABSTRACT
The article examines the foreign trade activities of the North-West Federal district (NWFD), trade relations between the NWFD and the Baltic Sea Region (BSR) countries for the period of recent years. The author analyzes the good turnover between the NWFD and the BSR, describes exports and imports, and provides ratings.

KEYWORDS
foreign trade, intra-account barter, the Baltic Sea region, the North-West Federal District

Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) России имеет уникальное географическое положение. Он непосредственно граничит со странами Европейского союза, Северной Европы, Содружеством Независимых Государств. Балтийское море связывает СЗФО с Федеративной Республикой Германия, Королевством Швеция, Королевством Дания, что создает предпосылки для развития экономических и культурных связей с зарубежными партнерами.

На сегодняшний день СЗФО участвует в ряде региональных программ и организаций международного сотрудничества, направленных на реализацию широкого круга задач развития региона Балтийского моря (РБМ) и государств Севера Европы. К ним относятся Арктический совет, Совет Баренц Евро-Арктического региона, Совет государств Балтийского моря, приграничное сотрудничество и политика «Северного измерения», охватывающая территорию сотрудничества вышеназванных организаций.

В данной статье автор рассматривает непосредственно внешнеторговые экономические отношения СЗФО со странами РБМ. По данным Таможенной статистики,



Внешняя торговля СЗФО, тыс. долл. США

Источник: сайт Федеральной таможенной службы. Северо-Западное таможенное управление: [Электронный ресурс]. URL: http://sztu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=261&Itemid=79.

внешнеторговый оборот РФ в 2013 г. составил 844,2 млрд долл. и увеличился по сравнению с 2012 г. на 0,4%. Внешнеторговый оборот России с РБМ в 2013 г. составил 19% от общего оборота России, что на 1% больше показателя 2012 г. При этом в 2013 г. внешнеторговый оборот Северо-Западного федерального округа составил 103 млрд 527 млн долл. США, что на 5% меньше объема оборота за прошлый год. Объем экспорта составил 47 млрд 940 млн долл. США, а импорта — 55 млрд 587 млн долл. США. Экспорт уменьшился на 8%, импорт — на 3%.

Сальдо торгового баланса в 2013 г. было отрицательное (рисунок). Внешнеторговый оборот СЗФО занимает 13% в общем обороте России, а товарооборот СЗФО со странами РБМ составил 23% от общего товарооборота СЗФО в 2013 г., что на 2% ниже, чем в 2012 г.

Среди субъектов Российской Федерации, входящих в состав СЗФО, в 2013 г. сохранили свое лидерство в экспорте Санкт-Петербург и Ленинградская область. В импорте 1-е место занял Санкт-Петербург, 2-е место — Калининградская область, 3-е место — Ленинградская область. В товарной структуре экспорта 1-е место заняли минеральные продукты, 2-е место — металлы и изделия из них, 3-е место — продукция химической промышленности. В товарной структуре импорта 1-е место занимали машины, оборудование, транспортные средства, 2-е место — продовольственные товары и сырье для их производства, 3-е место — продукция химической промышленности. В 2013 г. из СЗФО вывозились товары в 177 стран мира (в 174 страны в 2012 г.), а ввозились товары из 182 стран мира (из 188 стран в 2012 г.).

Под влиянием сезонных колебаний, нестабильности в политической, экономической и товарной конъюнктуре в различных регионах мира в условиях мирового экономического кризиса [1; 4] экспортная и импортная деятельность носила крайне неравномерный характер. В табл. 1 приведены данные о торговых отношениях СЗФО с отдельными странами РБМ.

Приоритет в торговле со странами РБМ принадлежит Германии (см. табл. 2). Экспортировались топливо, медь, черные металлы, древесина и удобрения. Из Германии поставлялись машиностроительная продукция, средства наземного транс-

Таблица 1

Итоги внешней торговли СЗФО со странами РБМ за 2012 и 2013 гг., млн долл. США

Страна	Показатели							
	Товарооборот		Экспорт из СЗФО		Импорт в СЗФО		Сальдо	
	Годы							
	2012	2013	2012	2013	2012	2013	2012	2013
Финляндия	5797,5	5669,2	3338,7	2978,5	2458,8	2690,7	879,9	287,8
Эстония	1682,6	2001,5	1396,0	1738,4	286,6	263,1	1109,4	1475,3
Норвегия	1288,8	1477,1	299,7	539,3	989,1	937,8	–689,4	–398,5
Польша	2282,7	2495,8	579,0	614,1	1703,7	1881,7	–1124,7	–1267,6
Литва	953,2	1082,6	471,2	648,5	482,0	434,1	–10,8	214,4
Латвия	1669,4	1777,9	1411,5	1473,7	257,9	304,2	1153,6	1169,5
Дания	865,1	750,9	440,7	252,1	424,4	498,8	16,3	–246,7
Швеция	2569,5	1715,8	1615,8	847,8	953,7	868,0	662,1	–20,2
Германия	10 126,8	8 820,0	3 196,2	2 283,9	6 930,6	6 536,1	–3 734,4	–4 252,2
Исландия	84,3	90,3	2,2	5,7	82,1	84,6	–79,9	–78,9

Примечание: таблица составлена и рассчитана автором на основе данных Сайта Федеральной службы государственной статистики (http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_11/Main.htm).

порта, пластмасса, мясо. Второе место по объему торговли уверенно занимает Финляндия. Основными статьями экспорта в Финляндию являлись топливо, древесина, химическая продукция, импорта — молочная продукция, машиностроительная продукция, бумага.

На 3-м месте находится Польша, в 2012 г. она занимала 4-е место. Наиболее значимыми статьями экспорта были топливо, черные металлы и древесина, импорта — электрооборудование, пластмассы, фрукты, средства наземного транспорта. В Эстонию экспортировались топливо, судостроительная продукция, древесина, удобрения, а импортировались молочная продукция, рыба, красители, краски и лаки, штукатурная продукция, реакторы ядерные и их оборудование, электрические машины и оборудование. Наиболее значимыми по стоимости статьями экспорта в Латвию были минеральное топливо, черные металлы, древесина и химическая продукция, импортировались рыба, продукция растениеводства и машиностроительная продукция.

В Швецию ввозились топливо минеральное, продукты перегонки, продукты неорганической химии, органические химические соединения, каучук, резина и изделия из них, древесина и изделия из нее. Из Швеции вывозились злаки, штукатурная продукция, краски и красители, пластмассы и изделия из них, бумага и картон, черные металлы и изделия из них, реакторы ядерные и оборудование, электрические машины и оборудование, средства наземного транспорта. В Норвегию экспортировались минеральные продукты, алюминий, древесина и черные металлы. В импорте преобладали поставки рыбы и морепродуктов. В Литовскую Республику вывозили минеральные продукты и удобрения, а из Литвы ввозили живых животных, пластмассу и бумагу.

Статьи экспорта в Данию — это жиры и масла, воски, остатки и отходы пищевой промышленности, топливо минеральное и продукты перегонки, древесина и изделия из нее, черные металлы. Статьи импорта в СЗФО из Дании — это мясо и пищевые мясные субпродукты, молочная продукция, яйца птиц, мед натуральный,

Таблица 2

Рейтинг внешней торговли СЗФО со странами РБМ, млн долл. США

Место в 2013	Товарооборот страны (место в 2012)	Показатель в 2013	Экспорт страны (место в 2012)	Показатель в 2013	Импорт страны (место в 2012)	Показатель в 2013
1	Германия (1)	8820,0	Финляндия (1)	2 978,5	Германия (1)	6 536,1
2	Финляндия (2)	5669,2	Германия (2)	2 283,9	Финляндия (2)	2690,7
3	Польша (4)	2495,8	Эстония (5)	1738,4	Польша (3)	1881,7
4	Эстония (5)	2001,5	Латвия (4)	1473,7	Норвегия (4)	937,8
5	Латвия (6)	1777,9	Швеция (3)	847,8	Швеция (5)	868,0
6	Швеция (3)	1715,8	Литва (7)	648,5	Дания (7)	498,8
7	Норвегия (7)	1477,1	Польша (6)	614,1	Литва (6)	434,1
8	Литва (8)	1082,6	Норвегия (9)	539,3	Латвия (9)	304,2
9	Дания (9)	750,9	Дания (8)	252,1	Эстония (8)	263,1
10	Исландия (10)	90,3	Исландия (10)	5,7	Исландия (10)	84,6

Примечание: таблица составлена и рассчитана автором на основе данных табл. 1.

злаки, реакторы ядерные и оборудование, остатки и отходы пищевой промышленности. В Исландию экспортировались топливо минеральное и продукты перегонки, древесина и изделия из нее, а импортировались мясо и пищевые мясные субпродукты, рыба и ракообразные, моллюски.

Внешняя торговля со странами РБМ играет важную роль для СЗФО. Объем внешнеторговой деятельности СЗФО со странами РБМ равен почти одной четвертой от всего товарооборота СЗФО (см. табл. 3). Товарооборот формируется преимущественно за счет отраслей обрабатывающей промышленности, в особенности машиностроения. Достаточно развита внутриотраслевая торговля, которая отражает как процесс международной кооперации, так и развитие производства в рамках конкурентных отношений.

Регион Балтийского моря охватывает 11 стран и более 100 млн жителей. В настоящее время к региону Балтийского моря относятся различные формальные и неформальные трансграничные организации и форумы. РБМ выделяется [5] стабильной демократией, институциональными структурами, которые благоприятны для бизнеса, территориальной близостью, развитой инфраструктурой, высоким уровнем образования, крепкими промышленными традициями и общей историей сотрудничества и торговли. Экономические и общественные интересы субъектов РБМ тесно переплетаются.

Для развитых стран интерес сводится к гарантированным поставкам сырья, энергоресурсов, обеспечению безопасности [2; 3]. Для развивающихся стран интерес сводится к экономическому развитию, доступу к инвестиционным ресурсам, технологиям и к новым рынкам. Коммерческие интересы стран взаимно дополняют друг друга. Экономическое взаимопроникновение, реализация взаимовыгодных совместных проектов, прежде всего в сопредельных регионах, являются базовыми элементами устойчивого развития рассматриваемого региона.

Неоднородность внутрирегиональной торговли, в структуре которой присутствуют не только сырье и готовая продукция, но и элементы промежуточного производственного цикла, обнаруживает внутри- и межотраслевую международную кооперацию. Автор считает, что дальнейшее развитие внутриотраслевого товарообмена в рамках внешнеторговой деятельности СЗФО и РБМ, особенно в инновационных секторах, приведет к увеличению эффективности в товарообороте и конкурентоспособности всего региона на мировой арене.

Таблица 3

Сводная таблица внешней торговли СЗФО со странами РБМ за 2012–2013 г., млн долл. США

Показатели	СЗФО		СЗФО с РБМ	
	2012	2013	2012	2013
Товарооборот	109 105,00	103 526,80	27 319,90	23 776,00
Экспорт	52 071,50	47 940,20	12 751,00	11 382,00
Импорт	57 033,50	55 586,60	14 568,90	12 394,00
Сальдо	–4 962,00	–7 646,40	–1 817,90	–1 012,00

Примечание: таблица составлена и рассчитана автором на основе данных Сайта Федеральной службы государственной статистики (http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_11/Main.htm).

Литература

1. *Вертакова Ю. В., Плотников В. А.* Теоретические аспекты учета динамических характеристик социально-экономических систем в управлении региональным развитием // Известия Русского географического общества. 2011. Т. 143, № 6. С. 42–50.
2. *Максимцев И. А.* Глобализация и перспективы развития российско-европейских интеграционных процессов // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2006. № 1. С. 18–29.
3. *Максимцев И. А., Балабин В. Б.* Энергетический потенциал России в условиях экономической глобализации // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2008. № 2. С. 7–13.
4. *Молчанова О. А., Чепурко Ю. С.* Трансформация экономического кризиса в условиях глобализации // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2013. № 2 (80). С. 22–28.
5. *Пшеничникова С. Н.* Инвестиции и экономический рост в евразийских странах // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2013. № 5 (83). С. 14–26.

References

1. Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A. *Theoretical aspects of the accounting of dynamic characteristics of social and economic systems in management of regional development* [Teoreticheskie aspekty ucheta dinamicheskikh kharakteristik sotsial'no-ekonomicheskikh sistem v upravlenii regional'nym razvitiem] // News of the Russian geographical society [Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva]. 2011. Vol. 143, N 6. P. 42–50.
2. Maksimtsev I. A. *Globalization and prospects of development of the Russian-European integration processes* [Globalizatsiya i perspektivy razvitiya rossiisko-evropeiskikh integratsionnykh protsessov] // News of St. Petersburg University of Economics and Finance [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov]. 2006. N 1. P. 18–29.
3. Maksimtsev I. A., Balabin V. B. *Energy potential of Russia in the conditions of economic globalization* [Energeticheskii potentsial Rossii v usloviyakh ekonomicheskoi globalizatsii] // News of St. Petersburg University of Economics and Finance [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov]. 2008. N 2. P. 7–13.
4. Molchanova O. A., Chepurko Yu. S. *Transformation of an economic crisis in globalization conditions* [Transformatsiya ekonomicheskogo krizisa v usloviyakh globalizatsii] // News of St. Petersburg University of Economics and Finance [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov]. 2013. N 2 (80). P. 22–28.
5. Pshenichnikova S. N. *Investments and economic growth in the Euroasian countries* [Investitsii i ekonomicheskii rost v evraziiskikh stranakh] // News of St. Petersburg University of Economics and Finance [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov]. 2013. N 5 (83). P. 14–26.

Методика прогнозирования мобилизации венчурного капитала

Пшеничников Роман Сергеевич
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Аспирант кафедры корпоративных финансов и оценки бизнеса
roman-venture@yandex.ru

РЕФЕРАТ
В статье раскрываются особенности венчурного финансирования в Российской Федерации. Автор предлагает подход к прогнозированию венчурного капитала на основе корреляционно-регрессионного анализа с использованием пяти факторов: фондовый индекс РТС, индекс промышленного производства, уровень инфляции, совокупный экспорт, цены на нефть.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
венчур, венчурный капитал, венчурное инвестирование, венчурное финансирование, прогнозирование венчурного капитала, корреляционно-регрессионный анализ

Methodology of Forecasting of Mobilization of the Venture Capital

Pshenichnikov Roman Sergeevich
Saint-Petersburg State University of Economy (Saint-Petersbur, Russian Federation)
Graduate Student of the Chair of Corporate Finance and Business Valuation
roman-venture@yandex.ru

ABSTRACT
In the article the characteristics of venture financing in Russian Federation are disclosed. Author offers an approach to forecasting of venture capital on the base of correlation-regression analysis with using of five factors: index RTS, index of industrial production, rate of inflation, cumulative export, prices of oil.

KEYWORDS
venture, venture capital, venture investing, venture financing, venture capital forecasting, correlation-regression analysis

Одним из элементов перехода страны на инновационный путь развития должна стать формирующаяся система привлечения частных инвестиций в высокотехнологичную сферу экономики [2; 6; 8]. Одним из перспективных путей реализации инновационных проектов является венчурное финансирование; целевой группой для получения инвестиций в венчурном бизнесе являются наукоемкие предприятия. Формирование и развитие системы венчурного финансирования позволит включить венчурный капитал в стратегически важные направления развития экономики. Венчурное финансирование является инструментом, позволяющим государству направить финансовые потоки частного сектора в приоритетные отрасли. Российский рынок прямого и венчурного финансирования начал формироваться в середине 1990-х гг. и к настоящему времени представлен достаточно широким кругом инвесторов. Тем не менее институциональная среда венчурного инвестирования продолжает формироваться, равно как и инновационная инфраструктура российской экономики [4; 7].

В отношении формирующегося венчурного финансирования в России председатель правления Национального содружества бизнес-ангелов А. Каширин указывает на то,

что это принципиально новый и единственный финансовый механизм, позволяющий привлечь значительные инвестиции при высоком уровне риска на критических стадиях развития компаний (посевной и начальной). Ю.П. Аммосов под венчурным финансированием понимает вид деятельности, имеющий целью вложение инвестиций в молодые высокотехнологичные компании и проекты [1, с. 14]. Н.Ю. Людвикова считает, что множество определений венчурного финансирования сводится «к его функциональной задаче: способствовать росту конкретного бизнеса путем предоставления определенной суммы денежных средств в обмен на долю в уставном капитале или некий пакет акций» [5, с. 212].

Автор под венчурным финансированием понимает постоянно осуществляемый в средне- и долгосрочной перспективе процесс высокорисковых вложений финансовых, нематериальных и материальных ресурсов в обмен на долю в компаниях, изначально не котирующихся на фондовых биржах, находящихся на ранних стадиях жизненного цикла (посевная, стартовая, ранняя), ориентированных на разработку и производство инновационных для данной экономики и даже всего мирового сообщества продуктов, отличающихся научно-технической новизной, производственной применимостью и обладающих значительным социально-экономическим потенциалом; связанный с возможностью получения сверхвысокой прибыли за счет прироста стоимости капитала при эффективном использовании всех инструментов и процедур этого вида финансирования; основная задача инвестора заключается в прогрессивном развитии деятельности компании посредством выполнения многообразных функций при активном участии в управлении проинвестированной компанией и получения повышенного возврата на вложенный капитал.

В отечественной экономике общий объем капитализации венчурных фондов и фондов прямых инвестиций за период 1994–2005 гг. составил: в 1994 г. — 1 млрд долл., в 1998 г. — 3 млрд долл., в 2000 г. — 2,5 млрд долл. [3, с. 60], в 2005 г. — 5 млрд долл., по состоянию на конец I полугодия 2013 г. — около 27,6 млрд долл., трост составил 27 раз[1]. Такой рост общей капитализации мы считаем существенным фактором, способствующим более активному созданию и внедрению инноваций в отечественной экономике. На основе статистических данных видно, что за период 2005–2007 гг. произошел существенный скачок в росте капитализации фондов венчурных и прямых инвестиций: 2005 г. — 5 млрд долл., 2007 г. — 10,2 млрд долл., т.е. рост в 2 раза. Следующий скачок отмечен за период 2011–2012 гг.: 2011 г. — 20 млрд долл., 2012 г. — 26,4 млрд долл., рост на 30%.

Следующая особенность, помимо отмеченного «скачкообразного» развития, российской системы венчурного финансирования заключается в том, что происходит постепенное изменение соотношения венчурных фондов и фондов прямых инвестиций в пользу последних. К концу 2000 г. на территории России действовало около 40 фондов с капиталом 3,5–4 млн долл. По оценкам экспертов, за 1994–2001 гг. общий объем венчурных и приравненных к ним прямых инвестиций в отечественные компании составлял 1,5–1,8 млн долл., т.е. меньше половины совокупного объема средств. Однако в высокотехнологичный сектор было направлено не более 3–5% от общей суммы прямых инвестиций[2].

Число действующих на российском рынке фондов венчурных инвестиций, ориентированных преимущественно на компании ранних стадий, составило в 2012 г. 155, что в 1,7 раза превышает число фондов прямых инвестиций, число которых

---

[1] Обзор рынка прямых и венчурных инвестиций за 2012: Аналитич. сб. / РАВИ. СПб.: Феникс, 2013. С. 3: [Электронный ресурс]. URL: http://www.rvca.ru/upload/files/lib/RVCA_yearbook_2013_Russian_PE_and_VC_market_review_2012_ru.pdf.

[2] НОВИНКОР — Новосибирская инновационно-инвестиционная корпорация. Венчурный бизнес в России: [Электронный ресурс]. URL: http://novinkor.com/biblioteka/venture/89-russia.html.

Таблица 1

Соотношение числа и объемов прямых и венчурных инвестиций в РФ за 2011–2012 гг.

	Капитализация и число фондов			
	Объем, млн долл.	Число	Объем, млн долл.	Число
	2011 год		2012 год	
Фонды прямых инвестиций	16 643	77	21 863	92
Фонды венчурных инвестиций	3449	97	4557	155
Всего	20 092	174	26 420	247

Источник: *Обзор* рынка прямых и венчурных инвестиций за 2012: Аналитич. сб. / РАВИ. СПб.: Феникс, 2013. С. 11: [Электронный ресурс]. URL: http://www.rvca.ru/upload/files/lib/RVCA_yearbook_2013_Russian_PE_and_VC_market_review_2012_ru.pdf.

составило 92. Однако по капитализации тенденции противоположные: по объему капиталов фонды прямых инвестиций многократно (почти в 5 раз) превышают аналогичный показатель для венчурных фондов (21,86 и 4,55 млрд долл.) (табл. 1).

Анализируя структуру венчурных инвестиций в России по отраслям, можно выявить следующие закономерности: в 2005 г. наибольший удельный вес инвестиций приходился на три направления: телекоммуникации — 31%, потребительский рынок — 21%, легкая промышленность — 8% [3, с. 61]. В 2008 г. произошло существенное изменение в соотношении лидирующих направлений [9, с. 31]. На первое место со значительным отрывом вышли информационные технологии (49,4%), далее следуют мобильные технологии (9,3%), новые материалы (7,6%) и оборудование (7,5%). В целом на протяжении ряда последних лет наиболее привлекательными для инвесторов являлись отрасли потребительского рынка, сектор ИКТ и финансовых услуг (табл. 2).

Важно отметить, что только в 2011–2012 гг. в тройку лидеров вошли такие отрасли, как промышленное оборудование и энергетика, но достигнуто это было за счет отдельных крупных знаковых инвестиций. Продолжил традиции и 2013 г., промежуточные результаты которого показывают, что в явных лидерах находятся сектор ИКТ и отрасль финансовых услуг. В ходе осуществления инвестиций в 102 компании более чем 60 различными фондами совместно с партнерами, а именно стратегическими инвесторами и бизнес-ангелами, было заключено более 160 сделок[1].

На основе проведенного компаративного анализа состояния венчурной сферы в США и России была выявлена относительно невысокая эффективность функционирования системы венчурного финансирования инновационных проектов в отечественной экономике. Однако за анализируемый период 1994–2013 гг., характеризуемый как период формирования и становления венчурной сферы, наблюдалась положительная динамика основных показателей венчурного инвестирования: общая капитализация фондов выросла в 27 раз, существенно возросло число венчурных фондов и фондов прямых инвестиций, а также число управляющих компаний; осуществляется инвестирование всех фаз жизненного цикла венчурных компаний; увеличивается доля отечественных инвесторов; значительно возросли роль и доля государственных ресурсов в финансировании инноваций.

[1] Обзор рынка прямых и венчурных инвестиций за 2012: Аналитич. сб. / РАВИ. СПб.: Феникс, 2013. С. 19: [Электронный ресурс]. URL: http://www.rvca.ru/upload/files/lib/RVCA_yearbook_2013_Russian_PE_and_VC_market_review_2012_ru.pdf.

Таблица 2

Распределение совокупных объемов инвестиций отраслей-лидеров за период 1994–2012 гг. в РФ, млн долл.

	1994–2004		2005		2009		2010		2011		2012	
Отрасли-лидеры	**Млн долл.**	**%**	**Млн долл.**	**%**	**Млн долл.**	**%**	**Млн долл.**	**%**	**Млн долл.**	**%**	**Млн долл.**	**%**
Потребительский рынок	691	26	52	25	240	54	292	12	1541	51	299	8
Финансовые услуги	138	5	—	—	80	18	842	35	233	8	871	25
ИКТ	724	27	89	44	96	21	1062	45	560	18	1071	31
Промышленное оборудование	167	6	10	5	3	1	94	4	493	16	266	8
Энергетика	228	9	—	—	28	6	101	4	138	7	665	19
Другие	40	2	53	26	0	—	0,3	0	7,08	0	272	8
Всего	2608	100	204	100	447	100	2391	100	2972,8	100	3444	100

Составлено автором по: *Обзор* рынка прямых и венчурных инвестиций за 2004–2013 гг.: Аналитич. сб. / РАВИ. СПб.: Феникс, 2013.: [Электронный ресурс]. URL: http://www.rvca.ru/upload/files/lib/RVCA_yearbook_2013_Russian_PE_and_VC_market_review_2012_ru.pdf.

С использованием методики прогнозирования объемов мобилизованного венчурного капитала рассчитаем прогнозную мобилизацию на 2014 и 2015 гг. Для этого потребуется получить прогнозные значения переменных, входящих в пятифакторную регрессионную модель, с помощью инструмента «Регрессия» пакета «Анализ данных» в электронных таблицах Excel.

Для определения перспектив развития венчурного финансирования в отечественной экономике необходимо прогнозирование объемов данного вида инвестирования. Для построения модели изменения объемов венчурного капитала выявим, какие факторы наиболее существенно будут влиять на стоимость венчурных фондов. К таким факторам, по нашему мнению, можно отнести следующие: фондовый индекс РТС, индекс промышленного производства (ИПП), уровень инфляции, совокупный экспорт, цены на нефть. Данные по венчурному финансированию начинаются с 1994 г., расчет индекса РТС — с 1995 г. и был приравнен к 100, поэтому исследуемый нами период охватывает 1995–2013 гг. (табл. 3).

Рассмотрим парное изменение результативности признака (зависимой переменной) и признак-фактора (одного из пяти факторов). Перед выполнением расчетов необходимо найти средние значения всех факторов и зависимой переменной, их среднеквадратические отклонения, а также произведения всех независимых переменных на зависимую, а также переменных друг на друга.

Перед построением модели зависимости показателей мобилизованного российского венчурного капитала от влияния всех предложенных факторов необходимо найти показатели тесноты связи (линейной) между зависимой переменной и каждым

Таблица 3

Динамика фондового индекса РТС, ИПП, цены на нефть Brent, уровня инфляции, за период 1995–2012 гг.

Год	Индекс РТС	Цена на нефть Brent	ИПП	Уровень инфляции, %	Год	Индекс РТС	Цена на нефть Brent	ИПП	Уровень инфляции, %
1995	79	37	95	23	2004	622	37	102	11
1996	344	30	92	23	2005	795	35	106	10
1997	332	39	103	32	2006	1533	66	106	9
1998	333	31	95	34	2007	1933	77	100	11
1999	96	37	108	36	2008	1693	91	90	11
2000	392	28	108	20	2009	933	62	102	8
2001	393	24	102	18	2010	1504	80	105	9
2002	342	24	103	15	2011	1359	110	105	6
2003	454	28	108	13	2012	1424	109	100	6

Составлено автором по:1) мобилизированный капитал, капитализация ликвидированных фондов и накопленная капитализация действующих фондов: Российская ассоциация венчурного инвестирования(Рави) http://www.rvca.ru/rus; 2) РТС: Московская биржа (http://moex.com/ru/index/stat/monthlyhistory.aspx?code=RTSI); 2) индекс промышленного производства: Федеральная служба государственной статистики (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/); 3) инфляция: Уровень инфляции в Российской федерации (http://xn----ctbjnaatncev9av3a8f8b.xn--p1ai/); 4) экспорт: Основные показатели Российской федерации Росстат (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/ftrade/); 5) цены на нефть Brent: Вся статистика: Мировые товарные рынки: Нефть:Цена (http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=metal&count=oi&table=price&time=1).

фактором (коэффициент корреляции), значения которого находятся в границе [–1; 1]. Если коэффициент меньше 0,2, то фактор признается статистически незначимым и не имеет смысла включать его в уравнение. Тем не менее если показатель меньше 0,2, то это не означает, что между зависимой переменной и фактором связь очень слабая. Это лишь показывает, что связь слабая при линейной зависимости, при другой нелинейной модели связь может быть и очень сильной.

Коэффициент корреляции находится по формуле:

$$r_{yx1} = \frac{\overline{yx_1} - \overline{y} \cdot \overline{x_1}}{\sigma_{x_1}\sigma_y}.$$

По результатам расчетов получаем: $r_{yx1} = 0{,}791$; $r_{yx2} = 0{,}084$; $r_{yx3} = -0{,}326$; $r_{yx4} = 0{,}801$; $r_{yx5} = 0{,}802$.

Из этого следует, что связь между факторами x_1, x_4, x_5 и независимой переменной y — прямая и сильная, с фактором x_3 — связь умеренная и обратная. Связь же с фактором x_2 (индекс промышленного производства) признается статистически незначимой и включение этого фактора в общую модель только приведет к усложнению общей формулы, а задача эконометрического расчета сводится к упрощению общего уравнения без потери статистической значимости.

Далее найдем связь между факторами. По этой же формуле находим: $r_{x1x3} = -0{,}495$; $r_{x1}x_4 = 0{,}919$; $r_{x1x5} = 0{,}916$; $r_{x3}x_4 = -0{,}466$; $r_{x3x5} = -0{,}486$; $r_{x4x5} = 0{,}998$.

Если коэффициент больше 0,7, то это признак ярко выраженной коллинеарности факторов. По полученным данным видно, что факторы явно коррелируют

друг с другом. Чтобы выяснить наличие мультиколлинеарности факторов, необходимо найти определитель матрицы четырех коэффициентов корреляции факторов. По приведенному решению определитель матрицы оказался равен 0,0005, из чего следует, что оставшиеся факторы явно мультиколлинеарны, тем не менее надежна оценка распределения суммы объясненной вариации по каждому фактору, что ведет к неправильно сделанным выводам эконометрического исследования.

Чтобы избавиться от присутствия мультиколлинеарности, можно выбрать несколько вариантов: 1) перейти от первоначальных данных к первым разностям уровней; 2) перейти к совмещенному уравнению регрессии, отображая в уравнении не только влияние фактора на зависимую переменную, но также вводить и влияние факторов друг на друга; 3) избавиться от одного или нескольких факторов.

В нашем примере ярко выражена мультиколлинеарность между тремя факторами x_1, x_4, x_5. Фактор, который необходимо оставить в уравнении, выбирается не по наибольшей коллинеарности к зависимой переменной, а по наименьшей коллинеарности с остальными факторами. Из полученных данных видно, что фактор x_1 наименее коллинеарен к остальным факторам, между факторами x_3 и x_4 существует почти функциональная связь. Следовательно, из трех коллинеарных факторов выбираем x_1. В итоге остаются два фактора x_1 и x_3.

По данным коэффициентов корреляции находим стандартизированные коэффициенты регрессии при двух факторах по формуле:

$$\beta_1 = \frac{r_{yx1} - r_{yx2} r_{x1x2}}{1 - r_{x1x2}^2}.$$

Стандартизированные коэффициенты являются относительными показателями и по ним можно оценивать силу влияния фактора на зависимую переменную. По результатам расчетов получаем: $\beta_1 = 0{,}834$; $\beta_2 = 0{,}086$.

Из этого следует, что фактор x_1 на порядок сильнее влияет на результат, чем x_3. В итоге по этим коэффициентам выводим уравнение в стандартизированном масштабе: $t_y = 0{,}834 t_{x1} + 0{,}086 t_{x2}$.

Для расчета уравнения в натуральном масштабе необходимо коэффициенты β_1 и β_2 преобразовать в коэффициенты b_1 и b_2 по формуле

$$b_1 = \beta_1 \frac{\sigma_y}{\sigma_{x1}}.$$

Далее надо найти коэффициент a по формуле: $a = \overline{y} - b_1 \overline{x_1} - b_2 \overline{x_2}$.

Рассчитав, находим: $b_1 = 2{,}29$; $b_2 = 5{,}044$; $a = -478{,}43$.

Уравнение в натуральном масштабе имеет вид:

$$\hat{y} = -478{,}43 + 2{,}29 x_1 + 5{,}04 x_2 + \varepsilon,$$

где ε — это возмущение, та часть остаточной вариации, которая объясняется факторами, не включенными в данное уравнение. Чтобы оценить качество построенной модели, необходимо найти индекс множественной корреляции, который показывает тесноту совместного влияния факторов на результат. Индекс множественной корреляции находится по формуле:

$$R_{yx1x2} = \sqrt{\beta_1 r_{yx1} + \beta_2 r_{yx2}}.$$

Качество построенной модели описывает коэффициент детерминации, и находится он как квадрат индекса множественной корреляции. По результатам расчетов находим: $R_{yx1x2} = 0{,}794$; $R^2_{yx1x2} = 0{,}631$.

По коэффициенту детерминации можно сделать вывод, что зависимость мобилизованного венчурного капитала от индекса РТС и инфляции характеризуется как тесная, в которой 63% вариации мобилизованного капитала определяется вариацией учтенных в уравнении факторов, и 37% вариации результирующего фактора определяется вариацией неучтенных в уравнении факторов.

Далее необходимо определить частные коэффициенты корреляции, которые показывают, как влияет конкретный фактор на результат при неизменном уровне второго фактора. Частные коэффициенты корреляции находим по рекуррентной формуле:

$$r_{yx1/x2} = \frac{r_{yx1} - r_{yx2}r_{x1x2}}{\sqrt{\left(1 - r^2_{yx2}\right)\left(1 - r^2_{x1x2}\right)}}.$$

По результатам расчетов получаем: $r_{yx1/x3} = 0{,}766$; $r_{yx3/x1} = 0{,}123$.

В результате исключения коррелирующих и статистически незначимых факторов, а также при условии неизменности второго фактора, коэффициент корреляции фактора x_1 изменился с $0{,}791$ на $0{,}766$, а фактора x_3 — с $(-0{,}326)$ на $0{,}123$, причем у этого фактора изменилась и направленность влияния.

Для определения влияния каждого фактора на результат необходимо найти частные коэффициенты эластичности, которые при линейной зависимости находятся по формуле:

$$Э_{yx1} = b_1 \frac{\overline{x_1}}{\overline{y}}.$$

По результатам расчетов получаем: $Э_{yx1} = 1{,}23$; $Э_{yx3} = 0{,}08$.

Частные коэффициенты эластичности, так же как и стандартизированные коэффициенты, относительные и показывают силу влияния на результирующую переменную. Из этих данных видно, что при увеличении индекса РТС на 1% мобилизованный венчурный капитал увеличится на 1,23 млн долл. При увеличении же инфляции на 1% мобилизованный венчурный капитал увеличится на 0,08 млн долл.

Значимость уравнения множественной регрессии в целом можно определить с помощью F-критерия Фишера. Критерий Фишера рассчитывается по формуле

$$F = \frac{R^2_{yx1x2}}{1 - R^2_{yx1x2}} \cdot \frac{n - m - 1}{m}$$

и сравнивается с табличным значением критерия, которое равно 3,63. Рассчитывая F-критерий, получаем 13,68. Поскольку значение расчетного критерия больше табличного, то отвергается H0-гипотеза и уравнение признается статистически значимым.

Чтобы определить статистическую значимость присутствия каждого из факторов, в уравнении необходимо найти частные коэффициенты Фишера и сравнить их с табличными значениями. Частные коэффициенты Фишера находятся по формуле

$$F_{\text{частн}x1} = \frac{R^2_{yx1x2} - r^2_{yx2}}{1 - R^2_{yx1x2}} \cdot \frac{n - m - 1}{1}.$$

По результатам расчетов находим: $F_{\text{частн}x1} = 22{,}76$; $F_{\text{частн}x3} = 0{,}245$; $F_{\text{табл}} = 4{,}49$.

Из результатов видно, что для фактора x_1 гипотеза H0 отвергается, и мы приходим к выводу о целесообразности включения фактора x_1 после уже имеющегося фактора x_3 в уравнение. Также мы видим, что в отношении фактора x_3 нулевая гипотеза подтверждается и можно сделать вывод о нецелесообразности включения фактора x_3 после того, как в уравнении присутствует фактор x_1. Следовательно, фактор x_3 необходимо исключить из уравнения и построить его заново.

Для построения уравнения парной регрессии необходимо найти коэффициенты b и a. Коэффициент b рассчитывается по формуле

$$b = \frac{\overline{yx} - \overline{y} \cdot \overline{x}}{\sigma_{x1}^2}.$$

Коэффициент a рассчитывается по формуле $a = \overline{y} - b\overline{x_1}$.

По результатам расчетов получаем: $b = 2{,}18$; $a = -262{,}19$.

В итоге уравнение принимает вид: $\hat{\boldsymbol{y}} = -262{,}19 + 2{,}18\boldsymbol{x}_1$.

Найдем коэффициенты корреляции и коэффициент парной детерминации, чтобы убедиться в правильности решения об исключении фактора x_3. По результатам расчетов видим, что до исключения фактора x_3 $r_{yx1/x3} = 0{,}766$; $R^2_{yx1x2} = 0{,}631$.

А после исключения фактора x_3 из уравнения $r_{yx1} = 0{,}791$; $R^2_{yx1} = 0{,}625$.

Коэффициенты корреляции остались на том же уровне, даже немного увеличились, коэффициент детерминации остался на том же уровне. Следовательно, исключение фактора x_3 из уравнения было сделано правильно. Придя к конечному уравнению, можно спрогнозировать динамику мобилизованного венчурного капитала на несколько лет вперед. Поскольку конечный результат зависит от индекса РТС, то его прогнозное значение составит $\text{РТС}\ (2014) = 1850$, $\text{РТС}\ (2015) = 1950$. Подставив эти значения в рассчитанную формулу, находим прогнозные значения объемов венчурного капитала на 2014 г. и 2015 г., которые составили 3765 млн долл. и 3982 млн долл. соответственно.

Таким образом, используя предложенную методику определения мобилизации венчурного капитала и факторов, влияющих на стоимость венчурного капитала в отечественной экономике, мы выявили, что наиболее существенная зависимость имеется от фондового индекса РТС. Прогнозные значения величины венчурного капитала показали его снижение в ближайшие 2 года, что является неблагоприятным фактом для процесса развития венчурного финансирования. Данное прогнозное уменьшение стоимости венчурного капитала, очевидно, будет связано с общей экономической ситуацией в отечественной экономике (последствия мирового экономического кризиса, большая зависимость от иностранных инвесторов, выход из проинвестированного бизнеса большого количества венчурных фирм и др.).

Литература

1. *Аммосов Ю. П.* Венчурный капитализм: от истоков до современности. СПб.: Феникс, 2005. 409 с.
2. *Добрынин А. И., Ивлева Е. С., Плотников В. А.* Социально-экономические программы роста экономики и качества жизни // Экономика и управление. 2006. № 1. С. 23–30.
3. *Каширин А. И., Семенов А. С.* Венчурное инвестирование в России. М.: Вершина, 2007. 331 с.
4. *Леонтьев В. Е., Баранова А. Ю.* Методология финансирования инноваций // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2013. № 5 (83). С. 49–56.
5. *Людвикова Н. Ю.* Принципы и процедуры венчурного инвестирования // Проблемы современной экономики. 2009. № 3. С. 212–214.
6. *Плотников В. А.* Управление национальной инновационной системой России: кадровый аспект // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2010. № 3. С. 42–53.

7. *Пшеничников Р. С.* Венчурное инвестирование в развитой экономике // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012. № 1. С. 133–136.
8. *Пшеничникова С. Н.* Инвестиции и экономический рост в евразийских странах // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2013. № 5 (83). С. 14–26.
9. *Ускова О. А.* Особенности текущего момента... или как выжить в текущей ситуации? // The AngelInvestor. 2009. №2 (14). С. 30–35.

References

1. Ammosov Yu. P. *Venture capitalism: from sources to the present* [Venchurnyi kapitalizm: ot istokov do sovremennosti]. SPb.: Phoenix [Feniks], 2005. 409 p.
2. Dobrynin A. I., Ivleva E. S., Plotnikov V. A. *Social and economic programs of growth of economy and quality of life* [Sotsial'no-ekonomicheskie programmy rosta ekonomiki i kachestva zhizni] // Economy and management [Ekonomika i upravlenie]. 2006. N 1. P. 23–30.
3. Kashirin A. I., Semenov A. S. *Venture investment in Russia* [Venchurnoe investirovanie v Rossii]. M.: Top [Vershina], 2007. 331 p.
4. Leontyev V. E., Baranova A. Yu. *Methodology of financing of innovations* [Metodologiya finansirovaniya innovatsii] // News of St. Petersburg University of Economics and Finance [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov]. 2013. N 5 (83). P. 49–56.
5. Lyudvikova N. Yu. *Principles and procedures of venture investment* [Printsipy i protsedury venchurnogo investirovaniya] // Problems of modern economy [Problemy sovremennoi ekonomiki]. 2009. N 3. P. 212–214.
6. Plotnikov V. A. *Management of national innovative system of Russia: personnel aspect* [Upravlenie natsional'noi innovatsionnoi sistemoi Rossii: kadrovyi aspect] // News of St. Petersburg University of Economics and Finance [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov]. 2010. N 3. P. 42–53.
7. Pshenichnikov R. S. *Venture investment in developed economy* [Venchurnoe investirovanie v razvitoi ekonomike] // News of St. Petersburg University of Economics and Finance [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov]. 2012. N 1. P. 133–136.
8. Pshenichnikova S. N. *Investments and economic growth in the Eurasian countries* [Investitsii i ekonomicheskii rost v evraziiskikh stranakh] // News of St. Petersburg University of Economics and Finance [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov]. 2013. N 5 (83). P. 14–26.
9. Uskova O. A. *Features of a present situation ... or how to survive in the current situation?* [Osobennosti tekushchego momenta... ili kak vyzhit' v tekushchei situatsii?] // The AngelInvestor. 2009. N 2 (14). P. 30–35.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем Вам разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в различных отраслях государственного управления, ученым и преподавателям.

Журнал «Управленческое консультирование» включен ВАК Минобрнауки РФ в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН. Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу http:elibrary.ru (Научная электронная библиотека).

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование и реферирование.

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией

В соответствии с рекомендациями ВАК редакцией устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются оригинальные научные материалы, соответствующие основной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления, экономики, общества и реформ.

Требования к направляемым в редакцию материалам

1. Автор представляет в редакцию:
   - распечатанный экземпляр статьи, подписанный автором, а также электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному; в конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения»
   - две рецензии — внешнюю и внутреннюю, заверенные печатью.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору направляется аргументированный отказ или рекомендации по доработке.
3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождена:
- **сведениями об авторах** (на русском и английском языках), которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
  - **кратким рефератом на русском и английском языках**, раскрывающим основное содержание статьи (≈ 200–300 слов);
  - **ключевыми словами на русском и английском языках.**
2. Технические требования к материалу:
   поля — 2,5 см везде;
   - номера страниц — внизу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
   - шрифт — Times New Roman;
   - аннотации, ключевые слова — 12 кегль, междустрочный интервал — 1;
   - основной текст — 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5;
   - ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы **в алфавитном порядке**), 12 кегль, межстрочный интервал — 1. **Ссылки на электронные ресурсы, правовые и законодательные акты, архивные материалы и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!**
3. Порядок расположения материалов:
   - инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
   - название статьи (на русском и английском языках). Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
   - краткий реферат на русском языке;
   - краткий реферат на английском языке (идентичный реферату на русском языке);
   - ключевые слова на русском языке;
   - ключевые слова на английском языке;
   - основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
   - абзацный отступ — 1,25 (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
   - расстановка переносов не применяется;
   - все примечания, в том числе сведения об авторе, оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста вниз полосы документа;
   - все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
   - выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным кеглем, не допускаются);
   - нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;
   - маркированный список пунктов оформляется только с помощью тире.
5. Оформление ссылок **(ВАЖНО!!!):**
   - ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
   - краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место

издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (количество страниц либо конкретные страницы). Области библиографического описания разделяются точкой;

- для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер источника и диапазон страниц, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой;
- список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе

Иванов Иван Иванович
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой
Доктор философских наук, профессор.
E-mail:
Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки

В тексте:

«А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М.: Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках

- *Монографии:*
  Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2008.
- *Статьи в научных сборниках:*
  Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972.
- *Публикации в многотомных изданиях:*
  Ирвинг В. Собр. соч. В 5 т. / пер. с англ. М.: ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.
  Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. М.: Мир книги, 2003. Т. 7.
- *Статьи в научных журналах:*
  1. *Кириленко В. П., Дронов Р. В.* О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба: Вестник Координаци-

онного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
2. *Шамахов В.А*. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

- *Статьи в газетах:*
  Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.
- *Правовые акты:*
  О науке и государственной научно-технической политике: федеральный закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.
  О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.
- *Архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):
  Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.
  Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.
- *Электронные ресурсы оформляются следующим образом:*
  1. *Манойло А. В*. Объекты и субъекты информационного противоборства: [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: Сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm (дата обращения: 23.02.2013).
  2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде»: [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/ (дата обращения: 20.09.2012).

Ссылки на таблицы и рисунки приводятся внутри текста: (табл. 2). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

2014. № 5 (65)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Л. И. ПОЛЯХ

Заведующий отделом научной периодики
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 14.05.2014 г.
Подписано к печати 29.05.2014.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,61. Тираж 650 экз.
Заказ № 5/14.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Аннотации статей и перевод
на английский язык В. В. ПОЛЯХ

Корректор Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России» 82909, по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8 линия В. О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97